

ВЛАДИМИР ГРЖОНКО

ДВЕРНОЙ ПРОЁМ ДЛЯ БАБОЧКИ
Роман

Посвящается Наталье Бернадской

© Copyright Vladimir Grjonko, 2003

ПРЕЛЮДИЯ

В тот день мисс Оффенбах неторопливо прогуливалась по Центральному парку, предаваясь приятным размышлениям. В этот послеполуденный час парк казался относительно безлюдным, но прохожих было вполне достаточно, чтобы мисс Оффенбах не чувствовала себя одиноко и неудобно. Она всегда гуляла в парке в это время суток. Мисс Оффенбах прошла по центральной аллее и спустилась по ступенькам к озеру – конечной цели своей прогулки – чтобы, как обычно, понаблюдать за двумя забавными белыми лебедями. Мисс Оффенбах, следуя правилам, лебедей никогда не кормила, но они все равно всегда подплывали. Лебедь, которого мисс Оффенбах определила как мужскую особь и называла Карлом, обычно косил в ее сторону маленьким пуговичным глазом, сразу же начинал поводить своей длинной шеей, будто рукой, и совсем не по лебединому многозначительно побряхтывать. Мисс Оффенбах находила в этих движениях самца-лебедя что-то неприличное – какой-то двусмысленный подтекст, не подобающий в обращении к незамужней даме. Тем более, что к лебедю тут же присоединялась его подруга, названная мисс Оффенбах Кларой, и старалась оттеснить самца от кромки берега. А если это не удавалось, то она, с совершенно неприкрытой злобой, начинала клевать отражение мисс Оффенбах в зеленоватой воде. Отражение становилось каким-то неряшливым, опасно нечетким, можно сказать, даже вульгарным. Однажды мисс Оффенбах увидела себя в воде не совсем одетой, чуть ли не голой, бесстыдно двигавшей бедрами, и она поспешно отпрянула в сторону, поправляя блузку и отвороты жакета. И еще ей тогда показалось, что ревнивая Клара удовлетворено и радостно посмотрела на нее и захлопала крыльями, окончательно разбивая неприличную картинку на тысячу мелких брызг-осколков.

Но все равно мисс Оффенбах часто навещала лебедей – если позволяла погода: в глубине души она была польщена и поведением Карла, и ревностью злой Клары. Мисс Оффенбах даже сама не могла бы сказать, кому из этой занятой парочки она симпатизирует больше. Конечно, для Карла, как особи мужского пола, вполне естественно проявить интерес к женщине. Но и лебедиха Клара была совершенно вправе негодовать и, возможно, даже наказывать беспутного друга за легкомыслие. Разумеется, мисс Оффенбах и сама была приличной девушкой, и поэтому ничего такого Карлу никогда бы не позволила. Нет, ну конечно, все это несерьезно и даже забавно. И никак не более! Но то, как встречала ее лебедиха Клара, как билась по воде красноватым клювом, странным образом вовлекало мисс Оффенбах в мир этих красивых и независимых птиц...

Сегодня ей показалось, что кривляния лебедя Карла стали совсем уже неприличными и похожими на приглашение. Может быть и потому еще, что лебедиха Клара куда-то запропастилась – и так и не появилась. А лебедь Карл совсем распоясался: делал шеей откровенные движения и привставал в мелкой воде, окуная трепещущий хвост и выгибая грудь.

К счастью, на площади не было ни души, хотя, конечно, мисс Оффенбах все равно ужасно смутилась. Забыв о здравомыслии и едва не замочив ботиночки, она шагнула вперед, желая только одного – пнуть наглого Карла и, таким образом, усювестить. Но в тот момент, когда она уже почти дотянулась до него рукой, подлый Карл вдруг сам ринулся на мисс Оффенбах. От неожиданности она очень испугалась, резко выпрямилась и попыталась отступить назад. Но не успела. Лебедь Карл налетел на нее, сверкнул глазом и, изогнув в последний раз шею, изо всех сил клюнул мисс Оффенбах прямо между ног! От ужаса она, наверное, потеряла сознание. Иначе как

объяснить то, что сразу вслед за пронзительной болью мисс Оффенбах почувствовала где-то внутри себя короткий толчок, потом еще один... А потом началось что-то совсем уж невероятное, что никакими приличными словами и описать невозможно. Ей почудилось, что она – лебедиха Клара и летит, под неведомо откуда взявшуюся быструю и легкую музыку, высоко над землей, и потом вдруг падает, и все обрывается внутри, а музыка падает вместе с ней... Все это длилось и длилось, хотя мисс Оффенбах уже понимала, что никуда не летит, а так и стоит у воды, с трясушимися коленками и влажным лбом. И лебедь успел куда-то спрятаться. Но музыка все звучала и звучала. Быстрая, до дрожи щекотная мелодия... А-а, – подумала мисс Оффенбах, – а-а-а! Она вдруг почувствовала себя почти невесомой, как будто этот мерзавец Карл разбил внутри ее тела какую-то привычную чугунную тяжесть. И только когда ноги окончательно замерзли, и мисс Оффенбах сделала шаг назад, она сообразила, что музыка существует не вообще в пространстве, как казалось раньше, а действительно звучит где-то за ее спиной. Мисс Оффенбах медленно обернулась.

В самом центре площади, у неработавшего фонтана, не обращая внимания на отсутствие слушателей, играл на скрипке странно одетый молодой человек. Как водится, у его ног лежал раскрытый скрипичный футляр, где под неярким солнцем жалко поблескивало несколько монет. Именно его музыку и слышала бедная мисс Оффенбах! Одиноким, но сильный звук скрипки наполнял пустое блюдце небольшой площади. Во всяком случае, именно так показалось мисс Оффенбах. Она растерянно шагнула поближе к музыканту, поймав себя на мысли, что если музыка оборвется, то вместе с ней исчезнет и это блаженное состояние легкости, а разбитый чугун вернется на прежнее место.

Стыдно признаться, но до этого момента музыка не играла в жизни мисс Оффенбах совсем никакой роли. Она, конечно, слышала популярные мелодии, несколько раз была в опере и все же к музыке оставалась достаточно равнодушной. Из-за полного отсутствия музыкального слуха все мелодии казались ей похожими одна на другую. Когда же ее спрашивали, какую музыку она предпочитает, то она, улыбаясь, отвечала, что – тихую. Она действительно не любила громких звуков. Подойдя к музыканту поближе, мисс Оффенбах разглядела потертую бархатную курточку, из-под которой выглядывали желтоватые кружева жабо, короткие до колен штаны, белые несвежие чулки и какие-то почти женские остроносые туфли. На голову был надет белый свалывшийся парик с косичкой. Что только не придумают, чтобы заработать, – жалостливо вздохнула мисс Оффенбах. И почувствовала себя неловко. Обычно, отправляясь на прогулку, она из предосторожности не брала с собой сумочку и, следовательно, не могла сейчас положить в футляр несчастного скрипача даже мелкую монету.

Музыкант, не прекращая играть, вдруг посмотрел прямо в глаза мисс Оффенбах. Она совсем смутилась – щеки ее горели под слоем пудры, – но почувствовала, что уйти не может. Это было бы очень невежливо – оставить его на круглой площади у фонтана совсем в одиночестве.

А музыкант легкомысленно улыбнулся, подбородком поправил скрипку и заиграл что-то новое, неожиданно медленное и грустное. Мисс Оффенбах, к своему удивлению, продолжала стоять и слушать, понимая, что теперь скрипач играет для нее. Она даже забыла про нелепость ситуации – про то, что застыла с глупой улыбкой на лице прямо напротив этого молодого мужчины. Наконец музыка закончилась, скрипач расслабленно опустил инструмент, рукой со смычком потер подбородок и весело рассмеялся.

– Любите Моцарта? – просто, будто у старой знакомой, спросил он. Мисс Оффенбах растерялась: она не помнила, кто такой Моцарт. Наверняка речь шла о композиторе, но ведь могло оказаться, что так звали и самого парня. Она

неопределенно кивнула. Музыкант перестал улыбаться, хмыкнул и поправил сбившееся набок жабо.

– Я теперь редко играю для публики. Особенно на улицах. Почти никогда. Кому сегодня нужен Моцарт? Но здесь, на площади, замечательная акустика... Мне и захотелось сыграть для себя – а теперь вот, случайно, и для вас...

Мисс Оффенбах вдруг почувдилось, что музыкант совсем не молод и не весел, а, наоборот, очень стар, грустен и темен лицом. Она еще больше пожалела бедного скрипача и представила его голодным и больным. От сочувствия ей даже захотелось дотронуться до рукава его нелепой курточки. Обычно трезвая и здравомыслящая, сейчас мисс Оффенбах сама себя не узнавала: такой трепетной, как будто раскинувшей чуткие лебединые крылья над площадью и озером, показалась ей собственная душа.

– Вот вы, вы меня понимаете, – горько сказал музыкант, и мисс Оффенбах почувствовала, что и действительно понимает его. И это тоже было очень непривычно, потому что она совсем не понимала мужчин, да еще таких –нелепо одетых уличных музыкантов.

– А жена у меня, – опять улыбнулся скрипач, – только и делает, что стирает... Все время стирает... Зачем? Не знаю. И зачем она мне, тоже не знаю. Знаю только, что каждая женщина – нота...

Мисс Оффенбах представила себе жену музыканта похожей на лебедиху Клару, которая плавает в ванне, полной мыльной пены. И это почему-то не показалось ей странным. А музыкант стал рассказывать и вовсе непонятное – про чей-то дар, тяжкий и сладкий, про струны, уходящие в небо, про настоящую музыку, не слышную обычным ухом... Удивительно: мисс Оффенбах, хотя и не понимала ничего, но ясно видела все то, о чем он говорил! Наконец музыкант вздохнул, прижал подбородком скрипку, закрыл глаза и снова заиграл. И душа мисс Оффенбах еще шире раскинула крылья, топорща перья-ощущения. Ей даже захотелось, чтобы проклятый лебедь еще раз клюнул ее. Тогда она, наверное, полетела бы снова. Туда, где, по словам музыканта, день соединяется с ночью нитями струн с подвешенными на них нотами-человечками – нитями, по которым свет – Великий дар дня – переливается в предназначенный для этого Сосуд ночи... Это было так непонятно, но так красиво!

Он играл еще долго, временами открывая глаза – как будто для того, чтобы убедиться: мисс Оффенбах все еще здесь, все еще слушает его. И она слушала – и думала о том, что все в этом мире устроено именно так: самое постыдное и нелепое – вроде удара-клевка гадкого лебедя – неожиданно может оказаться самым прекрасным... И уже без стеснения смотрела на музыканта.

Ночь для мисс Оффенбах прошла совершенно отвратительно, чего никогда раньше не случалось в ее размеренной жизни. Сильно ныло внизу живота: она даже подозревала синяк или ссадину, но взглянуть отчего-то не решилась. Вдобавок, в полусне, у нее возникло ужасное чувство чего-то недополученного или безнадежно упущенного. Почему-то виноваты в этом были и лебедиха Клара, и все время занятая стиркой жена музыканта. Мисс Оффенбах поняла, что днем ушла из парка слишком поспешно, и от этого душа ее уронила бессильно свои лебединые крылья... К рассвету она не выдержала, оделась и, поражаясь собственной отчаянности, отправилась в парк, к озеру. Пусть это сумасшествие, да, но имеет же она право хоть на один невероятный поступок в жизни? Иначе может быть поздно...

У самой воды было уже почти совсем светло. Мисс Оффенбах сразу увидела лебедей, дремлющих в камышах неподалеку. Она тихонько подкралась поближе, сняла обувь и осторожно ступила в холодную утреннюю воду. Когда вода была ей почти по колено, а до лебедей оставалась пара шагов, Карл и Клара одновременно вздрогнули, вытянули из-под крыльев змеиные шеи и, не двигаясь, уставились на нее колючими глазками. Мисс Оффенбах робкой рукой раздвинула жидкие камышины, наклонилась и тоже неподвижно смотрела на птиц. Взгляд лебедя Карла был сонным, но, кажется, он

приятно удивился и даже восторжествовал. Лебедиха Клара следила за ней настороженно и недобро. А когда мисс Оффенбах решилась сделать еще один шаг, то шея Клары дрогнула, изогнулась, темный клюв приоткрылся, и мисс Оффенбах услышала тихое противное шипение.

– Клара, – шепотом сказала мисс Оффенбах, – я же совсем не за этим пришла. Я пришла к тебе, глупая ревнивица.

Она покосилась на настороженного Карла, снова вспомнила летящую томительную музыку, скрипача, его лебедеподобную жену, тяжело вздохнула и потянулась погладить Клару. Но злая птица выскользнула из-под ладони и не больно, но совершенно издевательски ущипнула мисс Оффенбах за руку.

– Ай, – погромче сказала мисс Оффенбах, – ты же стирать должна, а не кусаться. Может, потому у музыканта грязный камзол, что ты кусаешься, а не стираешь? Он же гений, у него дар... Мне бы твои крылья!

Тут лебедь Карл оживился, с довольным видом подобрался поближе к мисс Оффенбах и коротко крякнул. От его голоса у мисс Оффенбах опять заныло укушенное днем место, но она не обратила на это никакого внимания.

– Я – тоже нота, – упрямо сказала она, глядя на лебедиху Клару, – и тоже хочу увидеть эти струны, связывающие день с ночью. Понимаешь? Я, наверное, замечательная нота. Только раньше об этом не знала. И теперь мне тоже нужна струна. За этим я и пришла.

– На-ш-ш-лась тут! – прошипела ей в ответ Клара-жена и снова, уже больнее, ущипнула мисс Оффенбах. – Пош-ш-шла отсюда! Пош-ш-шла!

Мисс Оффенбах стало очень обидно. Она наклонилась к Кларе, но тут лебедь Карл не выдержал, гоготнул и, неожиданно толкнув мисс Оффенбах, опрокинул ее на спину в мутную от тины воду. Руки мисс Оффенбах в поисках опоры глубоко, по локоть, ушли в липкий ил, а лебедь Карл воспользовался этим и стал сильно, как накануне, бить ее клювом между ног. Но сейчас, когда не было никакой музыки, а была мгновенно намокшая юбка, совсем не защищавшая от ударов, мисс Оффенбах почувствовала, что вот-вот умрет от боли, холода и унижения. И все же успела заметить, что красные глазки жены-лебедихи смотрят на нее с жадным, безжалостным любопытством. Мисс Оффенбах кое-как умудрилась оттолкнуться от дна и, с усилием, рывком подняться на колени. Увлечшийся лебедь Карл даже не заметил этого, и мисс Оффенбах удалось схватить его черной от ила рукой за белую прохладную шею, прямо под клювом – так крепко, что она почувствовала, как неистовствует горячая жилка.

– Ещ-щ-ще бы! – прошипела лебедиха, злобно посмотрела на извивающегося Карла и тоже бросилась на мисс Оффенбах. Вторая лебединая шея оказалась безнадежно запачканной черным илом. Обе птицы забились, захрипели и, ударя мисс Оффенбах сильными крыльями, забрызгали грязной водой лицо. Эти крылья ужасно мучили ее, заставляли еще сильнее сжимать тонкие хрупкие шейки, напоминавшие сейчас натянутые, трепещущие, столь вожделенные и ненавидимые ею струны. Потому что не было у мисс Оффенбах ни крыльев, ни струн, ни сосуда, ни света. Потому что сама она, оказывается, – всего-навсего глухая, ненужная, несыгранная нота... И мисс Оффенбах заплакала. Наверное, впервые в жизни.

...Когда лебеди перестали биться, мисс Оффенбах с ужасом обнаружила, что белые птицы стали черными. А-а, – беззвучно закричала мисс Оффенбах, – а-а-а! Она выпустила из рук обмякшие неживые шеи, и лебеди неуклюже опрокинулись набок. Мисс Оффенбах передернуло, и она медленно, все время оглядываясь на нелепо замерших птиц, поползла через камыши на берег.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

С днями рождения всегда происходит невероятная путаница. Если вдуматься, то тридцать третий день рождения означает тридцать четвертую годовщину твоего появления на свет. Или это не так? А может быть процедура разрешения от бремени столь неаппетитна, да и сам новорожденный – лиловый и скользкий – столь малопривлекателен, что не только родителям, но и родственникам гораздо проще и приятней чувствовать розовенького и пухлого годовалого бутуза. Отсюда, наверное, и путаница в датах.

Как бы там ни было, Билли МоцЦарт, отдаленный, но совершенно прямой потомок великого композитора Вольфганга Амадея Моцарта, не любил свой День рождения. Эта нелюбовь отчасти была отголоском давнего детства. Дедушка, мистер МоцЦарт-старший (именно он зачем-то переделал известную фамилию на шотландский лад), увлекшийся на старости лет никчемными поделками, подарил трехлетнему Билли собственноручно изготовленный картонный домик с настоящими и очень хрупкими оконными стеклами. В том, что стекла были настоящими, Билли тут же и убедился. Дед хмуро посмотрел на порезанный пальчик с яркой капелькой крови, отвернулся и с тех пор никаких подарков не делал. Отец, мистер МоцЦарт-младший, однажды решив, что подарил Билли более чем достаточно – а именно жизнь, – такими «пустышками», как дни рождения сына, не интересовался никогда. Свою мать Билли помнил очень смутно: она исчезла, когда он был совсем маленьким.

Сестра отца, тетка Эллен – невысокая худенькая женщина с круглым лицом толстушки, – обычно недоуменно приподнимала тонкие брови и объясняла, что мать уехала по делам. И тут же отсылала его к роялю (надо ли говорить, что Билли с рождения была уготована судьба великого музыканта?). Точно так же недоуменно она округляла и без того круглые глаза, когда Билли интересовался, почему ему нельзя спать в одной постели с горничной или: что за странную резиновую штуку почти ежевечерне выносят из тетушкиной спальни, после чего она сама, не по годам быстро, бежит в туалетную комнату. И почему, например, ему нельзя отпраздновать день своего рождения... Тогда Билли думал, что это не он задает все эти неприличные вопросы, а они кружатся в воздухе сами по себе, выписывая петли вокруг тети Эллен, время от времени присаживаясь то на ее большой нос, то на подбородок. Билли казалось, что промолчать было бы даже невежливо, как нехорошо и невежливо не заметить случайно попавший в чужую тарелку кусочек пластилина. К десяти годам Билли обнаружил, что неудобные вопросы кружат и вокруг него тоже – и понял, что, как мухи к подгнившим фруктам, такие вопросы слетаются ко всем, кому есть что скрывать. Больше Билли никогда не расспрашивал тетку о матери, хотя догадывался, что с ее исчезновением связана какая-то неприятная или неприличная история.

Он перестал дружить с мальчишками в своем классе, у которых, вероятно, не было тети Эллен, и поэтому они не только засыпали Билли нехорошими вопросами, но и придумывали еще более отвратительные ответы. А когда потом в школе докопались, что он дальний, но совершенно прямой потомок великого композитора... В общем, Билли МоцЦарт очень не любил многие вещи и, в том числе, свой собственный День рождения...

Билли уныло сидел на кровати и смотрел в окно на Центральный парк. С семнадцатого этажа ухоженный парк казался диким лесом. Билли подумал, что вот уже много лет этот лес представляется ему по утрам заманчивым и волшебным, а в темноте, освещаемый редкими по-вечернему приглушенными фонарями, жутковатым и

непредсказуемо недобрым. Он слышал множество страшных и, наверное, не очень правдивых историй о том, что происходит в парке с наступлением сумерек. Иногда по ночам Билли специально подходил к огромному, во всю стену, окну у себя в спальне и вглядывался в темный прямоугольный провал в никуда, похожий на дочерна сожженный пирог посреди бессонного расцветенного огнями города. И представлял себе все те мерзкие и жестокие, почти фантастические вещи, которые, может быть, творятся где-то там, внизу, в эту самую минуту. Но отсюда, из безопасной спальни, ночной парк смотрелся хоть и страшноватым, но привлекательным, словно престарелая проститутка у фонаря, которая привлекательна не сама по себе, а только как воплощение греха и преодоленного запрета.

Билли глубоко задумался и совсем забыл о том, что его ждет отвратительный день. Но всплеск воды за стеной – казалось бы, совершенно мирный звук – заставил его вздрогнуть и отвернуться от окна. Сегодня, в его тридцать третий день рождения, ему предстояло множество неприятных дел. Билли встал, слегка поежился, покорно надел махровый халат и открыл дверь в смежную со спальней комнату. Там все было так, как обычно бывало по утрам: в большом неправильной формы бассейне плескалась новенькая – Изабелла, а у входа в зимний сад стояла неизменная тетушка Эллиен в длинной байковой ночной рубашке с накинутым на плечи пледом. Они вернулись в спальню, тетка, не расставаясь со своей утренней чашкой кофе, повозилась с ключами и, наконец, кивнула:

– Пять минут, дорогой мой!

Билли скинул халат и, выбежав обратно к бассейну, торопливо полез в воду, к помахавшей ему рукой Изабелле. Тетушка громко фыркнула в чашку, и этот – такой неожиданный в гулком помещении – звук, казалось, подтолкнул Билли в спину. Он сделал глубокий вдох и сразу же поплыл к дальнему краю бассейна, глядя на мозаичное дно. Ничего не изменилось, подумал он, и никогда не изменится. Хотя, конечно, сама по себе эта короткая ежеутренняя свобода все равно хороша...

Он добрался до бортика, неуклюже развернулся и поплыл обратно. Где-то на середине бассейна его догнала Изабелла, поднырнула под него и засмеялась под водой, отчего сразу стала похожей на объевшуюся мылом лягушку. Билли не очень любил бассейн, он вообще не любил воду, и эта проказница Изабелла была ему сейчас просто невыносима. Впрочем, предыдущая девица – Диана – тоже любила баловаться в воде. Хотя та была широкобедрой, с большой, на удивление крепкой грудью; а Изабелла, наоборот, тоненькая и плоскогрудая. Только соски были большими, темными, продолговатыми и выпуклыми. Но вот что странно: на обеих, столь непохожих друг на друга девиц, он реагировал одинаково. Наверное, потому, что редко заглядывал им в лицо. Внизу живота заныло, и Билли счел себя вправе не доплывать до ступенек. Он опустил ноги на дно и смахнул с лица брызги.

Изабелла уже сидела на бортике бассейна и болтала ногами. Капли воды на ее грудях почему-то не падали, а покачивались и сверкали в теплом свете боковых ламп. Билли даже показалось, что Изабелла – конечно же, весьма легкомысленная особа – умудрилась сегодня, в его честь, повесить на свои соски бриллиантовые сережки. Наверное, это было игрой воображения. Он почти уже вылез из воды, когда Изабелла вдруг резко вскочила – он заметил, что она вообще все делала порывисто – и, взвизгнув, убежала. Билли взглянул на появившуюся в дверях тетушку. Та закивала головой и показала ему большой секундомер, который держала в руках.

– Пять минут ровно, можешь мне поверить, ровно пять.

Билли кивнул головой, еще сам не понимая, доволен ли он тем, что время уже вышло, или разочарован. Тетушка демонстративно смотрела в сторону. Ну-ну, подумал Билли, какая разница. И побрел под душ. В прошлый раз Изабелла долго вытиралась, и только когда он ухватился мокрой рукой за край полотенца, приподнялась на цыпочки и набросила это полотенце ему на голову. Пока Билли разбирался с тяжелой мокрой

тканью, Изабелла, конечно, исчезла. Но сегодня Билли показалось, что она смотрела... Ну, в общем, пока он, как дурак, разглядывал ее грудь... Да какая разница! Тем более, что сегодня День его рождения. Наверное, Изабелла знает об этом. Или не знает?

Билли вылез из душа, оделся и спустился вниз, в столовую. Длинная анфилада комнат заканчивалась библиотекой со старым камином, похожим на раскрытый от изумления рот. Большие серые булыжники, из которых был сложен камин, казались Билли морщинами на этой навсегда удивленной физиономии. Иногда камин напоминал ему лицо отца, тоже очень удивленное, когда много лет назад отчаявшийся преподаватель музыки сообщил ему, что у Билли Моцарта совершенно нет музыкального слуха. И поэтому продолжать заниматься его музыкальным образованием было бы, по меньшей мере... м-м-м... нецелесообразно. И – вот любопытно! – этот разговор состоялся тоже в день его, Билли, рождения. Что происходило дальше – вспоминать совершенно не хотелось, тем более, что сегодняшней день и без того обещал быть пренеприятнейшим.

В столовой появилась кузина Матильда, как всегда – и особенно по утрам – всем своим видом старательно изображавшая, что мир совершенен и прекрасен, как на картине, висевшей над обеденным столом: яркий солнечный полдень – такой яркий, каким бывает только во сне – и широкая зеленая улица – тоже, как во сне, безлюдная. Если в этом нарисованном мире чего-то и не хватало, так только самой Матильды... но вот, впрочем, и она!

– Милая Матильда, – сказал Билли как можно более язвительно, – не сделать ли нам на денек перерыв? Пусть сегодня будет хмуро и уныло. Нужно изредка менять настроение. Нет, серьезно: после холода, дождя и слез...

– Знаю, знаю, солнышко! После плохого хорошее кажется еще лучше, – перебила его Матильда – молодая, полная и не очень красивая женщина. Все в ней было раздражающе крупным – ноги, руки, груди, черты лица. И все равно, на нем, этом лице, выделялись большие, пухлые и какие-то нескромные губы. Может быть именно из-за них Билли называл ее «радостной пираньей». Хотя какие губы могут быть у рыбы? И уж по-рыбьи холодной Матильда, конечно же, не была...

– У гения свои представления о мире, – заметила тетушка Эллен, когда он как-то сообщил ей, что при виде кухни ему хочется постучать по стеклу и проверить, не кинется ли Матильда, как рыбка в аквариуме, на поиски корма.

– Может быть, – добавила тетушка, – она тебе кажется русалкой, а у них, говорят, очень даже не холодная кровь... Но если ты завел этот разговор, чтобы выпытать у меня, кто ее отец, то извини... Тетушка привычно приподняла брови и удалилась.

Матильда уселась за стол, аккуратно положила ладони на скатерть и ласково улыбнулась. Похоже, она была единственной в доме, кто не воспринимал его всерьез. Никак она не может привыкнуть... А эти ее постоянные подковырки, а смех со значением?! А чего стоит эта ее дурацкая привычка называть всех, и его в том числе, «солнышко»?! Эх, дать бы ей, дуре, по голове! Билли вдруг представил себе, что он со всего размаху бьет Матильду. И отчетливо увидел, как, опрокидывая стул и стол, но не теряя при этом своего утренне-радостного выражения лица, она со стуком валится на пол, и ее короткая юбка задирается, открывая мощные неженские ляжки... Но даже и после этого Матильда не стала бы относиться к нему по-другому.

– А где мама? – спросила она, не догадываясь, что лежит на полу истерзанная, и с пышных губ по-киношному стекает струйка крови. – Все еще плещется в бассейне?

– Наверное, – гася разыгравшееся воображение, коротко ответил Билли, и уселся в противоположном конце стола, откуда хорошо был виден камин. Появилась Леди с подносом и взглядом спросила, наливать ли Билли кофе.

– И эта тоже дура! – подумал Билли. – Эти бабы сведут меня с ума. Если уже не свели! Каждое утро одно и то же...

Леди, разлив кофе, давно уже ушла, а Билли все еще не знал, куда ему девать скопившееся – как кислая слюна во рту – раздражение. Ну да, конечно, – День рождения! В полдень соберутся все эти идиоты, и он будет вынужден снова сесть за рояль и играть!

В его пятнадцатый день рождения профессор консерватории Эпштейн заявил, что даже развившийся путем многочисленных тренировок музыкальный слух и неистовая работоспособность не могут заменить таланта... Категорически не могут! Впрочем, он, конечно же, не считает свое мнение истиной в последней инстанции, потому что в искусстве, как известно... Ничего, сказала тогда тетюшка Эллен, все это ерунда. Прямой – хотя и дальний – потомок великого человека – это, во-первых, кровь, а, во-вторых, есть еще и другие способы... В нынешние времена в консерваторию могли бы не принять и Самого, что ж говорить о Билли!

Почему, подумал тогда молодой прыщавый Билли, почему его прадед мог быть счастлив и удачлив, разводя кур где-то в Европе; дед играл на нью-йоркской бирже и тоже был вполне доволен жизнью. И успешен в делах настолько, что отцу вообще не оставалось ничего другого, как, скупив чуть ли не половину Манхэттена, внести свой вклад в семейный бизнес, только лишь затруднив себя производением на свет сына. Почему именно он, Билли, обязан стать продолжателем дела великого музыканта? Какая все-таки глупость и несправедливость!

Потом произошло очень неприятное и странное событие. Тетя Эллен, подгоняемая ответственностью, взваленной, как она любила повторять, на ее слабые женские плечи умершим братом, однажды ворвалась в ванную комнату, где разомлевший и потерявший бдительность Билли сидел на корточках в теплой мыльной воде. Он и сам не понимал, кого именно в тот момент воображал: недавно уволенную горничную; свою маленькую, но уже очень взрослую кузину Матильду; или (сейчас об этом и подумать противно!) худенькую и молодящуюся тетю Эллен. И вот когда эта тетя появилась перед ним в самый-самый момент, он не сразу и сообразил, настоящая ли она, или накатывающийся восторг просто материализовал ее образ. Никаких, хотя бы отдаленно правдоподобных, оправданий найти было совершенно невозможно! Какие, к черту, оправдания, когда он всхлипнул, дернулся, стараясь удержаться на скользком краю пропасти (или это был край ванны?), но не удержался и рухнул в нее (или только плюхнулся в воду?). А на длинном темном бархатном халате тети Эллен появилась неожиданная и предательская капля. Билли сжался в остывшей мыльной пене и почувствовал, что сейчас по-дурацки расплечется. А затем случилось невероятное. Вместо того, чтобы гадливо удивиться, закричать, или хотя бы округлить глаза, тетюшка слегка сморщила свой невысокий лобик и внимательно и заинтересованно посмотрела на скользящего теперь к другой пропасти – пропасти отчаяния – племянника. Потом неожиданно поставила ногу на бортик ванны, тяжелые полы халата при этом разъехались, и Билли увидел ее белое с синеватыми жилками бедро.

– Да, – задумчиво и как бы обращаясь к самой себе, сказала тетюшка Эллен, – да, ты уже взрослый. Почему-то эта мысль не приходила мне в голову...

А Билли уставился на эту голую ногу и с ужасом понял, что именно ее – свою тетю – он и представлял в своих фантазиях. Но то была воображаемая, несуществующая тетя. А сейчас перед ним стояла живая, настоящая... И, оказывается, у нее такие вот живые, настоящие ноги, и она... Ознобец все еще сворачивал его кожу в тугие гусиные комочки, а тетюшка уже поправила халат, деловито сняла с бархата позорную каплю, растерла ее между ладоней и зачем-то понюхала кончики пальцев.

– Одевайся, – изрекла она своим обычным тоном, – и сразу иди в мой кабинет. Да, скажи Леди, чтобы она принесла туда горячего чая для тебя и коньяка для меня. Я, кажется, заслужила рюмку хорошего коньяка, да и тебе несколько капель спиртного не повредит.

Сегодня, через столько лет, Билли совершенно не чувствовал себя мучеником идеи и, тем более, чьей-то чужой (тетушкиной, например) идеи. Его гениальный предок умер в нищете; и даже, по некоторым сведениям, был отравлен завистниками. Правда, последнее утверждение почему-то передавалось в семье шепотом... В любом случае, необходимость платить за что-то, что, увы, нельзя получить даром, не возмущала Билли, а только огорчала изредка – вот как сегодня – превращалась в раздражение, желание бросить все это к черту. Билли никогда не додумывал эту мысль до конца и потому совершенно не представлял, куда именно он мог бы уйти. Но почему-то его воображение всегда рисовало недобрый ночной Центральный парк, с его мнимыми или настоящими ужасами – как конечную точку, как символ не смерти даже, а чего-то большего, куда не уходят, а во что проваливаются навсегда, без возврата.

Выпив кофе, Билли взглянул на часы; времени до традиционного собрания оставалось еще порядочно, но, все равно, он не собирался задерживаться внизу, в обществе Матильды. Кроме того, перед игрой следовало подготовиться и привести себя в порядок. Он всегда старался хотя бы часок побыть в своем кабинете в одиночестве, иногда даже полежать на роскошном – еще дедовском – диване. Сегодня же дожидаться в столовой прихода тетушки особенно не хотелось. Он и вообще не любил встречаться с ней после утренней процедуры.

Заметив, что Билли собирается уходить, Матильда развернулась вместе со стулом и в шутку (или почти в шутку, кто ее знает?) широко расставила руки, загоразживая выход на лестницу.

– А знаешь, солнышко, сегодня я тоже буду на концерте. Точно! Да-да, и мама не против. Кажется, она даже обрадовалась. Ты, говорит, и представить себе не можешь, каким это будет сюрпризом для Билли. Но я подумала, что лучше предупредить тебя заранее. Ведь ты же не будешь возражать, верно?

Она рассмеялась, опустила руки и передернула широкими плечами. Ну что с ней поделаешь? Ведь не бить же, в самом деле! Хотя, конечно, странно, что Матильда вдруг заинтересовалась его игрой. У нее в этом доме другие интересы. Веселая и раскованная дурочка. Любительница маленьких мужчин. Билли много раз видел ее то на улице, то в ресторане с самыми разными мужчинами, молодыми и не очень, но все они были очень низкорослыми, почти карликами. Билли даже подозревал, что одного из них, самого маленького, она прячет в своей комнате. Потому что однажды ночью, когда Билли, решив выпить молока, спускался по темной лестнице вниз, в кухню, какое-то существо проскользнуло мимо него в спальню к Матильде. Билли боковым зрением поймал это движение где-то на уровне пояса – движение короткое и мелкое, как будто раздробленное крохотными шажками. Наутро Билли особенно внимательно присматривался к кухне, но ничего необычного в ее солнечном облике не заметил. Чувственная радостная пиранья, вот и все! Ябедничать на нее было бессмысленно: тетушка Эллен слишком увлечена своими делами, да и вообще всегда относилась к дочери отстраненно и не по-матерински трезво. Ее ставка была сделана на Билли и потому, даже если бы в спальне Матильды ночевало стадо похотливых слонов... Ах, да что говорить!

Билли и сейчас ничего ответил Матильде – и стал подниматься в кабинет, спиной чувствуя ее наивно-счастливый взгляд. Ну да какая разница! В кабинете он плотно прикрыл за собой дверь, как всегда сожалея, что ни одна из комнат в доме не запирается. Ну почему он обязательно должен играть именно сегодня? Билли огляделся по сторонам, как бы решая, правильнее ли сесть за письменный стол, в кресло, спиной к окну, или же сразу завалиться на мягкий дедовский диван. Но не сделал ни того, ни другого, а подошел к окну и посмотрел вниз. Верхушки деревьев колыхались под несильным весенним ветром. А еще ниже, по аллеям нестрашного утреннего парка, не спеша разгуливали мамы с колясками и солидные джентльмены со своими не менее солидными собаками, пронеслись неугомонные велосипедисты и закованные в

смешные доспехи бегуны на роликах. Светло, покойно, но, черт возьми, до чего скучно! Билли вдруг захотелось, чтобы весь этот день остался позади, и сейчас, сразу же, наступила ночь, и можно было бы неторопливо поразмышлять перед сном у окна. Что тут поделаешь: и у него – прямого потомка великого прадеда – бывают минуты слабости.

За спиной раздался странный звук, но Билли не даже не обернулся: он решил, что это тетушка Эллен воспользовалась своим правом входить к нему в любое время суток. Вздрогнул он чуть позже, когда сообразил, что звук этот – всхлип, похожий на сдержанное рыдание. Билли резко обернулся и вздрогнул еще раз, теперь значительно сильнее: на диване, вжавшись в угол и подобрав под себя ноги, сидела Изабелла. Случай совершенно невероятный! В течение нескольких лет «бассейных девушек» он встречал только по утрам. Более того – и это он сообразил только сейчас – никогда не видел их одетыми! Поэтому теперь, когда Изабелла была в джинсах и легком свитерке, он даже не сразу ее узнал. Но если в воде она вызывала только какое-то привычное раздражение, то сейчас незнакомая и неожиданная Изабелла показалась ему маленьким чудом, сбегавшим из его снов. Только непонятно, действительно ли сегодняшней сон по-настоящему хорош, или это начало обычного ночного кошмара.

– Извините! Извините меня, пожалуйста! – запинаясь, произнесла Изабелла, совершенно не похожая на себя же утреннюю – уверенную и задорную. – Я не знала... Я не хотела вас испугать, честное слово!

Она шмыгнула носом и неловко вытерла его краем свитерка. При этом Билли на секунду увидел ее голый живот и темную дорожку, ведущую от края джинсов к пупку. Господи, подумал Билли, чувствуя, что у него начинает покруживаться голова, а я и не обращал внимания – там, в бассейне, – что у нее такой темный пушок на теле. В одежде она совсем другая!

Ему даже стало слегка не по себе, настолько незнакомой показалась ему Изабелла. Но испуг этот был какой-то необычный – светлый и полный ожидания. Наверное, так пугаются долгожданного письма... Но на всякий случай он улыбнулся и довольно ласково сказал:

– Конечно, не следовало прятаться в моем кабинете, но бояться вам совершенно нечего. Вы, вероятно, шли в кабинет к тетушке за чеком и просто ошиблись дверью. Верно?

Билли искренне был готов поверить в это простое объяснение, но, в то же время, вдруг почувствовал: если она признается, что оказалась здесь совершенно случайно, то он... Да, наверное, он будет разочарован. Впервые он посмотрел ей в лицо, заглянул в глаза. Эта новая, почти незнакомая Изабелла очень нравилась ему, хотя и оказалась здесь совершенно некстати. Впрочем, он догадывался, что после его слов она сейчас же убежит, и чудо закончится. Это письмо было адресовано не ему. Но вместо того, чтобы уйти, Изабелла оглядела кабинет, бросила беспокойный взгляд на дверь и сказала:

– Мне просто стало страшно. Мне всегда страшно, когда я чего-то не понимаю. Я здесь уже вторую неделю, но ничего не могу понять.

Билли видел, что лицо у нее некрасивое. По крайней мере, не такое, какое он мог бы себе вообразить. Длинный нос, желтоватые неровные зубы и тонкие губы с крапинками угрей по краям. Только глаза – расширенные от непонятного, почти детского ужаса – были хороши. Не хуже сосков. Билли стало жаль эту перепуганную дурочку. Ее, конечно, придется уволить.

– Я получаю две сотни только за то, что каждое утро плаваю вместе с вами в бассейне под присмотром мисс МоцЦарт. Только пять минут! И всегда под ее присмотром! А потом ваша черная Леди наливает мне на кухне чашку кофе – и все, меня выпроваживают за дверь. Сначала я только посмеивалась: мало ли какие у богатых людей причуды; подумала даже, что, может быть, мисс – ваша престарелая

жена и... Мало ли... Это ведь хорошие деньги – двести долларов за пять минут, да и плавать я люблю. Но... Но вот сегодня...

Неужели, подумал Билли, неужели она... Значит ему не показалось, и Изабелла действительно смотрела на него так... Знакомый нехороший ознобчик пробежал по телу и забился куда-то в низ занывшего живота. Билли содрогнулся. Он совсем не хотел уступать подлому инстинкту, принявшему образ этой неказистой девицы. Но почему ее так трясет? Чего она испугалась?

– У вас это...

Чувствовалось, что она не решается выдать из себя какие-то ужасные слова. Но не произнести их она тоже никак не может. А у Билли вдруг отпустило низ живота, но ударило выше, под желудок: он тоже заразился ее страхом, неведомым и оттого еще более жгучим. Ему даже захотелось, чтобы она больше ничего не говорила, а сразу же ушла и оставила ему свой обычный утренний образ.

Изабелла снова попыталась было что-то сказать, но расплакалась. А когда окончательно растерявшийся Билли решился, наконец, взять ее за руку, вдруг резко отпрыгнула. Сейчас она казалась уже не испуганной, а почему-то оскорбленной. Видимо, это новое ощущение придало ей сил.

– Не трогайте меня, я сама видела! Я же училась медицине! Три курса! Вы... То, что у вас на ногах и животе... Эти следы... Скажите мне честно, это проказа, да?!

О, господи! Билли почувствовал, что готов расхохотаться, но сдержался: смех вполне мог перейти в истерику. Перед выступлением ему нужно быть в форме. А он-то, дурак, подумал было... Вот, оказывается, куда она смотрела с таким интересом и удивлением! Ну как он должен поступить? Выгнать к чертям эту идиотку или?.. Так и не додумав эту мысль, Билли вспомнил ее выразительные соски, дорожку темного пуха, выбегающую из джинсов и то, как она смеялась сегодня под водой... И рассмеялся сам.

– Я совсем не болен, Изабелла! То есть, по крайней мере, ничего дурного и заразного у меня нет, ручаюсь. А следы... я вам сейчас покажу, от чего эти следы...

Билли помедлил, но девица смотрела на него по-прежнему недоверчиво и возмущенно-испуганно. Он и сам не мог понять, почему это так его задело. Плевать на девицу, тетушка легко найдет ей замену, но... Боль из области желудка незаметно переместилась в голову, и Билли вдруг захотелось разрыдаться. Поэтому он торопливо распахнул халат (Изабелла отступила еще на шаг) и, хмыкнув, расстегнул и опустил брюки. В свое время тетушка Эллен приложила немало усилий для того, чтобы «это» нигде ему не натирало. Но, как она не старалась, следы – а теперь уже многолетние мозоли – все равно оставались, и он привык к ним, как скрипач привыкает к мозоли от скрипки под подбородком. Билли весело взглянул на Изабеллу и, видя ее полуобморочное изумление, изо всех сил стукнул себя кулаком между ног. Раздался глухой звук, какой и должен издавать обложенный мягким пластиком и плотно прилегающий к телу металл.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Это неправда, что Карлосу не нравились женщины. Наоборот, очень нравились. Но, с некоторых пор, только белокожие и светловолосые. И хотя там, где он вырос, почему-то считалось, что такие женщины очень холодные и в семейной жизни только и делают, что спят да моются, они все равно казались ему очень соблазнительными. Карлос даже подозревал, что именно эта их холодность его и привлекает. Женщины его родины – распаренные, извивающиеся, стонущие под мужчиной, скользкие от страсти, колышущие грудями и задами, горячие, темноволосые – перестали его интересовать. Их любовь была пахучей и жаркой, как и вся тамошняя жизнь. Не за этим Карлос

пробирался в Нью-Йорк! Правда, кроме того единственного случая, он никогда не дотрагивался до высоких и длинноногих светловолосых женщин – недоступных, как манекены в витрине роскошного магазина. Но зато здесь, в Нью-Йорке, он часто мог их рассматривать, иногда даже с очень близкого расстояния – настолько близкого, что ощущал их запах – приятный, немного искусственный, совершенно без примеси пота и еще чего-то терпкого, чем пахли все те женщины, которых он знал раньше. Он подозревал, что у этих тоненьких белокожих женщин и волосы-то на теле по-настоящему не растут. Как у манекенов!

Поселившись в Нью-Йорке, Карлос стал подрабатывать в строительной компании. В тот день их бригаду послали в большой магазин готовой одежды. Карлос вместе с другими перетаскал на свалку несколько десятков этих самых манекенов. Манекены были в основном женские, в натуральную величину – белые, гладкие, приятно пахнущие духами и пластиком. Конечно, в присутствии друзей-приятелей – дурачка Хозе и толстяка Джо – он, точно так же, как и они, хихикал, хватая манекены за холодные маленькие груди и бил их ногой так, что отлетали улыбающиеся безволосые головы. Но когда дурачок Хозе повалил одну из больших кукол на землю – ту, у которой были широко расставлены ноги – и сам завалился на нее, двигая выпуклой задницей и преувеличенно тараща глаза, в душе у Карлоса что-то дрогнуло: слишком уж похожей показалась ему эта пластиковая худышка на *ту самую*... и он чуть не побил дурака. Толстый Джо, кажется, что-то сообразил и, хотя заслонил Хозе, бормоча про возможные неприятности, но потом таскал манекены уже без всяких шуток, хмуро поглядывая на недоумевающего приятеля.

Карлос тогда еле дождался конца рабочего дня, сказал Джо, что не повезет сегодня всю кампанию – как это было у них заведено – домой, что у него дела. Толстяк понимающе – и почти оскорбительно для Карлоса – улыбнулся и потащил дурачка Хозе к станции метро. Карлос выждал ровно столько времени, сколько потребовалось, чтобы выкурить сигарету до самого фильтра, и юркнул в переулок, где в больших железных кузовах лежал готовый к отправке строительный мусор. *Она* – Карлос почти сразу назвал ее Мэри в честь той, безымянной, тоже названной им про себя Мэри – лежала на куче строительных осколков и тряпья. Розовая в тусклом косом свете фонаря, она казалась бы совсем живой, если бы не грубо прикрепленные руки и неестественно вывернутая голова. Но это ерунда! Главное, что она почти не пострадала: несколько царпин не в счет...

Карлос и сам не очень понимал, что с ним происходит. Неожиданно задрожавшими потными руками он обнял Мэри и прижался к ее груди, к жесткому выпуклому лобку. Запах был все тот же, только на этот раз с примесью сухой пыли от штукатурки и, пока Карлос тащил ее к своей машине – огромному разваливающемуся шевроле, – этот запах внушал ему странные ощущения. Карлос казался себе то извращенцем-насильником, то почему-то – похитителем трупов. Он открыл багажник и уложил туда Мэри аккуратно и чувственно, как укладывал бы в брачную постель невесту. А сам уселся за руль, но еще долго не заводил двигатель, бессмысленно глядя в темноту.

День, когда Карлос перебирался через границу в Штаты, в бесконечный, распаленный солнцем и угрозой Техас, целиком сохранился в его памяти. Ночью он заблудился, замерз и понял, что зря пренебрег советами знающих людей и оправился в путь в темноте и совершенно один. К утру холод и страх сменились вялым отчаянием и безразличием. Несмотря на то, что Карлос привык считать себя настоящим мужчиной – «мачо», он даже пожалел, что до сих пор не попался патрульным. Тогда бы его накормили и отправили на грузовике обратно в Мексику. Но вокруг было совершенно безлюдно, и вдобавок он не знал, по какую сторону границы находится.

Карлос добрал до серого пыльного шоссе, которое понемногу начинало накаляться под утренними лучами и вдали чуть шевелило хвостом в сгущающемся как

каша мареве. Карлос пошел навстречу этому смутному движению, не понимая, удаляется ли он от патрульных и границы или, наоборот, возвращается к ним. Просто передвигал ноги, равнодушно думая о том, что если к полудню не доберется до жилья и воды, то упадет и тогда перейдет совсем другую границу, переходить которую страшновато, но легко и, наверное, даже приятно.

...Он так никогда и не понял, в какой момент это произошло. Прямо под огромным, неожиданным в этой раскаленной пустыне зеленым дорожным знаком с тогда еще непривычной надписью на английском, стояла Она. Карлос никогда не был особенно набожным и только в детстве, под ворчание матери, с трудом высиживал в церкви воскресное утро. Поэтому – сквозь обволакивающую его дымку безразличия, зноя и накатывающей как усталость жажды – он только удивился, да и то не очень сильно, что она одна, без младенца. Подойдя поближе, Карлос удивился еще больше: Она казалась по-неживому белой, может быть даже чуть розоватой, и необычайно тоненькой. Он мог хорошо Ее разглядеть, потому что Она стояла в обтекающем ее горячем воздухе совершенно обнаженная, и ее четкая тень на асфальте бесстыдно повторяла и худую длинную шею, и торчащие соски, и просвет между ногами. Она улыбалась Карлосу ласково, немного по-матерински, но при этом отстраненно, как улыбаются приятному воспоминанию. А потом придвинулась к нему совсем близко, обняла-прижалась своим хрупким телом, и Карлос через майку и шорты ощутил ее жесткие груди и выпирающий лобок. И пахла Она невероятно – чистой, холодной как пластик, кожей и чуть-чуть духами.

А потом Она оторвалась от земли и, казалось, на секунду взлетела вместе с Карлосом. Но нет, не взлетела, а только легко повисла на нем, откинувшись на руках и скрестив длинные ноги у него за спиной, сразу сделавшись меньше, съжившись по его ощущениям до размера ладони, которой он поддерживал ее сухую невесомую спину. Карлос снова почти не удивился: ни ее позе, вроде бы жадной и откровенной, ни собственным проснувшимся чувствам. Такой женщины просто не могло быть в этой раскаленной пустыне... Карлос – настоящий мужик, мачо – не обращая внимание на невозможность просходящего, так и зашагал с ней по неизвестно куда ведущему шоссе. От его равномерных движений Она покачивалась; Карлос чувствовал, как Она прижимается к нему, как расслабляются мышцы Ее ног, когда он подбрасывает Ее, и снова напрягаются; Она двигалась так, как и положено настоящей женщине: покорно подставляя себя мужчине, но добавляя в это движение что-то и от себя – крохотную короткую судорогу впалого живота в самом конце, когда прижаться ближе уже невозможно. Но не было у Карлоса тяжелого и горячего биения внутри, не было знакомого ощущения грязноватой и сладковатой мути... Только прохладная невесомость, как в детском сне, когда нет никакой неловкости, когда невозможное становится простым и осязаемым. Ладонь, в которой сосредоточились его ощущения, оставалась сухой, и он продолжал двигаться вперед – шаг за шагом – а Ее руки обнимали его ласково и доверчиво.

...Когда сзади послышался шум приближающегося автомобиля, Карлос даже не обернулся, не попытался спрятаться. Она же вздрогнула, но посмотрела не за его плечо, а прямо в глаза. И тогда ему показалось, будто не он был в Ней, а, наоборот, это Она вошла в него. Вошла и замерла. Рядом с Карлосом остановилась полицейская машина с включенными мигалками. Пожилой патрульный с явной неохотой открыл окно, впуская жару в кондиционированное нутро. Он окинул Карлоса внимательным взглядом, хмыкнул и спросил:

– Вам нужна помощь, мэм? Что-нибудь приключилось с машиной? Тут недалеко автозаправка и мастерская. Давайте я вас туда подброшу. Нехорошо девушке ходить пешком под таким солнцем.

Карлос почти не знал английский, и в тот момент ему показалось, что он ослышался. Но, еще не успев удивиться, понял, что подозрительный пограничный

патрульный видит перед собой не низкорослого оборванного мексиканца, а высокую худенькую женщину с яркой белой кожей. Что это Она спасает его, прикрывая собой. Карлос не знал, что отвечать, и только неопределенно покачал головой. Его как бы и не было на этом пустынном шоссе, под колючим солнцем и таким же колючим взглядом полицейского. Он даже почему-то не смог обрадоваться, когда патрульная машина обогнала его и вскоре растворилась в струящемся воздухе. Карлос постоял, подождал и пошел дальше, ожидая, что Она вот-вот вернется. Из всех сил прислушивался к себе, но ничего не слышал. Она больше не появлялась. Ее больше не было. Она растворилась в нем без следа, оставив только ощущение легкости и восторга – и внезапной пустоты в занывшей ладони... Понимая уже, что потерял Ее, Карлос упрямо шел вперед, приминая старыми кроссовками плавящийся асфальт.

Карлосу нужно было добраться до Майами: там жили земляки, которые приютили бы на первое время и даже помогли бы с документами. А уж оттуда... Но почему-то он сразу отправился в далекий Нью-Йорк. Временами он вдруг ощущал в себе присутствие той безнадежно исчезнувшей, невероятной, но совершенно реальной, живой женщины. Она как бы протискивалась в него краешком жесткого тела. Ладонь сразу загоралась, и он пытался поймать Ее внутри себя – такую, какой запомнил, – но каждый раз Она ускользала, и ему оставалось только смотреть и смотреть на эту пульсирующую пустую ладонь... Тогда Карлосу становилось очень плохо. Это была не любовь, это было не влечение, а что-то совсем-совсем другое, необъяснимое, но очевидное, как и само Ее явление – тогда, на дороге. И он упрямо двигался на север, как будто знал, что именно там, в Нью-Йорке, он сможет найти Ее, и на этот раз Она уже не ускользнет. Нью-Йорк, в его представлении, был тем самым местом, где живут высокие, тонкие, пахнущие прохладой белые женщины.

Сотни раз, уже находясь в Нью-Йорке, Карлос говорил себе, что все это ему почудилось, что это был бред, безумное видение пустыни. Но ничего поделать с собой не мог. Он точно знал, что это случилось на самом деле, даже как-то раз заглянул в церковь в Гарлеме и попытался что-то объяснить толстому благополучному священнику. Но тот только выпучил глаза – совсем как дурачок Хозе – и, покосившись на статую Святой Девы, зашикал на Карлоса, обозвал пьяным идиотом и развратником. Предположить такое! Карлос быстро ушел из церкви: разговор вполне мог закончиться в полиции, а ему, нелегалу, это было совсем ни к чему. К тому же, будь он верующим по-настоящему, он бы и сам как-нибудь объяснил себе Ее необычное появление. А так... Была Она бредом или нет, но он понимал, что других – привычных ему – женщин он уже не сможет выносить никогда. Всякий раз, когда дурачок Хозе в страхе или удивлении произносил: «Иисус-Мария, Святая Дева!», Карлос вздрагивал, напряжинивался и шикал на него, точно так же, как когда тот громко портил воздух или запускал руку в карман при виде какой-нибудь широкозадой красотки. Конечно, дурачок Хозе не был мачо, но даже толстяк Джо, безусловно настоящий мачо, перестал в присутствии Карлоса божиться вслух. Может быть потому, что оба они – и Хозе, и Джо – знали о нем что-то такое, чего он и сам о себе не знал.

...Карлос вздохнул и снова закурил. Его руки все еще подрагивали. Конечно, лежавшая сейчас в багажнике Мэри – только напоминающий Ее грубый манекен. Но легкость, удобство и твердость пластикового тела... И еще этот запах... Что он собирался делать с куклой, Карлос не думал, но бросить ее там – в куче мусора, посреди обломков – он не мог. И, в то же время, понимал, что невозможно привезти Мэри домой – в крохотную комнатку в Бронксе, где жил вместе с толстяком Джо и дурачком Хозе. Да и держать эту куклу у себя было бы немислимо, страшно и как-то неловко. Так и оставил Мэри в багажнике.

Весь следующий день Карлос был хмурым и не улыбался шуточкам дурачка Хозе – как обычно, глупым и потому смешным. Мусор еще не отправили на свалку; теперь рабочие наваливали в те же кузова обломки перегородак и к концу дня от

манекенов не осталось и следа. Но вечером, когда Карлос добрался до дома, дурачок Хозе вынул из сумки, в которой он носил обед, безглазую лысую пластиковую голову и, смеясь, поставил ее на стол. Карлос так закричал на него, как если бы тот притащил в дом чью-то настоящую голову, и потребовал немедленно выбросить эту дрянь. Дурачок Хозе схватил свою добычу и умчался с ней в туалет, а толстяк Джо тревожно посмотрел на Карлоса и положил руку ему на плечо.

– Слышишь, Карлос, – сказал толстяк, – может все же сходим к бабам? Черт с ними, с деньгами! Возьмем твою машину и по-быстрому ... Не так уж это и дорого, если в машине. Ведь нужна же иногда человеку баба, а?

Карлос и раньше в ответ на такие предложения только рычал и мотал головой. Сейчас же, когда в багажнике лежала Мэри, он и представить себе не мог, что в темноте машины какая-то тяжелая, остро пахнувшая грязная баба быстро и равнодушно зашарит руками или ртом у него между ног...

– Ну, знаешь, – толстяк потупился, – ты, это... на дурачка орешь, а сам... Может тогда сам... Ну это... Сам с собой... Нельзя же так!

Если бы! Если бы Карлос мог – как когда-то в детстве – делать это сам с собой! Но его руки... вернее, рука – та самая ладонь, еще помнившая невесомую тяжесть ее спины... Толстяк Джо даже попятился, и его взгляд из сочувственного превратился в непонятный, мутный и даже враждебный. Он пробормотал, что если Карлос окончательно перепугает дурачка Хозе, тот может сбежать, а им вдвоем платить за комнату... Ну и потом, до появления Карлоса, они с дурачком прекрасно водили баб сюда – и поодиночке, и вместе. А теперь... Карлос, в конце концов, всего лишь третий жилец.

Той ночью Карлос почти совсем не спал. В короткие неуловимые мгновения, когда он ускользал из унылой комнаты с попукивающим во сне дурачком и шумно сопящим Джо, он видел себя в большом полутемном зале, полном странных существ – то ли манекенов, то ли людей. Иногда это были женщины с живыми лицами и мягкими тонкими руками, а нижняя их половина оказывалась холодной, наивно и грубо сработанной из пластика. Другие, наоборот, сверху были гулкими и твердыми, но зато их бедра и соблазнительные ягодички – горячие и упругие – излучали жизнь. Возвращаясь из сна в свою комнату, Карлос еще успевал сообразить, что побывал вовсе не в зале. Потому что потолок неожиданно начинал уходить косо вверх, снаружи проникал свет, и Карлос догадывался, что находится внутри огромного багажника, крышку которого и принимал за потолок. Он вздрагивал, вспоминая о лежащей в машине Мэри и поворачивался на другой бок.

На следующую ночь Карлос не выдержал. Как был, в одних трусах, он прокрался на цыпочках мимо толстяка Джо и вышел из дому. Оглядел мрачную пустынную улицу и, не совсем еще понимая, куда собрался идти, свернул за угол к припаркованной машине. Прямо на тротуаре, привалившись спиной к ржавой дверце его шевроле, сидело какое-то существо. Даже с расстояния в несколько шагов Карлосу показалось, что он ощущает запах перегара, грязи и нищего сумасшествия. Почувствовав присутствие Карлоса, оно подняло голову и, разлепив мутные глаза, рассмеялось. Карлоса охватил непонятный ему самому гнев; он подскочил поближе и уже хотел пинком отбросить бродягу от машины, но вдруг обнаружил, что перед ним не привычный бездомный, а женщина. Белокожая – это было заметно даже в темноте – худая, с нежным удлиненным лицом и короткими светлыми волосами. Карлос покачнулся. Неужели Она?... Женщина опять рассмеялась и мотнула головой.

– Ну что, сладкий, пойдём? Только баксы вперед!

Карлоса качнуло еще раз. Женщина кое-как поднялась и протянула к нему руки. Руки были знакомые – длинные и тонкие, переходящие в выпирающие ключицы. Сквозь грязную майку угадывались крохотные грудки.

– Давай, сладкий, время-то – деньги, сам понимаешь. Будешь доволен. Я ведь знаю, что вам, мексам, нужно. Зна-а-аю!

Она торопливо оперлась на багажник, привычно и легко сдернула с сухих ягодич ободранные штаны и прилегла всей грудью на прохладный металл, обхватив машину руками, как будто слившись с ней. Карлос вдруг отчетливо увидел лежащую там, внутри, Мэри и понял, что вчерашний сон злобно и болезненно прорывается в его действительность. Карлос подошел еще ближе, чуть наклонился над разинутым, как жадный рот, острым женским задом и понял, что ему необходимо срочно проснуться. Захотелось рассердиться, рассвирепеть – так, чтобы стало на все наплевать. Но не получилось. «С-сука! – беспомощно прошипел он про себя. – Да я тебя, блядь!..» И сразу почувствовал, как загорелась ладонь, как сделалось сухо во рту. До дома, до постели, бежать было всего-ничего. Но когда он взлетел на второй этаж и ворвался в сонную комнату, то дышал так, как будто тащил на своих на плечах еще по крайней мере несколько Карлосов – и тащил их издалека, может быть от самой мексиканской границы.

Сдерживая дыхание, он плюхнулся на кровать, и сразу же толстяк Джо приподнял голову от подушки, посмотрел на него совсем не сонными глазами и хотел что-то сказать. Но не сказал, а отвернулся к стене. Дурачок Хозе, наоборот, приподнялся и сел на постели. Он робко – как обычно, когда говорил с Карлосом – улыбнулся и вдруг выпалил:

– Уезжай ты отсюда, Карлос. Зачем мучаешься? Ты же сильный и умный, ты можешь по-другому. Был бы я таким, как ты... Ну, банк ограбь, что ли. Ты же можешь, я знаю. А потом домой, обратно, шмыг – и никто тебя не найдет! Уезжай, дело тебе говорю.

Карлос хотел, как обычно, шикнуть на него, но еще не справился с колотящимся сердцем и поэтому только помотал головой. Но слова дурачка навели его на неожиданную мысль. Эта мысль как будто заметалась по телу, заставляя подергиваться от нетерпения руки и ноги. Ну конечно же, как он сразу не догадался! Не обращая внимание ни на дурачка Хозе, ни на снова повернувшегося к нему Джо, Карлос вскочил, выхватил из шкафа джинсы, тоненькую пачку сбереженных денег и, сунув ноги в кроссовки, оказался в захлавленной прихожей. Объяснять что-либо Джо он сейчас не мог, а дурачок Хозе только хихикал и кивал головой, решив, наверное, что Карлос просто следует его совету. В дверях Карлос задержался, пожал плечами и крикнул в полутьму, что уходит, и чтобы больше его не ждали, пусть сдадут его койку, если найдут желающего. Теперь, когда лихорадка вдруг оставила его, и новая мысль прочно осела в голове, он неторопливо спустился по лестнице и деловито направился к машине.

Отвратительной женщины нигде не было видно – может быть ее кто-то подобрал? Да какая разница! Карлос остановился и стал с сомнением разглядывать свой шевроле. Он купил машину сравнительно недавно за сто долларов, сам не очень понимая зачем. Этому мастодонту было лет двадцать, но все же он почти исправно колесил по дорогам, только вот бензин жрал всеми своими восемью цилиндрами немилосердно. Карлос задумался, прикидывая в уме, какое расстояние он может проехать на имеющиеся у него деньги. Получалось, что не очень большое. Но это ладно, это уж как-нибудь. Не стоит сейчас заикливаться на таких мелочах.

Карлос завел двигатель, снова вылез из машины, надел джинсы и на всякий случай ударил кулаком по капоту и багажнику: ржавые, никуда не годные замки плохо работали и в дороге, на скорости, могли не удержать крышки. Багажник совсем не хотел закрываться; пришлось снова ударить по нему – уже изо всех сил, – и только тогда раздался необходимый щелчок. Карлос вырулил из переулка и покатыл в сторону Манхэттена. Было раннее утро, поэтому он рассчитывал благополучно проскочить все

пробки, проехать под Гудзоном и, оказавшись в Нью-Джерси, беспрепятственно мчаться и мчаться на юго-запад, туда, в Техас, на пустынное шоссе...

Он уже добрался до Центрального парка и катил вниз по Пятой авеню, когда почувствовал, что происходит что-то невероятное: он услышал глухие ритмичные удары, явственно доносящиеся до него сквозь шум и скрежет древнего двигателя. Карлос вспомнил, что там, в багажнике лежит забытая им Мэри – и мгновенно покрылся ледяной влагой. Пустынная, еще недавно казавшаяся сонной и безмятежной Пятая авеню почудилась ему враждебной, катящейся на него, как локомотив, стеной – еще более ужасной, чем полный полуживых манекенов зал-багажник из его сна. Но еще через секунду все встало на свои места, потому что он вдруг подумал: может быть... Может быть Мэри каким-то непостижимым для него образом обернулась *той самой* Мэри... А он, дурак, держал Ее все время взаперти! Невероятно... конечно, невероятно! Но разве все остальное – то, что происходит с ним или вокруг него в последнее время – так уж обычно и объяснимо? И если он уверен, что тогда, на границе, Она была живой и настоящей, то что могло бы помешать Ей сегодня оказаться в багажнике его машины?

От непонятного, но пьянящего восторга, тоже пришедшего откуда-то из снов, волосы на голове у Карлоса зашевелились. Если это Она... не в дурманящем мареве пустыни, а здесь, сейчас, посреди трезвого холодного города... Не останавливаясь, Карлос повернулся всем телом назад, желая все же убедиться, что ему не показалось, что нетерпеливые тюкающие звуки действительно исходят из багажника. Но в то же мгновение он услышал громкий и неожиданный крик – почти вопль – и еще успел заметить, как длинный, тяжелый капот его машины наезжает на беззащитно вытянувшего вперед руки и разинувшего от ужаса рот человека в очках. Карлос, отчаянно пытаясь вывернуть руль, но уже понимая, что времени не хватит, только зажмурил глаза. Удар. Карлоса тряхнуло, крик оборвался и, почти сразу – новый удар. Карлоса прижало к рулю, а потом выбросило из сидения и на секунду прилепило лицом к ветровому стеклу. Этой секунды было достаточно, чтобы Карлос снова почувствовал жаркий ветер Техаса и увидел удаляющуюся, сверкающую под бешеным солнцем нагую фигурку...

Ему потребовалось совсем немного времени, чтобы прийти в себя и сообразить, что он сидит в уткнувшемся в дерево шевроле и тупо смотрит на вздыбившийся от удара капот. Карлос тут же вспомнил, что, кажется, сбил человека, и заплакал. По-настоящему, горько, взхлеб. Но не потому что, может быть, лишил кого-то жизни: все-таки он был мачо, настоящим мачо, и ему уже приходилось убивать – там, далеко, на родине. И не потому, что теперь его путешествие наверняка оборвется, и он не скоро попадет на то шоссе, к зеленому дорожному знаку. Он плакал из-за собственной глупости. Бездарной и невыносимой глупости! Настоящая Мэри, кем бы он ее не считал – миражом, фантазией, ожившим манекеном или ангелом, посланным ему с небес – неожиданно вернулась к нему вот прямо здесь, в машине, и все могло быть так хорошо! Но уже не будет... Потому что сейчас приедет полиция, обнаружит труп, разберется с его липовыми документами и с ним самим – жалким идиотом, не сумевшим-таки донести-доставить Ее так, как хотел, как должен был...

В это время в приспущенное боковое стекло робко постучали. Карлос медленно повернул голову. Перед ним, чуть пригнувшись и неуверенно улыбаясь, стоял худой и очень бледный человек с искривленными очками на носу.

– Ради Бога, извините! – сказал он и замотал головой. – Я побежал прямо на красный свет, я знаю! Ужасно неприятно, что из-за меня вы разбили машину. Но, не волнуйтесь, я компенсирую вам ущерб. Поверьте, я ведь сам виноват, а вы поступили благородно, не пожалев свою машину. Хотя нет, что я говорю? Знаете, от испуга я немного...

Карлос невыразительно, как совсем недавно на капот, посмотрел на черный с блестящими отворотами пиджак, на выбившуюся из-под него белую рубашу со смешным бантом у подбородка. А этот... откуда взялся? – подумал он и отвернулся.

– Э-э, послушайте, с вами-то все в порядке?

Человек в кривых очках схватился за ручку двери, но открыть не смог и тогда, прихрамывая, обежал машину и влез на пассажирское сидение. Он внимательно посмотрел на Карлоса, увидел еще не просохшие слезы и снова забормотал, что он жив и все прекрасно, и горевать не о чем, хотя, конечно, он понимает, как Карлос испугался. Наверное, еще сильнее, чем он сам. Потому что убить человека – это очень страшно. Но он-то жив! И за машину заплатит столько, сколько нужно! А Карлос вдруг услышал, что двигатель, несмотря на удар, работает исправно и подумал, что, может быть, еще не все потеряно. Дурацкая надежда, но... Он подал машину назад и она, послушно ворча, отползла от дерева. Тогда он развернулся и поехал, совершенно забыв о своем неожиданном пассажире. Тот все еще что-то говорил – не то испуганным, не то успокаивающим тоном, – когда Карлос понял, что обманывает сам себя и теперь ему уже никуда не убежать. Не только из-за полиции. Он обернулся слишком резко и спугнул Ее... и вообще... все время думал о ней всякие глупости... назвал ее Мэри, идиот! Да еще притащил в машину ненужный, ни на что не годный манекен! Карлос резко свернул направо, в подвернувшийся проезд через Центральный парк. Выжимая из двигателя последние силы, он перевалил через бровку тротуара и загнал машину глубоко в кусты, под склоненные к самой земле ветви деревьев.

Откинувшись на сидении, Карлос увидел, что у очкарика-пассажира течет из носа кровь, расплываясь некрасивыми черными кляксами на белом полотне рубахи. А пассажир, молчавший все то время, пока Карлос гнал машину, снова заговорил, и было видно, что хлюпающий нос сильно ему мешает, но он старается этого не замечать. Карлос не обращал на него никакого внимания – он вслушивался в себя как человек, который вернулся в свой старый заброшенный дом и напряженно прислушивается к скрипу половиц, боясь и надеясь принять его за знакомые с детства шаги... Невольный попутчик продолжал что-то говорить, но из глубокой задумчивости Карлоса вывел не его голос, а совсем другой звук – одинокий удар, там, в багажнике; потом еще один, погромче. Очкарик поперхнулся середине какой-то фразы и резко обернулся. Еще ничего не понимая, Карлос тоже – медленно, очень медленно – повернул голову назад. И как раз вовремя. Небольшой люк, соединяющий багажник с кабиной, с громким щелчком открылся, и Карлос увидел, как из темноты показалась длинная, тонкая, белая и совершенно живая рука с растопыренными пальцами.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Иногда Билли казался себе монстром. Но не тем – из пошлых телевизионных сериалов – злобным и отвратительным, а по-настоящему загадочным, может быть, обреченным на одиночество и непонимание из-за своего необычного предназначения. Конечно, рядом всегда была тетушка Эллен, которая любила объяснять, что все гении, так или иначе, были изгоями в обществе и казались окружающим людям не от мира сего. Даже Самому, жившему в относительно просвещенное время, выпала тяжелая и несправедливая участь. Он и умер в бедности молодым, и страдал при жизни... конечно, страдал! И за пробуждение спящего в Билли гения тоже нужно платить. А эта плата, все же, не столь велика. Ведь могло случиться так, что от него, Билли,

потребовалось бы куда больше усилий. Она, тетушка, боится даже представить себе, куда эти усилия могли бы их завести!

Конечно, Билли часто злился на тетушку, но понимал, что она совсем не его тюремщик, как могло бы показаться постороннему, а, наоборот, только помощник, подпитывающий его энергией – так необходимой ему энергией уверенности в себе, – без которой он никогда не стал бы тем, кто он есть сейчас. К тому же, это именно она поняла, что и как следует делать. Поняла, наверное, в тот самый вечер, когда Билли, сгорая от стыда, сидел сначала в ванне, а потом – закутанный в теплый халат – в тетушкином кабинете. Тетушка тогда щедро плеснула в его чашку коньяку: еще не попробовав чая, Билли почувствовал непривычный, вызвавший у него оскомины запах разогретого алкоголя. Он поднял голову и украдкой взглянул на тетушку. Смотреть на нее было неловко и приятно одновременно. Билли самого удивило это ощущение – в нем было какое-то откровенное бесстыдство. Но почему-то, где-то глубоко внутри – там, где нет места неловкости – росло и разливалось то телу незнакомое, но захватывающее чувство безграничной, как во сне, легкости и свободы. Тетушка улыбалась и смотрела куда-то в угол. Похоже, что ее мысли были далеко-далеко. Потом увидела стоящую перед ней рюмку, быстро выпила коньяк и, взглянув на съездившегося в кресле Билли, улыбнулась еще шире.

– Ну что, герой? – сказала она и сразу стала серьезной. – Подумаешь, большое дело! Хотя, вообще-то, большое. Особенно в твоём возрасте. Это великий инстинкт. Великий, понимаешь? В него уходит корнями многое. А это значит...

Тетушка Эллен налила себе еще рюмку, но не выпила сразу, как первую, а наклонила ее и, забавно высунув язычок, чуть окунула его в коньяк. Билли никогда внимательно не рассматривал теткино лицо, а тут вдруг увидел, что язык у нее острый, молодой и какой-то нескромно блестящий.

– А это значит, – продолжила она и облизнулась, – что у нас есть серьезная надежда. Я знаю, что творится в твоей голове, поверь мне. Сама ведь совсем недавно была молодой, в это тоже поверь. Великий талант и великий инстинкт часто идут рядом, рука об руку...

Билли неожиданно показалось, что тетушка вот-вот распахнет свой халат и начнется нечто отвратительное и прекрасное – прекрасное хотя бы потому, что невероятное... Но он ошибался. Тетушка помолчала, глаза ее стали трезвыми. Неудивительно, если сейчас она, поплотнее запахнувшись и округлив брови, отправит его спать. Но тетушка только слегка отодвинула от себя рюмку и заговорила:

– Думаю, для начала тебе полезно будет узнать наше семейное предание. Так вот, у Самого было много детей, но, кажется, только младшему сыну и одной из дочерей достался в наследство от отца его удивительный, грандиозный талант. Конечно, воспитанная в бедности и тогдашних представлениях о приличиях, дочь никак не могла его проявить; я даже думаю, что она сама не подозревала о своих способностях. В шестнадцать лет ее выдали за небогатого дворянина, к тому же немолодого. Когда она стала замужней женщиной и лишилась привычной опеки матери, великий талант, гений, переселившийся в нее, окончательно окреп и настоятельно потребовал высвобождения. Ну а в то время, сам понимаешь, ей ничего не оставалось, кроме как заниматься хозяйством и рожать детей. Но природа настоящего таланта такова, что, подавленный в одном, он обязательно проявится в чем-нибудь другом. Обязательно! Не имея возможности заниматься музыкой, как ее отец, и не зная, как справиться с рвущимися наружу творческими способностями, молодая женщина обратила всю энергию не использованного по назначению таланта на мужа.

Через некоторое время обстоятельства вынудили их переехать в маленький провинциальный городок, где стоял военный гарнизон. Пожилой супруг вскоре умер, причину его смерти так и не установили. Возможно, ему было невыносимо трудно жить рядом с таким талантом...

Беда заключалась в том, что ее великие способности, сжатые со всех сторон жалким мирком, в котором она жила, совершенно преобразовались, исказились, но все же продолжали бушевать в ней, ища выхода и реализации. Муж этого, увы, не перенес... Никто не знает, как она справлялась с собой. Но вот она обратила внимание на свою малолетнюю дочь и вдруг поняла, что гений, доставшийся ей от отца, проявился теперь в десятилетней девочке в том самом преображенном виде, в котором она несла его в себе! Наверное, она была потрясена. Надо было срочно что-то предпринимать, пока не случилось беды. Но даже в те времена выдавать замуж девушку, не достигшую хотя бы пятнадцатилетия, было не принято. Оставался только один путь – в католический монастырь, где, как догадывалась мать, строгие правила и ограничения могут повернуть могучее дарование на служение Господу, и это будет наиболее уместно в сложившейся ситуации. А может быть она ни о чем таком и не думала, просто хотела как-то уберечь девочку от собственной несчастной участи, кто знает?

И действительно, попав в монастырь – в суровые, непривычные условия – послушная девочка начала меняться. Но не совсем так, как предполагали матери-монахини. К шестнадцати годам она запела... На службы, в которых она принимала участие, стали съезжаться любители со всей провинции. Но пела она... как бы это сказать... Вряд ли ее пение было обращено к Богу. Монахини были очень смущены. Слушая ее голос, и мужчины и женщины – верующие и добропорядочные граждане – совершенно теряли головы. Не знаю, как это тебе объяснить, но, кажется, и мать, и сами монахини вздохнули с облегчением, обнаружив, что она сбежала из монастыря во Францию, в Париж, и выступает теперь в популярном кафешантане. Красивая и необычная, она очень скоро вышла замуж за богатого молодого человека, родом откуда-то с Востока, точно не знаю. Печально то, что, поддавшись увлечению и уехав с ним то ли в Фергану, то ли в Стамбул, она совершенно лишилась возможности петь. Жене знатного человека, да еще на Востоке, путь на сцену был закрыт категорически. А ведь талант в ней совсем не угас! Конечно, она стала третьей и самой любимой женой, он обожал ее, покупал ей наряды и дорогие украшения, но... Чувствуя, что происходит что-то нехорошее, муж стал потакать всем ее капризам, всем, кроме, разумеется, вырвавшегося на волю еще в монастыре желания – да и просто необходимости – реализовать свой талант. Он выбрасывал огромные деньги на ее причуды, и, конечно, через некоторое время у них начались финансовые трудности. А потом случилось так, что она оказалась на улице, одна с двумя крошками-детьми.

На последние деньги они добрались до Парижа, надеясь, что все вернется на круги своя, что она опять сможет петь. Не знаю, что там произошло, знаю только, что ей пришлось нищенствовать. Вместе с детьми – девочкой и мальчиком. А, надо тебе сказать, тогдашние нищие были совсем не похожи на нынешних беззаботных бездомных. Их жизнь была по-настоящему суровой и голодной. И вот... На сей раз это был мальчик, ее сын. Теперь ему досталась прадедовская сила. Но обстоятельства, жесткие условия жизни... Ведь ему пришлось зарабатывать на хлеб для себя, матери и сестры, которые, как оказалось, совсем не умели разжалобить сурового парижского прохожего. Очень скоро он стал королем нищих, их гордостью и легендой. Потому что никто не умел так собирать милостыню, как он. Говорили, что один только его вид – с протянутой рукой, на тротуаре у церкви – был таков, что никто не мог ему отказать... Ни матери, ни сестре не нужно было больше унижаться на холодных безразличных улицах. Через некоторое время они купили небольшой домик под Парижем. И мать, в отличие от собственной матери, не разобравшись в природе таланта, запретила ему нищенствовать: накопленные деньги были выгодно устроены, а сами они постепенно превратились в порядочных рантье.

Тетушка Эллен снова склонилась к столу, положила круглый подбородок на маленькую ладонь и печально вздохнула. У Билли вся эта история не вызвала никакого

отклика. Где-то на середине он даже отвлекся, заглядевшись в окно на темный недружелюбный парк, и только радовался, что тетушка, кажется, забыла о нем и его собственном злочищении.

– Ну вот, – сказала она и посмотрела на Билли так, как будто задала ему вопрос и теперь ждет очевидного ответа, подсказывая его глазами и сомкнутыми тонкими губами. Билли только пожал плечами и неопределенно кивнул.

– Ну вот, – повторила тетушка, – этот мальчик, юноша подчинился требованию матери. Он не знал, что теперь делать со своим талантом. Наверное, он был не таким гибким как женщины. Поэтому попросту спился. И умер. И не успел оставить после себя потомства. Грустно, правда?

Билли снова покорно кивнул, догадываясь, что история закончилась, и не совсем понимая, зачем она была ему рассказана. И тут же удивился очевидной неувязке: ведь если этот гений-нищий так и не женился, то...

– А мы с тобой произошли от другой ветви Самого, дорогой Билли! От его младшего сына. Мы почти ничего не знаем о его судьбе. Знаем только, что в семье был талант, гений, который передавался по наследству, и поэтому не мог исчезнуть навсегда! И не исчез! Но проявлялся он каждый раз, увы, не в музыке... Может быть, это проклятие? Не знаю... У нас была надежда на тебя. Ты ведь все еще многого не знаешь о своем семействе. Ну, это как-нибудь потом. Во всяком случае, теперь ты понимаешь: когда твой отец убедился, что и ты тоже... Но еще не все потеряно! Я это чувствую. Знаешь, ты, своим э-э... поведением подсказал мне великолепную мысль... Есть такое понятие – сублимация. Но оно ничего до конца не объясняет. Впрочем, это неважно. Сейчас ты можешь идти спать. А мне нужно подумать. Спокойной ночи!

Только потом Билли понял, что, поделись с ним тетка своим планом сразу, он никогда не стал бы тем, кто он есть. Потому что наотрез отказался бы, и никто ничего не смог бы с ним поделать. Но тетка Эллиен скармливала ему свою идею постепенно, в течение, наверное, года. Это было очень трудно – понять, согласиться, а, самое главное, следовать, неуклонно следовать намеченному плану. Но когда, пару лет спустя, он сам поразился тому, чего достиг, то простил тетке и приказной тон, и ее контроль, и даже самую суровую меру – «железку», как они называли ее между собой. Потому что к нему пришла его музыка. Он и сам поверил тому, что, понукаемый древним инстинктом, в нем проснулся потерянный гений. Несколько лет все шло просто великолепно, пока... Пока Билли просто не привык. Ко всему – к «железке», к режиму, к тяжелой ноше своей избранности. Рояль стал вызывать у него стойкое отвращение, а музыка, все еще живущая внутри, оставляла совершенно равнодушным. Он потерял ощущение восторга, охватывавшего его в тот момент, когда выливал из себя эту музыку, потерял веру в собственное предназначение. Как полеты во сне, когда воздух кажется плотным настолько, что на него можно лечь грудью и плыть, наяву оказываются лишь печальной фантазией, так и его великие способности вдруг показались смешными доморощенными фокусами. Вот тогда и появилась новая утренняя процедура – обнаженные девушки в бассейне.

Ему не очень нравилось то, что он делает, но и остановиться он уже не мог и не хотел. Иначе получилось бы, что он сам испортил себе столько лет, столько странных дней и тяжелых дурманских ночей, представлявшихся ему в виде бесконечного ряда черных и белых роялей – то громких, оскалившихся клавиатурой, то молчащих тупых лакированных ящиков. Вот и разберись тут в себе! Ему хотелось, чтобы сегодняшний бесконечный день – день его рождения – закончился, и все осталось позади, но... Каждый раз, перед выступлением, Билли казалось, что вот сегодня, сейчас, он преодолет себя, перейдет ту грань, которая отделяет его хоть и необычный, но какой-то парниковый, домашний талант от настоящего гения. Легче всего свалить вину на тетку и почувствовать себя несчастным пленником... Кстати, а зачем это тетушка Эллиен решила пригласить на концерт Матильду? Этой радостной пиранье вполне хватает ее

карликов. Зачем? Любопытно. Он мог бы спросить тетюшку напрямую, но давно привык к тому, что ее планы открываются ему постепенно и иногда совершенно неожиданно. Многие теткинны сюрпризы ему даже нравились.

Билли все еще стоял посреди комнаты. Жаль, конечно, но от Изабеллы придется избавиться. После того, как Билли продемонстрировал ей «железку», Изабелла вытаращила глаза и, сама не замечая того, схватилась рукой – как зачерпнула – у себя между ног. Вот тут-то Билли и показался себе чудовищем. А она дура! Такая же, как и все остальные! И что это он так расчувствовался? Ее нужно было просто выгнать!

Испуг на лице Изабеллы очень быстро сменился непонятным ему выражением – то ли жалости, то ли любопытства. Она все еще держалась рукой за низ живота, но пальцы уже перестали стискивать туго натянутую джинсовую ткань и только подрагивали. Билли поднял глаза и снова уперся взглядом в серый свитерок: за эти годы он не привык заглядывать женщинам в лицо. Изабелла, похоже, совсем успокоилась и выдала из себя следующий вопрос:

– А зачем это вам? Это же, наверное, очень неудобно! И потом – я слышала, что когда-то давно так ходили женщины, чьи-то жены, что ли. Но... вам-то это зачем?! Вас что – *заставляют* это носить, да?

Изабелла рывком оглянулась на дверь, ее груди коротко вздрогнули, и Билли заметил, как стали увеличиваться и выпирать соски. Он видел эти соски уже не раз, но впервые под одеждой. И они показались ему другими, чужими и непонятными, как прикрытые веками глаза. Изабелла хотела сказать что-то еще, но тут дверь кабинета открылась, и появилась Леди с обычным сообщением, что Билли пора переодеваться к выступлению. Леди – единственная из прислуги – задержалась в их доме потому, что никогда не выказывала удивления и не задавала никаких вопросов. Вот и сейчас, увидев Изабеллу, только покосилась на нее и вышла. Хотя по тому, как она подчеркнуто мягко – словно провела рукой по волосам – закрыла за собой дверь, Билли почувствовал, что Леди приятно удивлена. Что она там себе воображает, эта дуреха? Билли нужно было торопиться: хотя сама процедура облачения во фрак и не занимала много времени, он любил одеваться без спешки, так, чтобы еще успеть постоять у окна и поразмыслить.

Неожиданно в голову пришла интересная мысль. Если сегодня на концерт явится эта радостная Матильда, то он вполне может пригласить и Изабеллу. Конечно, ее теперь уж точно придется уволить, но именно поэтому она вполне может присутствовать. Почему бы и нет?

– Знаете, – сказал он Изабелле, – спуститесь вниз к Леди и скажите, что я попросил провести вас в зал минут через сорок. Она поймет, о чем речь. И вы сами все увидите.

Он слегка замаялся, мельком посмотрел Изабелле в глаза и зачем-то добавил, что, по крайней мере, это докажет ей, что он не пленник, а хозяин, и здесь выполняются его приказы. Изабелла сначала кивнула, потом пожала плечами и медленно пошла к двери. Глядя на нее, Билли подумал, что каждую следующую девушку в бассейне он теперь непременно будет *одевать* взглядом. Вот в такие джинсы и свитерок.

Билли выбрал на сегодня один из традиционных черных фраков и подошел к окну. Конечно, он необычный человек: он возродил талант давно умершего предка, проклятием висевший над его семейством...

После того разговора тетюшка Эллен больше с ним не откровенничала и историй из жизни семьи не рассказывала. Но по мелким теткиным обмолвкам Билли сделал вывод, что его прадед, например, оставив свою семью и торговлю в спокойной добронравной Европе, направился прямо в притихшую перед великими бедами революции Россию. Там он то ли стал большим человеком у коммунистов, то ли просто погиб – неизвестно. Что же подтолкнуло прадеда, что заставило в немолодом уже возрасте пуститься в такую авантюру? Как-то тетюшка Эллен упомянула и давно потерянную прадедом сестру, жившую с семьей где-то на Волге, в никому не известном

городке Симбирске. Может быть, прадед и поехал в Россию только для того, чтобы найти свою сестру и посмотреть, нет ли у нее или ее детей того, что он не мог найти в своей собственной семье?..

А его сын – дед Билли – перебравшись в Северную Америку, тоже, оказывается, что-то всю жизнь искал в себе. Искал и не нашел. Подаренный Билли картонный домик был лишь отголоском главного увлечения: дед хотел построить самый высокий небоскреб в мире; даже купил большой кусок земли в Манхэттене и старательно, своими руками, клеил макеты. Но ни один архитектор, ни один инженер-строитель не брался за постройку такого большого и, самое главное, необычного на вид здания. Это было просто нереально. Наверное, если бы не его капитал и положение, деда объявили бы сумасшедшим. Вдобавок, дед регулярно посещал приходского священника, который очень неодобрительно отнесся к его затее. Постройки второй вавилонской башни церковь допустить не могла. Тем более, что, если верить случайно обнаруженным Билли в тетушкином столе наброскам, дед мечтал соорудить посреди Манхэттена упирающееся в небеса здание, по форме подозрительно напоминающее фаллос. Кажется, деду даже пригрозили отлучением. Дед расплевался со священником, но затеи не бросил. Он так и умер ни с чем, не считая, конечно, приумноженного во много раз состояния.

Отец Билли, которому, кроме денег, досталась в наследство купленная под башню земля, стал усердно скупать ее и дальше, разумеется, вместе с находящейся на ней недвижимостью. Наученный опытом отца и деда, он уже ничего не искал в себе, а сделал ставку на него, на Билли. Так говорила тетушка Эллен. Но сам Билли смутно помнил какие-то странные, непонятные разговоры о том, что отец собирался покупать весь Манхэттен целиком. И не только землю, но и мосты, соединяющие остров с Лонг-Айлендом и материком. Что замышлял отец, какие строил планы, Билли не знал. Но, похоже, даже сделав ставку на сына, все равно пытался что-то доказать самому себе. Так и умер, ничего не доказав. Так что же это? Действительно проклятие? Если это так, то он, Билли, вполне может гордиться собой. Или все-таки не может?

Билли бросил последний взгляд на прозрачный парк и спустился вниз. Он чувствовал, что готов к выступлению. По дороге, в небольшом коридорчике, ведущем на эстраду, где стоял любимый и ненавидимый им рояль, Билли через небольшое оконце заглянул в зал... Как всегда в последнее время, зал – просторная комната, легко вмещающая до ста человек – был полон. Он пригляделся повнимательней и увидел среди взволнованной публики улыбающуюся Матильду.

В остальном, пожалуй, все было как обычно. Множество знакомых лиц, даже, пожалуй, большинство. Билли вдруг заметил новоявленного родственника – толстого старика дядюшку Вольфа. Единственная невозмутимая физиономия в зале. Настоящим дядей он Билли не был, но тетка говорила, что в каком-то очень отдаленном родстве с семейством Моццарт он все же состоит. Тетушка Эллен отыскала его совсем недавно, где-то на юге Германии, где он жил, выйдя на пенсию. Он носил труднопроизносимую фамилию неизвестного происхождения, но тоже считал себя прямым потомком Самого, чуть ли не правнуком того гениального мальчика-нищего. Герр Вольф, сразу же по приезде в Нью-Йорк, на своем довольно корявом английском объяснил Билли, что родился в Австрии. Потом, со значительной миной на пухлом морщинистом лице, сказал, что все знает о проклятии их большой семьи. Когда тетушка Эллен решительно возразила, что он ошибается относительно того мальчика – ведь он умер молодым и бездетным – дядюшка Вольф хмыкнул и заявил, что не потерпит сомнений в его причастности к Самому. А лучшим доказательством бушующего и в его крови гения является то, что там же, в Австрии, его двоюродная тетка вышла когда-то замуж за небезызвестного Шикльгрубера. Понятно? Тетушка Эллен необычайно высоко подняла брови и, не довольствуясь этим, фыркнула, явно сожалея, что обзавелась подобным родственничком. А Билли не знал, кто такой Шикльгрубер, поэтому промолчал и ушел

к себе. С тех пор герр Вольф часто приезжал в Нью-Йорк, останавливался неподалеку в «Плазе», но на выступлении появился впервые. Похоже, что тетушка решила положить конец их бесконечным спорам о генеалогии.

Даже через окошко Билли чувствовал, как в зале растет напряжение. Он знал это ощущение, оно нравилось ему, подхлестывало, заставляло отбросить в сторону все мелкие мысли и чувства и сосредоточиться на предстоящей игре. Билли одернул фалды фрака, чуть выпятил грудь и быстро вышел на эстраду, заранее предвкушая эффект. Казалось, пол проваливается куда-то вниз, унося с собой взволнованных, застывших в нервном ожидании и ставших вдруг неотличимыми друг от друга, людей. В приглушенном свете Билли видел лишь открытый рояль и пустую яму зала. Так из его окна выглядит ночной Центральный парк... Билли сел на табурет и задумался, лоя в себе нужное, точное состояние, машинально протирая платком увлажнившиеся ладони. Вот оно! Началось! Билли уронил платок на пол и мягко тронул клавиши. Сегодня, в день его рождения, после неожиданной встречи с Изабеллой, его импровизация будет особенной. Конечно, каждый раз, когда он садился за рояль, получалось что-то новое, но сегодня – у него было предчувствие – это будет то, чего он так долго ожидал в себе и... Недодуманная мысль без всякого усилия ушла в сторону и затаилась на зыбком краешке сознания. Параллельно он успел задать себе вопрос: уж не тетушка ли подстроила ему эту встречу в кабинете? И все. Его больше не было.

...Обычно после игры он удивлялся множеству незаметно подкрадывающихся к нему изменений. Выныривая из обморока, всегда означавшего конец выступления, он долго не мог поймать ощущение времени. Оно возвращалось значительно позднее. Он приходил в себя в спальне, в темноте, раздетый и заботливо укрытый одеялом. Поэтому сегодня, когда сознание вернулось к нему и он обнаружил, что лежит во фраке на холодном жестком полу, то сразу понял, что случилось нечто непредвиденное. Кое-как, встав на четвереньки, он добрался вдоль стены до дверей, поднялся на ноги и, почувствовав, как закружилась голова, шагнул вперед. Прямоугольник белесого света косо лежал на черно-белых шашечках пола. Билли понял, что попал на кухню. Тогда он пошарил рукой по стене и нащупал выключатель. Где-то сбоку послышался странный полукашель-полустон. Билли, еще не до конца придя в себя, плавно повернул легкую пустую голову на звук. И даже не сразу понял, что именно он увидел. В углу, у маленького стального столика для разделки мяса, чуть сгибая и разгибая колени, ритмично подпрыгивало огромное расплывающееся черное существо. Билли сфокусировал зрение и разглядел трясущиеся голые ягодицы на толстых, с выпирающими венами, ногах и складчатую непомерную спину с завязанными бантиком тесемками кухонного фартука. От неожиданности Билли сделал вялый шаг назад. Существо, не останавливая странных движений, наполовину повернулось к нему, и Билли узнал Леди. В руках она держала большую блестящую терку для овощей и в такт движению, не глядя что-то терла на ней, роняя пальцы об острые шипы. Но Леди не прекращала работу, а только постанывала, коротко, как будто прочищала горло. Ее большие тяжелые груди не умещались в фартуке, от тряски они выскользнули и повисли по сторонам, как беззащитно расставленные руки. Увидев Билли, Леди приостановилась, протянула к нему окровавленную пустую ладонь и засмеялась. Это было страшно. Полуголая Леди, самозабвенно стирающая себе руку на овощной терке...

Тетушка Эллен не разрешала ему встречаться со слушателями после выступления, но он знал, что иногда с ними происходят странные вещи. Что-то такое, что нельзя объяснить воздействием музыки, пусть даже и гениальной. Может быть он влияет на людей так же, как та далекая девочка, певшая в монастыре? А что, если сегодня, взволнованный неожиданной встречей в кабинете, он играл особенно мощно? И вот... свел с ума даже невозмутимую Леди? Нет-нет так быть не должно! Билли вздрогнул, попятился от размахивающей рукой Леди и выскочил из кухни. В столовой одиноко горела маленькая настольная лампа. Остальные комнаты были темными, и

только в камине пульсировало и сыпало искрами большое пламя. Билли показалось, что знакомый рот перекосялся, обнажил кованую решетку зубов и давится кусающим его за нёбо огнем. Но в камине горели не дрова. Сверху, на красной куче прогорающего угля, лежал еще узнаваемый тяжелый дубовый стул из столовой. Кто бросил его в огонь? И зачем? Зачем вообще разожгли камин? Билли специально задавал себе эти дурацкие вопросы, чтобы не испугаться окончательно и не броситься с детским визгом в спальню, под одеяло. Следовало бы найти тетушку и узнать, что происходит. Но он не решался отправиться на поиски. Ему было очень страшно. Хотя, одновременно со страхом, он чувствовал подкрадывающийся восторг от осознания какой-то великой, пусть даже и неуправляемой силы. Как если бы он летал во сне и, проснувшись, обнаружил, что и в самом деле летит высоко над городом... Неужели граница, отделявшая его от настоящего всемогущего гения, перейдена?!

Под тяжелыми шагами закричала лестница, и Билли увидел спускающегося к нему дядюшку Вольфа. Тот невозмутимо пыхтел и, заметив Билли, улыбнулся. В смокинге с белым жилетом и бабочкой дядюшка выглядел необыкновенно торжественным, но при этом деловитым и спокойным. Таким спокойным, что Билли даже усомнился в только что сделанном выводе.

– А, Билли, – сказал дядюшка, – а я искать... э-э... на Эллен?.. для Эллен? Тьфу, ну что за блядский язык!

Билли показалось странным, что ругательства дядюшка произносил без запинки, на совершенно правильном английском. И сразу же удивился, что способен сейчас подмечать такие мелочи. Дядюшка подошел поближе и сообщил, что, когда выключилось электричество, он единственный не потерял присутствия духа, отправился наверх, нашел щит с пробками и все исправил – о, это пара пустяков! – а теперь ищет тетушку Эллен, у него к ней есть серьезный разговор. Он заглянул во все комнаты, но тетушку не обнаружил. Только в одной из спален какой-то очень маленький ребенок, увидев его, забрался под кровать. А он и не знал, что в доме есть дети. Ха! Дядюшка снова длинно, с удовольствием выругался на безукоризненном английском и хитро взглянул на Билли. Уж не сынок ли это фрейлен Матильды, а?

Дядюшка опустил в кресло, а Билли все никак не мог решить, что же ему делать. Он еще раз посмотрел на камин. То ли стул уже прогорел, то ли его там никогда не было, но только угли бледно светились в прилежно раскрытой пасти. Может быть он, Билли, еще не пришел в себя после выступления, и голая несчастная Леди ему только привиделась? Но почему он до сих пор во фраке? И где же тетушка Эллен? А Матильда? Куда все подевались? Или это один из теткиных сюрпризов? Похоже, что в квартире остались только он и этот странный самодовольный старик. Билли посмотрел на говорящего без умолку дядюшку, попытался вникнуть в ставшую неузнаваемой в жестких старческих губах мешанину английских и немецких слов и разобрал, что тот рассказывает о своем героическом прошлом... Дядюшка, оказывается, успел поучаствовать во Второй Мировой войне и даже был в Нормандии, да-да! И тон, и разгоревшиеся глаза герра Вольфа говорили о том, что он почти наверняка врет, стараясь придать себе больше весу в глазах малознакомых родственников. Но Билли было не интересно слушать дядюшкины истории, ему хотелось разыскать тетушку Эллен и потребовать, наконец, объяснение всему происходящему.

Но, в то же время, обыденная болтовня старика, уютно расположившегося в кресле, настолько не вязалась ни с пляшущей на кухне окровавленной Леди, ни со сгоревшим в камине стулом, что Билли никак не мог решиться прервать герра Вольфа, как будто защищаясь его спокойствием и невозмутимостью от подступавшего со всех сторон безумия. А дядюшка все говорил и говорил. Билли добросовестно вслушался и вдруг сообразил, что герр Вольф обстоятельно объясняет ему устройство печей, способных быстро и без потерь утилизировать сотни, если не тысячи трупов... Билли показалось, что сладковатый запах тлевшей в камине обивки превратился в плотное

черное облако, мгновенно окутавшее дядюшку так, что Билли остались видны только мясистые, шевелящиеся от удовольствия кисти рук – очень белых на фоне повисшего в воздухе приторного кошмара.

Пузырь страха – то сжимавшийся, то раздувавшийся внутри – вдруг лопнул, и Билли, оставив неумолкающего старика, бросился бежать. Он понесся вниз по лестнице не дожидаясь лифта, стремясь поскорее выбраться на улицу, как ныряльщик, у которого кончился кислород – на поверхность воды. Когда, не обращая внимания на заспанного швейцара, Билли выскочил на тротуар и побежал через дорогу, к парку, ему даже послышался чмокающий всплеск, как в бассейне... И только секундой позже он сообразил, то это визг тормозов.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Отчаянный ужас, который вынес Билли на ночную улицу, так плотно охватил его ледяной ладонью, что, похоже, даже защитил от налетевшей машины. Билли почувствовал только резкий толчок. Ужас немного отступил, и на смену ему пришло совсем другое чувство. Билли не хватило времени разобраться, какое именно, потому что он сразу заговорил с перепуганным водителем ударившего его автомобиля, но догадывался, что чувство это, вопреки всему, приятное.

Когда Карлос в тупом отчаянии загнал разбитую машину в кусты Центрального парка, он еще не очень понимал свои ощущения: и от непривычки разбираться в себе, и потому, что, похоже, запутался окончательно. В тот момент, когда из багажника, в котором лежал манекен, показалась живая женская рука, он испытал жутковатый восторг человека, падающего во сне в пропасть и осознающего, что это только сон... Мэри, его Мэри снова вернулась к нему! Пусть даже в образе ожившего манекена, Карлос был готов и к этому.

Ни Карлос, ни Билли почему-то совсем не удивились, что они, совершенно незнакомые и такие разные – обеспеченный человек из известной семьи и нелегальный мексиканский эмигрант – вдруг прониклись друг к другу доверием, как, наверное, происходит с людьми в большой опасности или в большой радости. Они почувствовали себя даже не родственниками, не близкими людьми, а как-то по-другому, тоньше и эфемерней, как чувствует хорошего актера и доверяет ему простодушный зритель, плачущий над выдуманной смертью героя легко, искренне, но без страданий. Эта близость не нуждалась ни в представлениях, ни во времени, в течение которого обычно присматриваются к незнакомцу, изучают его. Поэтому Карлос только перегнулся через сидение, дотронулся до прохладной узкой ладони, а потом легко улыбнулся Билли и сказал:

– Это Она, понимаешь? Она пришла! А я, дурак, ехал за ней в Техас!

Билли сразу понял, что с этим мексиканцем произошло что-то очень важное, хотя и необычное. И тоже улыбнулся ему в ответ. Карлос застыл в неудобной позе, не выпуская из дрожащих рук Ее извивающуюся беспокойную руку.

– Слышишь, – сказал он Билли, помрачнев, и упрямо наклонил голову с крупными каплями пота на узкой полоске лба, – я это... Я тут подержу Ее, а ты вылезай из машины и открой багажник, ладно? Она там, ну, ты увидишь... Я бы и сам пошел, да вдруг отпущу, а в багажнике окажется манекен...

Карлос понимал, что это глупость, что если Она захочет уйти, то никто Ее не удержит, но, все равно, пусть лучше так, пусть лучше *этой* увидит Ее Карлосу почему-то не стеснялся Билли. Может быть потому, что тот совсем не был похож на толстяка Джо или дурачка Хозе, да и на всех, с кем ему приходилось встречаться в

жизни? Да, этому Очкарику в странном костюме он может позволить на Нее посмотреть. Потому что ему нужно было, чтобы кто-то, кому он доверяет, увидел ее тоже. Это было очень важно. А Очкарику он почему-то поверил сразу. Карлос попробовал половчее ухватить Ее руку, но та неожиданно выскользнула из его горящих мокрых ладоней и исчезла в темноте люка. И как раз в тот момент, когда Очкарик справился, наконец, с заедающим замком и открыл багажник. Да что же это?.. – похолодев от нехорошего предчувствия, подумал Карлос.

– Да что же это! – воскликнул Билли, когда в полумраке багажника разглядел туловище манекена с отвалившейся головой и руками, одна из которых – согнутая в локте – высывалась сбоку, из-под старого автомобильного колеса. Билли хотел было захлопнуть крышку и отрезать от себя это неприятное зрелище, но почти сразу в багажнике что-то зашевелилось: безобразное туловище сдвинулось в сторону и на его месте показалась голова. Живая женская голова с ссадиной на грязном лбу. Потом появилась рука – тоже, совершенно очевидно, живая и гибкая – и прикоснулась к ссадине. А-а, подумал Билли, так это и есть Она!

– Вы что, мужики, совсем охренели? За такие дела можно... Блин, можно вообще!.. – женщина убрала руку со лба, поморщилась и встала в багажнике на колени. Разглядев обалдевшего Билли в смятом фраке со сбившейся к уху бабочкой и с покосившимися очками на носу, она зыркнула глазами по сторонам и, по всей видимости, решив, что никакой опасности этот придурок не представляет, ухмыльнулась. Испарившийся было от удара и испуга хмель вернулся к ней, и она, высываясь из багажника и как будто стараясь дотянуться губами до Билли, затараторила привычной цыганской скороговоркой:

– Ну что, сладкий, тогда давай делом займемся! Давай-давай, хорошо будет, я такое умею, что не женишься потом, за мной бегать будешь, за вкусной! Ну, чего стоишь? Сам завез и стоит! Не ты, а он стоять должен, понял, сладкий? Что смотришь? Давай его сюда – если не стоит, так у меня встанет! У меня и мертвый встанет!..

Билли посмотрел на жалкое в своей потертости лицо проститутки, на тонкие руки с цепочкой синяков, на легкую, не по погоде, маечку, чуть прикрывающую жесткое несвежее тело, и чуть отступил. По его мышцам прошла судорога, но Билли не понял, от чего именно. После пережитого ужаса он еще плохо соображал. Хлопнула дверца и появился мексиканец. Он пригнулся и почему-то держался обеими руками за помятое крыло автомобиля.

Карлос увидел стоящую в багажнике женщину и застыл в нелепой позе врача, собирающегося приложить ухо к груди больного. Это была Она. Не совсем такая, какой он Ее запомнил, но Она. И Очкарик, конечно, тоже это понимал – и тоже был потрясен. Карлос не мог заставить себя сдвинуться с места, хотя ему очень хотелось дотронуться до нее исстрадавшейся ладонью и ощутить прохладную легкую жесткость ее выпуклостей. Он не слышал, что Она говорила, потому что просто не слушал... Потому что в тот, первый раз, она вообще молчала...

Женщина, ловко выбросив вперед руку, поймала Билли за широкий пояс и потянула к себе, а он теперь тоже не слушал, что она говорит, потому что увидел лицо мексиканца... И, самое главное, когда Она вцепилась грязными пальцами в его брюки, Билли почувствовал, что происходит нечто невероятное: его «железка» – сама по себе, без тетушкиного ключа! – вдруг поползла вниз, легко разламываясь, размыкаясь и давая ему холодящую и беспокойную свободу. Широкий и низкий пролом, оставленный в кустах тяжелой машиной, осветился так, что Билли бросилась в глаза Ее тень на поднятой крышке багажника. А сама Она, вернее, силуэт ее раздвинутых тонких ног казался, как ватой, обложенным темнотой – как будто Она зависла над бездонной ямой. И еще он увидел, что Она поворачивается к нему спиной, пододвигая ломкие неровные ягодицы, а бледный мексиканец стоит на коленях, положив чуть светящуюся голову на

край этой ямы, и взглядом молит Билли помочь ей, не дать провалиться куда-то глубоко, откуда Она уже никогда не вернется.

Карлос видел, как беспомощно развел руками Очкарик, как переступил с ноги на ногу и придвинулся к Ней, висящей над бездной, совсем вплотную. Карлос знал: стоит Очкарику грубо прикоснуться к Ней, и все будет кончено. Ах, если бы сам Карлос мог сейчас подняться с колен! Но он не мог, и в этом бессилии ему почудилась даже какая-то высшая справедливость – плата за то, что он доверился Очкарику, от которого теперь зависело, удержат ли они Ее или потеряют навсегда...

А Билли не понимал, что с происходит: его обожгла ледяная волна, сломанная «железка» потянула вниз ставшие вдруг слишком широкими брюки, и он ощутил прикосновение... Потом волна стала горячей до озноба, и Билли почувствовал Ее торопливые движения... Сейчас он не видел Ее лица, но тело... тело было ему знакомо. Очень знакомо. Неужели это Изабелла?! Да, почти наверное это она, потому что он узнавал эти ходящие вверх-вниз ягодичы... и голос, звучащий как из-под воды, тоже был знаком.

– Ну, сладкий, ну давай! Ну, давай же! Давай, черт тебя побери! – рычала женщина, бодая воздух растрепанной головой. – Какого ж хрена везли, если... Чего время-то тянешь?! Может хоть ты, мекс, что-то еще можешь?! Н-у-у!

Карлос вздохнул с облегчением, когда увидел и понял, что Она спасена: что Очкарик крепко держит Ее – держит именно так, как надо, как держал бы ее он, Карлос, если бы мог, если бы посмел к ней приблизиться. И что Она сама, понимая, что иначе сорвется, все крепче и крепче держится за Очкарика, насаживаясь на него и раскачивая скрипящую машину.

У Билли кружилась тяжелая недоумевающая голова. Изабелла на его глазах превращалась в тетушку Эллен. Конечно, это тетушка повернулась к нему, улыбаясь жалостливо и нежно. Билли не слышал, что она говорила, но понимал и без слов ее жалобу – жалобу на его былую чрезмерную послушность. Билли изумился, но отпустить тетушку не мог: она по-прежнему висела над черным смутно знакомым провалом в никуда. Он двинул занемевшими бедрами, и тут же почувствовал, что она выскользывает, мягко уходит от него и, кажется, становится больше в размерах. Или это он уменьшается... Тетушка, в последнем жадном движении, в попытке удержать его, снова обернулась, и Билли сообразил, почему она показалась ему такой огромной: это была уже не тетушка, а Матильда – большая, тяжелая и радостная.

– Ну! – уже во весь голос азартно кричала женщина. – Ну же! Зря только раззадорил, падла! Дава-ай!

Карлос заподозрил неладное: из только что казавшейся бездонной ямы стали проступать контуры серого запасного колеса, старого домкрата и нелепо лежащей на боку пластиковой куклы без головы. По-прежнему не ощущая силы в вялых ногах, он вытянул шею, чтобы получше разглядеть, и вдруг в ноздри ударил запах. Карлос узнал давно забытый и презираемый им запах пота, разогретого хлюпающего и сочащегося женского тела, жесткую прогорклую вонь резины, ржавого металла и грязных тряпок. В этот момент Очкарик отшатнулся, нелепо подпрыгнул и медленно опустился на землю, выставив острые колени. Карлос мельком взглянул на него, не понимая, как он мог довериться этому нелепому человечку, бессмысленным выражением лица и жалкой расслабленной позой напоминающему сейчас дурачка Хозе. Сам он, наоборот, подобрался, напряжился и ощутил себя тяжелым стальным шаром. Однажды он уже чувствовал себя таким шаром – там, дома, в Мексике, когда убивал... И все вокруг, как и в тот раз, казалось искаженным – как будто отраженным от изогнутой полированной поверхности.

Только когда Билли плюхнулся на траву, он удивился по-настоящему. Удивился всему сразу, но особенно тому, что непривычно ощущает задом жесткость и влажный холод земли. Потом он взглянул на расстегнутые и приспущенные брюки и увидел

сбитую и покореженную в петлях «железку». Билли перевел взгляд на потемневшее лицо широкоплечего невысокого мексиканца, застывшего перед распахнутым багажником, и как-то сразу сообразил, что именно этот тип чуть было не задавил его, и что удар тяжелого бампера пришелся, скорее всего, по «железке». Наверное, именно «железка» спасла его, Билли, от серьезной травмы. Он подумал, что эта, часто мучительная, но необходимая деталь его жизни, похоже, выполнила свою функцию до конца. А что, если сегодняшнее выступление было последним, и теперь ему нет никакого смысла прикрывать себя тяжелой «железкой»? Может быть потому она и раскололась, что начинается какая-то совсем другая жизнь – не зря ведь он чувствует себя таким свободным и легким. Да-да, конечно, новая жизнь! Тем более, что возвращаться в старую просто страшно. Он больше не хочет быть гением! Он больше не хочет выполнять предписания тетушки!.. Билли услышал гулкие удары, женский вскрик, поднял голову и увидел, как мексиканец с лязгом захлопнул широкую и тяжелую крышку багажника.

Карлосу показалось, что щелчок прозвучал мягко и влажно, с короткой сухой точкой в конце, как удар топора по куриной шее. Пусть эта жалкая вонючая баба уберется из его жизни! Но она протягивала к нему свои тонкие руки и пыталась выбраться наружу. Карлос ударил ее, и баба легко запрокинулась обратно, улеглась головой в темень багажника, и только две грязно-желтые пятки торчали поверх туловища той идиотской куклы, которую он украл с помойки. Пусть эта тварь, которая обманула его, которая была так похожа на Нее... Пусть она сдохнет, превратится в ничто, в такой же вонючий манекен!..

Карлос повернулся к сидящему на земле растерянному Очкарику. Почти совсем рассвело, и Карлос увидел, что Очкарик вовсе не растерян, а, наоборот, кажется спокойным и даже чуточку сонным. Карлосу захотелось ударить и его, с разбегу заехать ногой в грудь, а потом еще добавить по почкам...

Билли, увидев сосредоточенное злобное лицо, не испугался – просто потому, что был пуст и легок, и все его ощущения были смутными. Он отбросил остатки «железки» и встал – как раз в тот момент, когда мексиканец подбежал к нему и замахнулся.

Но желание избивать покинуло Карлоса так же быстро, как и появилось. Высокий худой Очкарик в грязном черном костюме ни в чем не виноват. Он просто не удержал Ее, не смог удержать. Для того, чтобы удержать такую, надо быть... Ну, надо быть мачо – вот хотя бы как он, Карлос. Хотя получается, что и сам он не очень-то... Иначе почему бы он доверил общение с Ней кому-то другому, а особенно этому пугалу?

Карлос в нервном недоумении сильно хлопнул себя ладонью по щеке. А-а, какая теперь разница! К нему пришло выработанное полным опасностей, полубездомным житем трезвое понимание. Он огляделся: совсем светло, пора отсюда сматываться. Машину можно бросить без опаски: она зарегистрирована на поддельное, несуществующее имя, так что его, Карлоса, никто не найдет. Пусть со всем этим разбираются менты! А Очкарик никогда его не опознает – вон он какой отъехавший. Хотя хорошо бы увести его отсюда. Карлос посмотрел на свою покореженную машину и вдруг почувствовал себя значительно лучше; ему показалось, что сладкое и тягостное наваждение, преследовавшее его в последнее время, наконец-то прошло. Все, нет Ее – а, может быть, и не было никогда! Неважно! Все бабы, какого бы цвета и сложения они ни были, одинаково пахнут и под мужчиной, и так, сами по себе. Как он, дурак, не понял этого раньше! А Та, что явилась ему на шоссе... Карлос метнул взгляд вверх – короткий и нескромный, как в детстве, в комнату пыхтящей под клиентом матери – и быстро перекрестился. Иисус Мария! Как он только мог! Но один вопрос оставался нерешенным. Один-единственный...

Мексиканец ухватил Билли за рукав и потащил в просвет между кустами к зеленовато-стальному весеннему озерцу. Его улыбка показалась Билли неожиданно застенчивой...

Карлос заговорил только тогда, когда они выбрались на еще безлюдную уютную аллею с горбатым мостиком над все еще темной водой и уселись на скамейку. Ему было немного неловко задавать такой дурацкий мальчишеский вопрос. Он чувствовал в Очкарике что-то новое – спокойную и полную внутреннего достоинства расслабленность, которую вначале принял за слабость. Конечно, у этого можно спросить такое, этот должен понять. Смешно, но ему, Карлосу, обязательно нужно узнать ответ. Иначе... Иначе это будет мешать ему и дальше, всю жизнь, а он... Карлос снова чиркнул глазами по совсем уже светлому небу, – он хочет найти себе нормальную, человеческую бабу и... И жить спокойно, без дурацких фантазий.

Билли не очень удивился самому вопросу; он вдруг понял, как сильно устал от всего случившегося с ним со вчерашнего дня, от собственных переживаний. По-настоящему он удивился только тогда, когда сообразил, что, оказывается, совершенно не знает ответа. Он добросовестно напряг память, но так и не вспомнил. Ему стало неловко: мексиканец ждал, они, вроде бы, играли в одну игру, но... Билли было нечего ему сказать. Никогда специально не обращал внимания. Потому что слишком внимательно следил за другим. Нет, не вспомнить! Лучше уж признаться честно. Мексиканец никак не мог поверить, что такое возможно, и его любопытство оказалось заразительным: Билли почувствовал, что сейчас, в своем новом, освобожденном от «железки» и прочих ограничений состоянии, ему тоже совершенно необходимо выяснить... Он подумал о тетушке Эллен, привидевшейся ему совсем недавно, и хмыкнул. Потому что только эти двое – улыбающаяся тетушка, да еще королева-Матильда – и остались в памяти, начиная с того момента, как он открыл багажник и до тех пор, когда очнулся на земле и обнаружил, что «железки» больше не существует. Ну уж нет, они прекрасно обойдутся без тетушки! И он простодушно предложил мексиканцу:

– А давай пойдем и посмотрим!

Странно, что Карлос не додумался до этого сам. Действительно, что может быть проще! Он взглянул на Очкарика с некоторым уважением. А тот, расценив его взгляд как поощрение, легко вскочил со скамейки и огляделся. Они находились в Центральном парке. Там самом загадочном переменчивом парке, который Билли так любил разглядывать из своего окна. Билли вдруг показалось, что именно сейчас – как раз на грани между черной ночной жутью и обыденной дневной скукой – в этих полутемных пустых аллеях и должно произойти что-то такое, о чем раньше, в темноте спальни, можно было только мечтать. Билли охватило такое жгучее нетерпение, что он вскочил и оглянулся на мексиканца. Карлос неторопливо поднялся со скамьи. Конечно, если действовать, то только сейчас, потом будет поздно. Иисус Мария! Они вовсе не замышляют ничего плохого, как могло бы показаться! Что-то он стал труслив и набожен, совсем как дурачок Хозе. Этого еще не хватало!

В гулкой тишине, стоящей над озером, Карлос услышал далекие голоса, напрягся и схватил Билли за руку. Невидимые из-за горбатого мостика, к ним приближались ранние прохожие. Билли тоже их услышал, но еще ничего не успел сообразить, а мексиканец уже тащил его в кусты, шепча на ухо что-то азартное и горячее. Ну да, подумал Билли, так это и должно происходить, именно так и должно... Карлос, не выпуская его рукава, пригнулся как настоящий охотник, заставляя и долговязого Очкарика слегка присесть. Он чувствовал горячее любопытство, короткими сильными ударами бьющее в виски и в низ живота, и усмехнулся, когда увидел, что по асфальтовой дорожке бегут две женщины в чем-то темном и предельно обтягивающем. Одна была молодой, коротконогой, с большой колышущейся грудью и выпуклым тяжелым задом. Зато вторая, постарше... Карлос ошеломленно замотал

головой. Та, что постарше, была высокой, худой и очень белокожей. Она нелепо держала руки перед грудью, как бы подражая подруге, но придерживать ей было нечего – расплющенная эластиком плоская грудь никак не отзывалась на не слишком ловкие движения тонких ног с большими коленками и длинными ступнями в дорожных кроссовках.

Ну вот, сейчас и посмотрим, решил про себя Карлос, и сразу же вслед за этим все звуки исчезли. Во внезапно наступившей тишине он снова почувствовал себя шаром – только не литым и стальным, а легким и упругим. Билли тоже услышал, ощутил каждой клеточкой своего тела звенящую тишину и испугался. Но испуг был не тем – тяжелым и невыносимым, заставившим его бежать из дома, а совсем другим – нетерпеливым, липким и мнимо послушным его воле. Билли понимал, *что* сейчас должно произойти, и что это должно произойти именно здесь, в этом наполовину придуманном им парке, и именно сегодня, когда он так чудесно освободился от «железки»... Карлос не обращал внимания на Очкарика, он видел только приближающуюся парочку, их открывающиеся рты: один – пухлый и темный от помады – и другой, с бледными тонкими губами, чуть выделяющийся на узком бледном лице. Карлос шагнул вперед. Он внимательно смотрел на этот рот, следил за ним, как будто ждал какого-то непонятного знака. Когда женщина оказалась совсем рядом – так, что Карлос мог бы до нее дотронуться, – ее рот дрогнул, потом замер, потом чуть искривился и исчез: женщина, взмахнув пышными, стянутыми на затылке светлыми волосами, отвернулась от Карлоса. Он так и не дождался никакого знака...

Когда бегуни стали удаляться, Билли перевел дыхание. Он не понял, что именно произошло с мексиканцем, но только пожал плечами и взглядом попытался сказать, что это ничего, что они же могут... Тут он сообразил, что, вероятно, уже наступило то самое утреннее время, когда... Ну конечно же, все очень просто! Сейчас они вернутся домой, а там, в бассейне, уже наверняка плещется Изабелла, которую он не успел уволить. И все решится! Билли как-то позабыл о том, что дома случилось что-то необъяснимо нехорошее. Он только подумал: вряд ли получится провести с собой в бассейн и мексиканца. Но это ничего. Он, Билли, все внимательно рассмотрит, а потом расскажет ему. И сразу же натолкнулся на тяжелый, не остывший еще, мутноватый взгляд. Ну, конечно, как же это он сразу не сообразил: мексиканцу необходимо убедиться самому. Обязательно самому! Бедный, нелепый в своем фраке, Очкарик никогда не сможет понять, почему для Карлоса это так важно. Или он, мачо, которому нечего терять, решится и сделает это, или... Карлос представил себе, как снова разгорится ладонь, как он будет принохиваться – на улице или в поезде метро – и гореть, бесконечно гореть изнутри жаром того раскаленного шоссе... Он посмотрел на удаляющуюся узкую спину, снова бросил – как уколол – непонятный взгляд в небо и шагнул за добычей.

Билли показалось, что три темные фигуры отпрыгнули от него, и хотел было кинуться за ними, еще не зная, что собирается сделать в следующую минуту. Но тут на горбатом мостике появилась еще одна фигура. В лучах восходящего солнца, навстречу Билли шла женщина. Она была в длинном вечернем платье и двигалась неторопливо, раскинув в стороны руки и высоко подняв подбородок. Билли не заметил, когда именно мексиканец оказался рядом, только вдруг почувствовал сильные пальцы, сжимающие его локоть.

Теперь Карлос не сомневался: к нему приближалась та самая женщина, которая была ему нужна! Она безмятежно улыбалась. Сейчас он все узнает, чего бы это ему не стоило, и навсегда освободится от мучительного наваждения! Карлос отодвинул внезапно ставшего лишним Очкарика и загородил женщине дорогу. Он ожидал, что она испугается, закричит и, может быть, побежит обратно. Он приготовился ловить ее, зажимать рот, опрокидывать на землю... Но женщина вообще не взглянула на Карлоса,

она не сводила глаз с Очкарика. А Очкарик как-то вдруг съежился, приоткрыл рот и отступил к кустам.

Карлос, уже не думая ни о чем, тяжело катясь вниз по желобу желания и страха, коротко и резко толкнул женщину в грудь. От такого удара, от неожиданности, она должна была вскрикнуть и упасть, или, наоборот, упасть и вскрикнуть. Но Карлос почувствовал, что ему не хватает сил, чтобы уронить эту большую женщину на асфальт, – он знал это, даже еще не коснувшись ее. Женщина была высокой – он не доставал ей до плеча – и очень крупной, с тяжелыми грудями и широкими бедрами. Да ведь как же это? – промелькнуло в голове у Карлоса. Но остановиться он уже не мог. Женщина перевела свой светло-ласковый взгляд на Карлоса, как будто только что заметила его, и улыбнулась ему мягкими большими губами. Тогда, скривившись, Карлос отступил немного назад и, подпрыгнув, повис на ней всем телом, сжимая немеющими руками ее большую шею. Женщина покачнулась под его весом, но устояла, потом пожала плечами и, обхватив Карлоса за плечи, бросилась с ним в кусты, опрокинув на ходу застывшего Очкарика.

Исцарапав лицо и руки о ветки, Билли упал и остался лежать на грязной земле, прислушиваясь то к себе, то к тому, что происходило в кустах. В себе он по-прежнему чувствовал легкую, немного безразличную пустоту, означающую начало и освобождение. Его прежний гений разлетелся вдребезги вместе с «железкой», но его было совсем не жаль, потому что взамен Билли должен получить что-то иное. Если верить тетушке, изменившиеся обстоятельства непременно заставят измениться и сам великий Дар. Любопытно, как именно? В кустах неподалеку слышался хруст веток, возня и сопение. Билли даже казалось, что он слышит треск разрываемой одежды, но ниточка общего приключения уже окончательно оборвалась, и ему стало совсем не интересно, что происходит с этим мексиканцем и смутно знакомой ему грузной теткой. Он уже собирался встать, когда рядом с ним закричали – и было непонятно, кто именно кричал. И тотчас же, споткнувшись о Билли, на аллею вывалился растрепанный мексиканец.

Карлос не понимал, что происходит. В кустах он повалил большую женщину на землю, совсем так, как и собирался – жестко и безжалостно. Зная, что не может позволить себе пожалеть ее, он был намеренно груб. Рывком оголил ей ноги и живот, а женщина, почему-то загадочно ему улыбаясь, покорно раздвинула большие белые ляжки и приподнялась так, чтобы ему было удобней сорвать с нее темную неширокую полоску трусов. Карлос, в гневной решимости, представлял себе этот момент немного иначе, но разбираться со своими фантазиями ему было некогда. Он ухватил рукой тонкую ткань, попутно поражаясь мягкости белого живота, слегка заколыхавшегося от его движения и... И невольно удержал руку. Ему не нужна была эта женщина, наоборот, он хотел раз и навсегда избавиться от наваждения, стать нормальным, как все. И для этого нужно было только рвануть кусок материи и увидеть, убедиться... Но рука почему-то отказывалась сделать последнее движение. Опрокинутая женщина качнула мощными бедрами и взглянула на Карлоса, как ему показалось, нетерпеливо и насмешливо. Он успел разглядеть приоткрытые пухлые губы, содрогнулся, зарычал и быстро разорвал трусы. И замер. И закричал, не в силах сдержаться. Потом упал на руки, почти уткнувшись носом в приподнявшийся лобок. Ему – мачо, ни во что не верящему тяжелому металлическому шару – захотелось заплакать и убить эту женщину. Но он знал, что не сможет, что у него ничего не получится. Поэтому он вскочил и в ужасе побежал прочь. Но споткнулся о лежащего дурачка-Очкарика и, не удержавшись на ногах, рухнул на асфальт. Перевернувшись на спину, Карлос хотел снова вскочить, но сил почему-то не было; он обмяк, запрокинул голову и уставился опустевшими глазами в небо, шепча не то проклятия, не то молитву.

Когда Билли прислушался к его бормотанию, то различил полупонятные обрывки фраз, в которых поминалась Дева Мария, белая женщина и – с особым жаром

– отсутствие волос. Как у манекена! Как... как тогда! А-а, догадался понятливый и безразличный Билли, у этой не оказалось волос на лобке. Билли как-то упустил, почему, собственно, этот факт так важен для обезумевшего мексиканца, но было видно, что очень важен. А тот все кричал шепотом в небо, что запутался, что больше ничего не понимает... Она гладкая, совершенно гладкая! Тут снова раздался шорох раздвигаемых веток, кто-то склонился над ними и хихикнул. Карлос вздрогнул всем телом и, увидев нависающую над ним белую грудь, сразу оказался на коленях.

– Не надо, – попросил он, – не надо, пожалуйста! Ты большая и гладкая, но не надо! Я не хочу!

– Солнышко, – сказала женщина, обращаясь к Билли, и тот вдруг, привстав от неожиданности, узнал Матильду. – Солнышко, ну откуда у тебя такие странные приятели? Сначала, вроде, изнасиловать хотел, подлец, а теперь вот дурачится.

Она похлопала Билли по руке и, не меняясь в лице, отвесила мексиканцу гулкую, мощную пощечину. Мексиканец блаженно заулыбался и стал заваливаться на бок. Эта детская улыбка так быстро и неузнаваемо изменила его, как будто большая рука Матильды не ударила, а только налепила на запрокинутое лицо чужую веселую маску.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Узнав Матильду – свою радостно-хищную кузину, – Билли не испугался. Наоборот, его даже обрадовало ее появление: ведь если Матильда спокойно разгуливает по парку, значит, дома не произошло ничего по-настоящему страшного. Значит, скорее всего, и с тетушкой тоже все в порядке. Он убежал от Матильды и мексиканца, ломая кусты и раздирая фалды фрака, только потому, что, подчиняясь своему новому состоянию, захотел побыть один. Выскочив на дорогу, пересекающую парк с востока на запад, Билли осмотрелся. Полоски пешеходного перехода на пустынной проезжей части и помигивающий красным светофорчик, прикрепленный к ближайшему столбу – все это казалось смешным и нелепым в столь ранний час. Билли пришло в голову, что если он свернет направо, то окажется на Пятой авеню, прямо у дома. Но идти в ту сторону не хотелось, как будто, окажись он сейчас в знакомом вестибюле, немедленно обнаружит на себе проклятую «железку» и, главное, сразу потеряет это новое удивительное состояние... Самое занятное заключалось в том, что он и сам еще не очень понимал, что именно с ним происходит. Перед его мысленным взором возникла завернутая в блестящую бумагу коробочка, перевязанная ленточкой с сентиментальным бантиком в уголке. В этой коробочке, так неожиданно полученной в День его рождения, наверняка и был заключен неведомый Дар. Только Билли по-детски не торопился ее открывать, пытаясь вначале угадать все те увлекательные и почти невероятные возможности, которые он обнаружит, сорвав бантик и хрустящую упаковку.

Размышляя об этом, Билли повернул налево и неторопливо направился в сторону Вест-Сайда. По краешку сознания бродили ленивые мысли об оставшемся с Матильдой мексиканце, о странном содержимом искореженной машины, о том, что сам он по-прежнему одет в нелепый помятый фрак... Но еще не развернутый Подарок манил, обещал нечто столь же яркое, загадочное и свежее, как это тихое утро. Отбросив ненужные мысли, Билли шагал все быстрее и быстрее, с удовольствием передвигая непривычно легкими ногами. Он никогда не был затворником, хотя более всего любил сидеть у себя в спальне, у окна, наблюдая за жизнью города с высоты семнадцатого этажа. Но, тем не менее, город он знал хорошо и довольно часто гулял по улицам – иногда один, иногда с тетушкой Эллен. Они ходили в театры и рестораны, а временами Билли – сам не очень понимая, зачем – мечтал купить себе машину и кататься по

взбудораженным манхэттенским улицам. Но сейчас ему казалось, что он попал в совсем чужой, неизвестный ему город; он был почти уверен, что, пройдя парк насквозь, увидит не знакомый шумный Вест-Сайд, а – вопреки устоявшейся в голове географии – берег неизвестного океана, начинающегося прямо там, за деревьями, – плоского и безжизненного, без единого островка на горизонте. Да и сама пустынная дорога, по обочине которой он шел, казалась случайно занесенной в центр Манхэттена из глубокой лесной глуши.

Билли не мог не осознавать, что это ощущение – всего лишь причуда его всколыхнувшейся фантазии, но, тем не менее, улыбнулся и замедлил шаг: ему не хотелось расставаться со своим заблуждением. Неожиданно он услышал какие-то неприятные звуки и еще успел подумать, что, пожалуй, любые звуки, раздающиеся в безлюдном месте у тебя за спиной, неприятны. Он оглянулся и увидел странное существо с короткими взъерошенными волосами и страшным, заплывшим с одной стороны, сине-черным лицом. Покачиваясь и размахивая руками, оно бежало босиком по холодному асфальту прямо к нему и что-то неразборчиво и визгливо кричало. Оно, это существо, было столь же дико и неуместно здесь и сейчас, как появление порнографической сценки в детском мультике. Билли попятился, пытаясь сообразить, следует ли ему испугаться. Потому что существо было не только страшным, но и жалким. Билли понял, что это женщина: легкая грязная майка не скрывала колыханий небольшой груди. А лицо – теперь он видел это ясно – было разбито в кровь, и пухлый синяк уже почти скрыл левый глаз. Билли почувствовал, что его кожа скатывается в тугие гусиные катышки и – почти одновременно – снова отчетливо ощутил легкость и непривычную шероховатость брючной ткани, прилегающей к телу.

– Ну что, сладкий, теперь не отвертись, понял! – голос несчастной женщины звучал визгливо и странно знакомо. – Я тебя, козла, где хочешь найду и узнаю. Ты думаешь я к ментам пойду? Думаешь, у меня нет друзей? Да я только своему Додо слово скажу, и тебя, пидора, за такие вещи самого в багажник упакуют, понял! И мекса твоего тоже! Бабки давай, сука! Ну!

Она приподняла тонкие грязные руки с растопыренными пальцами и вдруг подпрыгнула на месте, зарывчав и нелепо оскалившись, что, по-видимому, должно было изображать самую страшную угрозу. Но Билли не боялся ее, да она и сама понимала всю безнадежность своей попытки, и по ее опухшему лицу потекли слезы. Билли показалось, что слезы эти пахнут коньяком, налитым в чай, а сама женщина неувлимо напоминает тетушку Эллен в тот давний памятный вечер... Не понимая, что он делает, Билли схватил себя рукой за низ живота тем самым зачерпывающим движением, которое запомнил у Изабеллы. И сразу же эта жалкая фигурка оказалась похожей именно на Изабеллу. И тогда Билли стало страшно. Потому что он, наконец, узнал эту женщину... Билли сжал пальцы еще сильнее, отстраненно чувствуя, что делает себе больно, и бросился бежать, неуклюже вскидывая ноги. Женщина, похоже, даже растерялась, потому что споткнулась и на минуту умолкла. Но потом снова закричала – Билли уже не разбирал слов – громко и торжествующе.

Еще немного и Билли бы упал: не хватало ни сил, ни воздуха, а визгливый голос приближался и приближался, неумолимо наезжая на него как асфальтовый каток на потерянную монетку. Но тут он заметил краем глаза выскользнувшую откуда-то сбоку желтую тушу автомобиля. Старое такси с безликой рекламой на крыше проехало было мимо задыхающегося Билли, но тут же зажглись красные огни, скрипнули тормоза, и машина остановилась. Из открытого окна с любопытством смотрел огромный, едва уместающийся в кабине, таксист с усталым небритым лицом.

– Кстати, приятель, садись, – сказал он и ухмыльнулся, глядя на затравленного Билли. – Садись давай, а то эта шлюха не отцепится, я их знаю.

Билли оглянулся на подбегавшую женщину, рванул на себя дверь такси и рухнул внутрь, смутно сожалея о разлетевшейся в клочья картинке пустынного океанского

берега. Водитель еще раз хмыкнул, и машина рванулось вперед. Старые покрышки дико и тонко взвизгнули, перекрывая голос взбесившейся бляди, как обозвал ее таксист, высунув в окно здоровенный кулак с отставленным средним пальцем. Билли только перевел дух и вздохнул. И такси унесло его за поворот. Даже не оглядываясь, он чувствовал, что она застыла на месте с раскинутыми в стороны руками – страшная и угасающая, как один из нелепых кошмаров, принадлежащих другому Центральному парку – ночному, мрачному, таинственному. Билли помотал головой, стараясь избавиться от этой картинки, чтобы снова вернуться к радостному предвкушению Подарка.

Тем временем машина выскользнула из парка и теперь ехала по широкой улице, кажется, Семьдесят второй. Это Билли сообразил, когда они приостановились на светофоре, и водитель повернул большую голову, взглянув на него вопросительно-оценивающе. Только сейчас Билли вспомнил, что у него совершенно нет денег. Можно было, конечно, попросить таксиста подъехать к дому и взять несколько долларов хотя бы у швейцара, но Билли эта мысль не понравилась. Вернее, он сразу отбросил ее и подумал, что если прямо сейчас вылезет из машины, то оказавший ему такую любезность водитель и не возьмет с него ничего: он ведь все равно ехал через парк и, к тому же, сам предложил свою помощь. И действительно: не похоже было, чтобы его спасителя волновала плата за проезд. Водитель положил одну руку на скрипнувшую спинку сидения, ладонью другой руки потер лицо и, не обращая внимания на зажегшийся зеленый, рассматривал Билли внимательно и дружелюбно. Билли попробовал ему улыбнуться, но только пожал плечами и отчего-то почувствовал себя крайне неудобно.

– Кстати, ты куда собрался? – спросил, наконец, таксист. – Домой, наверное? Честно говоря, ты, приятель, неважно выглядишь. Под утро шляться по Центральному парку, да еще во фраке... Ограбили тебя там, что ли?

Билли совсем не хотелось пускаться в объяснения. Проще всего было признаться в ограблении. Но таксист был так дружелюбен, к тому же Билли чувствовал, что вовремя пришедший ему на помощь человек заслужил хоть какие-то подробности, да и выдавать себя за несчастную жертву перед этим огромным мужиком почему-то показалось ему унижительным. Поэтому Билли решил было ограничиться историей о том, как его сбила машина, а потом привязалась эта... проститутка. Но зачем-то пустился в длинные сбивчивые объяснения: подробно рассказал о себе, о своей семье, о своем ожившем гении – великом даре, доставшемся от далекого, но совершенно прямого предка... Увлечшись, он не заметил, как таксист тронулся с места, потом притормозил на каком-то углу и уселся боком к Билли, поглядывая то на него, то на начинающий оживать перекресток, то на свои ручные часы. Но Билли видел, что таксист слушает его внимательно. Потому что тот покачивал головой, хмыкал и приподнимал брови именно в тех местах, где это и следовало делать. Наконец, поймав очередной взгляд таксиста на часы, Билли понял, что скорее всего, задерживает этого славного вежливого человека. К тому же, в своем рассказе он как раз дошел до места, когда согласился открыть багажник сбившей его машины. Объяснять, что произошло дальше, было весьма затруднительно. Билли сбился, поправил сползающие очки и замолчал.

Как это ни странно, но рассказ об утреннем приключении снова вернул ему ощущение избранности и предвкушение великолепных неожиданностей, ждущих его прямо сейчас, стоит ему только открыть свой Подарок. Билли взглянул на таксиста легко и с непонятным ему самому превосходством. Сейчас он вылезет из машины в полный новых встреч и новых впечатлений мир, а этот бедняга будет уныло колесить по городу, развозя не менее унылых пассажиров. Но бедняга-таксист не торопился расставаться с Билли. В очередной раз взглянув наружу, как будто проверяя, не идет ли дождь, он снова обернулся назад и заговорил.

– М-да, – неопределенно сказал он, – занятные дела. Кстати, Маэстро, после такого рассказа и мне, вроде как, душу раскрыть полагается. Я тебе своей жизни пересказывать пока не буду, чего уж там... Но, чтобы познакомиться поближе, кое-что тебе объясню – так, на всякий случай. Кстати, я люблю, когда все понятно и без глупостей. Меня в жизни по-разному называли – и Шкафом, и Таксёром, но сам себя я называю Хароном. И тебе, кстати, тоже разрешаю. Только не смейся – я, когда... ну, в общем, было свободное время, вот и вычитал про этого Харона. Понравилось мне, что он – перевозчик, как и я, понимаешь? Сходные, хе-хе, у нас профессии...

Харон – а Билли почему-то сразу почувствовал, что это имя таксисту очень подходит – снова посмотрел на улицу, потом на часы, и, не меняя выражения лица, продолжил говорить. И хотя тон его оставался вполне дружелюбным, Билли показалось, что теперь Харон коротко выплевывает слова прямо ему в лоб, как шарики пинг-понга: не больно, но обидно.

– Кстати, профессия моя такая, что... В общем, Маэстро, мы с тобой, может быть, немного покатаемся по городу. Раз ты такой необычный. Очень уж кстати ты попался... Понимаешь? Нет? Ну тогда смотри. Вон, видишь, банк напротив? Только что открылся. Теперь смотри: двое ребят туда входят, видишь? Хорошие ребята, поверь мне. А хорошим людям всегда нужно помогать, верно? Вот мы им сейчас и поможем. Если минут через десять они назад побегут, то все правильно получится, и ты пойдешь домой. Ну а если что не так выйдет, тогда уж, извини, со мной поедешь. Все еще не понял? Да все просто и красиво! Кстати, это я сам придумал. Если ребята мои засыплются, то им там, внутри, заложников брать не с руки. Тут у ментов все отработано, ходу нет, перестреляют как кроликов. А так – пока менты ковыряются будут, мы с тобой отъедем подальше, позвоним комиссару и... хрен нас кто вычислит! Пока нас будут искать, то да се, ребят с бабками из банка выпустят. Тут у них выбора нет – заложников они на съедение не отдают. Не тот случай. Короче, ты сиди себе тихо – и все будет хорошо. Обещаю! Кстати, двери в этой машине только снаружи открываются. Так что сиди.

Если бы Билли не был так измучен, если бы не охватившее его чувство радостного ожидания, и вообще, если бы он мог быть уверен в реальности происходящего... Но Билли только вяло улыбнулся и так же вяло подумал: этот Харон, наверное, решил, что он, Билли, попав в заложники к бандиту, очень испуган. Сам же он со странным удовлетворением понимал, что совсем не боится. Наоборот, ему даже понравилось его положение. Вернее, те ощущения, которые он при этом испытывал. Так что даже обидные шарики-слова легко отлетали от него, почти не задевая. Оказывается, «железка» ограждала его не только от... ну, от женщин, что ли, но и от неожиданных событий и удивительных приключений!

– Ну что, не боишься, Маэстро? – спросил Харон. – Правильно делаешь! Мы с тобой еще гульнем, гений! Кстати, понравилась мне твоя история, честное слово, понравилась! Я ведь и по себе знаю: когда долго без баб, то... интересные мысли в голову лезут. Ладно, Маэстро, сейчас нам нужно внимание на себя обратить, а то не поверят менты, что ты и правду заложник. Сиди тихо и смотри!

Харон, удивительно легко для своей комплекции, выскочил на тротуар и схватил за рукав собирающуюся войти в банк высокую старуху. О чем они говорили, Билли не слышал, только видел, как Харон машет руками и указывает на него пальцем, и как нервно пожимает плечами старуха. Харон отпустил ее и тут же остановил парня, ведущего на поводке большую черную собаку. Тот улыбнулся, кивнул и стал что-то объяснять. Харон легко хлопнул его по плечу, от чего парень чуть не упал, споткнулся о свою собаку и быстро потащил ее в сторону. Харон что-то сказал ему вслед, потом, ни к кому не обращаясь, громко выкрикнул какое-то ругательство – и сразу же оказался снова в машине. От него пахло жарким, несмотря на прохладный день, потом и каким-то нервным азартом. И сразу же где-то далеко забила как в истерике

полицейская сирена. Билли понял, что именно сейчас все и начнется. Он заерзал на сидении, снова ощущая непривычную для тела шершавую ткань брюк. С ним происходило что-то необычное. Одна из брючин оказалась явно узка и... Билли содрогнулся от того давнего стыдного удовольствия. Только вместо тетушки перед ним сидел огромный Харон, который, похоже, принял движение Билли за желание вырваться из машины. И сразу же Билли почувствовал на своем плече чугунную руку.

– Сиди, гений! – Харон улыбнулся едкой, похожей на оскал, улыбкой, звякнул ключами, заводя машину, и снова повернул голову к Билли. – Кстати, подождем еще немного или уже поедем? А-а, подождем!

Из дверей банка, как пенка с убежавшего кофе, выплеснулась небольшая кипящая кучка людей. Кто-то закричал, споткнулась и, подвернув ногу, упала молодая женщина. Билли показалось, что он услышал короткий хлопок. Потом еще один. Билли подумал, что это выстрелы и подался вперед – он хотел... Да нет, он и сам не понимал, чего хотел, но это движение как ножом полоснуло по нервам, по телу, напрягшемуся в тесноте брюк. Звук сирены стремительно нарастал. Харон потянулся на сидении, больно придавив скорчившегося Билли, сплюнул в открытое окно, напряжился, как будто собрался поднимать штангу, и... Билли казалось, что они должны умчаться на большой скорости, выскакивая на тротуары и не замечая светофоров. Но Харон неторопливо, включив сигнал поворота, вырулил на перекресток, посторонился, пропуская летящую на них полицейскую машину с мигалками и, все так же неторопливо, покатыл по улице.

На Бродвее он повернул налево и приостановился на светофоре. За ними никто не гнался, прохожие обыденно и незаинтересованно занимались своими утренними делами. Билли почувствовал себя даже немного разочарованным и расслабленно откинулся на сидении. Интересно, подумал он, что будет, когда тетушка Эллен узнает о моем похищении? Билли вспомнил разные сюрпризы, которые любила устраивать ему тетушка, и на секунду ему показалось, что Харон – ее посланник. Но нет, конечно, нет. Она обычно ограничивалась появлением в его бассейне молоденьких девушек или, в крайнем случае, использовала Матильду... Впрочем, там, в парке, Матильда появилась тоже. Но могла ли тетушка предположить, что он убежит из дома и что «железки» больше не существует? Нет, похоже, что сегодняшнее приключение – всего лишь случайность, которая – Билли каким-то непостижимым образом знал, чувствовал это! – будет иметь удивительные последствия. Оставалось только ждать. Тем более, что Билли до сих пор ощущал на своем плече тяжесть Хароновой руки. Деваться ему было некуда. Да он и не хотел никуда бежать. Подарок все еще лежал неразвернутым у него на коленях, и ни запахом, ни формой не собирался подсказывать, что же спрятано внутри. Но Билли было приятно это ожидание.

Он так задумался, что пропустил момент, когда Харон достал мобильный телефон и стал с кем-то переговариваться. И очнулся только тогда, когда увидел перед лицом маленькую трубку с тонкой антенной.

– Кстати, скажи им, кто ты такой и как попал ко мне! – Харон не смотрел на Билли, он не торопясь вел машину вниз по Бродвее – не так, как обычно водят таксисты, а мягко и аккуратно. Билли послушно сказал в телефон свое имя и адрес. И добавил номер телефона, прося сообщить мисс МоцЦарт о том, что произошло. Голос на другом конце провода выругался, попросил Билли не волноваться и не делать никаких глупостей. Потом возникла небольшая пауза, и голос поинтересовался, где именно они сейчас находятся. Но Билли не успел ответить, потому что Харон выхватил у него телефон.

– Хорошего понемногу, Маэстро! Эти козлы и так уже все поняли. Кстати, мы едем дальше.

Но далеко уехать не получилось: где-то в районе Двадцать третьей улицы идущий впереди и справа автомобиль пьяно вильнул, боднул соседний и,

развернувшись поперек улицы, остановился. Чертыхнувшись, Харон тоже вынужден был затормозить. Мгновенно собралась густая и разношерстная, гудящая на все мыслимые лады, машинная толпа. Харон, продолжая ругаться, выбрался наружу и, как показалось Билли, попытался было сдвинуть руками застывший посреди дороги громоздкий джип. Непонятно, удалось бы ему это или нет, но водителя, который уже стоял перед помятым передним крылом, Харон отодвинул легко. Водитель – довольно грузный смуглый парень с тяжелой золотой цепью на толстой шее – возмущенно заорал, кинулся обратно в кабину, вытащил большую, блестящую свежим лаком бейсбольную биту и двинулся на Харона. То ли бита была тому виной, то ли вдруг примолкнувшая в напряженном ожидании толпа, но Билли вдруг почувствовал в себе мимолетный азарт зрителя на стадионе. Он, конечно же, болел за Харона – и смутно догадывался, что тот выиграет эту схватку. Было только любопытно, как именно это произойдет.

Но насладиться зрелищем до конца ему не удалось. Откуда-то сбоку надвинулась тень, такси вздрогнуло от рывка открываемой двери, и почти на колени к Билли скользнула невысокая дама. Билли инстинктивно подвинулся на сидении, а дама, приняв вертикальное положение, невнятно извинилась и, не обнаружив водителя, тут же подскочила, протянула вперед руку и нажала на клаксон – два коротких гудка и один длинный, протяжный. Билли едва успел разглядеть эту небольшую, пухлую, но довольно изящную женщину неопределенного возраста, в странной неказистой шляпке и с большой сумкой через плечо. Мягкие черты ее лица в тот момент, когда она сигналила, приняли суровое непреклонное выражение – и сразу же снова расплылись, стоило ей шлепнуться на сидение и обратиться к Билли.

– Вы же не будете возражать, правда? Я понимаю, что влезла в ваше такси, но обстоятельства... Очень срочные обстоятельства, поверьте! Я просто немного проеду с вами. Да где же этот водитель?!

Похоже, она собралась сигналить снова, но мешала тяжелая сумка и, засмеявшись над собственной неловкостью, дама теплой мягкой рукой схватила Билли за колено.

– Ну посигнальте же ему! Что он там копается?

Говорила она быстро, весело и как-то по-особенному осторожно, как разговаривают с больными, детьми и выжившими из ума родственниками. Ее рука, так и оставшаяся лежать на колене у Билли, была горячей и беспокойной, а груди, вольно колыхавшиеся под ярким зеленым платьем, казались хоть и великоватыми, но вполне очерченными. Нужно все же привыкать смотреть женщинам в глаза, – с раздражением подумал Билли. Дама, словно услышав его мысли, хихикнула, плавно положила другую руку себе на грудь и сказала, что она не настолько невоспитана, как это могло бы показаться, а только ей нужно срочно добраться до дома. От дамы пахло чем-то сладковатым и раздражающе едким. Билли вдруг вспомнил, что он – заложник и подумал, что эту даму необходимо предупредить. И тут же понял, что они теперь оба в ловушке, взмахнул руками, но сказать ничего не успел: машина накренилась, Билли снова ударило по ногам, и на водительское сидение протиснулся тяжело дышащий Харон. Увидев новую пассажирку, он весело взглянул на Билли.

– Кстати, тебя, Маэстро, на секунду оставить нельзя! Уже бабу завел, гений! А говорил, что по этой части воздерживаешься. – И, переведя взгляд на невозмутимо застывшую даму, жестко спросил: – Ты откуда такая взялась, коза?

– Сам ты козел! – не запнувшись, бодро ответила дама и поправила сползшую шляпку. – Давай, поехали! Тут люди торопятся, а ты... Смотри у меня!

Харона такой ответ развеселил еще больше. Он громко хохотнул и протянул к даме свою огромную лапу. Но тут сзади загудели – пробка стала рассасываться. Харон, все еще смеясь, положил руку обратно на руль, и они тронулись с места. Джипа на дороге уже не было. Провожая глазами место аварии, Билли натолкнулся взглядом на

любопытные и совсем не испуганные светлые женские глаза – и почувствовал себя предателем. Одно дело ругаться с нахалом-водителем, и совсем другое – с матерым бандитом.

– Мы, – сказал Билли и запнулся. Дама округлила глаза – совсем как тетушка Эллен, только благожелательно, как бы приглашая его не стесняться. – Мы... – повторил он, чувствуя себя так, как будто вынужден сообщить ей о смерти любимой матери, – мы теперь заложники, понимаете? То есть это я заложник у него, у Харона, а теперь вот и вы... я думаю. Там грабят банк, ну и...

Он думал, что она изменится в лице, может быть, закричит. Но дама все так же улыбчиво смотрела на него, словно ожидала продолжения. Так и не дождавшись, она сунула руку в вырез платья, пошевелила там пальцами с выражением кормилицы, собирающейся дать грудь голодному ребенку, и вдруг вытащила большой металлический свисток на цепочке.

– А это ты видел? – бросила она Харону. – Смеешься, бандит? Ну хорошо!

Дама перехватила нежными пальцами неуклюжий свисток, зажала его в пухлых розовых губах, свободной рукой с треском расстегнула молнию на своей сумке и засвистела. Лицо ее снова затвердело – как тогда, когда она давила на клаксон, – только теперь она еще мстительно улыбалась. Звук оказался негромким и музыкальным, похожим на звон колокольчика, вот только непонятный запах почему-то усилился. Харон обернулся на звук и опять захохотал, покачивая головой. Билли заметил, что в сумке, стоящей у дамы на коленях, что-то зашуршало, и наружу высунулась большая серая кошачья голова с горящими зелеными глазами и торчащими вперед усами. Дама на секунду приостановилась, заговорщицки подмигнула Билли и дунула сильнее. На спинку переднего сидения вскочил невероятного размера худой и мускулистый полосатый кот. Запах стал еще отчетливей, и теперь Билли сообразил, что пахло, собственно говоря, от кота.

– Это Кузейро, – сказала дама, выпустив свисток, – слышишь, эй, ты! И он нас спасет. Ну-ка, останови машину! А то...

Она приготовилась снова засвистеть, но все еще смеющийся Харон быстро и ловко ухватил кота за холку и легко поднял к потолку кабины. Не ожидавший плохого кот по-заячьи задергал длинными задними лапами и издал низкий утробный оскорбленный стон. Свисток вывалился у дамы изо рта, она рванулась вперед и схватила Харона за волосы.

– Ах ты, гад такой! – закричала она, но даже крик у нее получился каким-то нежным и несерьезным. – Оставь Кузейро – убью!

От боли Харон чуть не выпустил руль, но быстро бросил кота на сиденье и освободившейся рукой накрыл вцепившиеся в него пальцы. Билли не знал, что ему делать: такси продолжало двигаться по Бродвею, не превышая положенных тридцати миль в час, за окном уже кипел хлопотливый Чайнатаун, а всерьез разъяренный Харон своей могучей рукой, похоже, не мог оторвать от себя эту маленькую решительную женщину. Билли слышал, как он громко сопел. Дама тоже тяжело дышала: ей, со своего места, бороться с водителем было не очень удобно. Она подвинулась, стараясь найти наиболее выгодную позицию, при этом больно наступила Билли сначала на одну ногу, потом на другую, и для упора еще больше наклонилась вперед. Теперь прямо перед глазами Билли маячил ее обтянутый платьем зад, а раздвинутые ноги сжимали его колени, что, наверное, помогало женщине удерживать равновесие в этой нелепой схватке. И она, и Харон застыли почти неподвижно, напоминая статую или борцов сумо. А кошачий дух_сделался слабее, перебитый резким запахом пота и дешевой парфюмерии. У Билли от всех этих ароматов легко закружилась голова. Но не только от ароматов. Округлые женские ягодицы чуть колыхались перед ним, а дама – казалось, забывшая обо всем – легко постанывала от усердия или ярости. Вдруг она в судорожном рывке

стала опрокидываться на Билли. Чтобы защититься, он успел только приподнять руку и сразу же всеми пальцами ощутил мягкую упругость...

Билли понял, что управлять своими движениями он более не в силах. И тут же обе его руки засуетились – каждая сама по себе, – так что вскоре почувствовал освобождение от мешающей ему тесной материи. А руки все не останавливались, сжимали чуть подрагивающий женский зад – и не успокоились, пока дама не оказалась на коленях у Билли. Руки все еще копошились в тесноте, что-то вытворяли, убирали какие-то препятствия, пока между напряженным телом Билли и мягкими теплыми ягодицами незнакомой дамы не осталось совершенно никакой преграды, никакого зазора. И только тогда руки расслабились и бессильно замерли. А дама ойкнула и попыталась было приподняться, но тут же ойкнула еще раз и опустилась обратно. Когда она опять слегка отстранилась, Билли уже знал, что это только на секунду – и, действительно, она все теснее прижималась к нему, подрагивая и крепко сжимая его снаружи и изнутри.

Билли вздрогнул и громко застонал. Его захлестнуло ощущение, что долгожданный Подарок стал стремительно освобождаться от бантиков и блестящей бумаги, и все четче и четче становились его контуры. Дух захватывало от того, что угадывалось в этом Даре, который вот-вот должен был ему открыться! Билли смутно догадывался, что этот Дар – подлинный, по-настоящему бесценный и, значит, принадлежащий не только ему самому, но и всему человечеству... Но тут дама подпрыгнула в тесном пространстве кабины, ударилась головой о светильник на потолке, и Билли увидел, как Харон, не глядя, с усилием выворачивает ей руку. Дама вскрикнула, вырвалась и забилась в угол. Тяжело дыша, она нашла свою шляпу, надела ее и прошипела Харону:

– Ну ничего, подлец, это еще не все, вот увидишь! Еще неизвестно, что на это скажет...

Она не договорила и мстительно улыбнулась. Потом повернулась к Билли и, облизнув пересохшие губы, беспечно сказала:

– Я думаю, с этим гадом все ясно. А вот нам не мешало бы познакомиться. Меня зовут Пегги. Нормальное американское имя, не правда ли? А вот фамилия у меня итальянская – Сольерри. Вас это не смущает?

Она привстала и, как будто ничего не произошло, протянула руку к зеркалу и стала заправлять под шляпку выбившиеся легкие волосы. Билли заметил, как вздрогнул и напрягся каменный Харон, а сам он с отчаянием и острым разочарованием почувствовал, что его Подарок снова укутывается непроницаемой бумагой, охватывается ленточками и бантиками – и отдаляется, уходит от него в темноту... И Билли заплакал.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Плакал Билли долго и бурно. Так плачут брошенные дети или разочарованные женщины. Слезы – почему-то плотные и густые как вазелин – залепили ему глаза и не хотели скатываться вниз по щекам, застревали в ресницах, оставляя испарину на стеклах очков. Билли потер пальцами сначала веки, потом очки, но получилось еще хуже: теперь он видел все вокруг как будто через наполненный водой аквариум – нелепо выпуклым и расплывчатым. Потолок кабины казался бесконечно далеким, затылок Харона – невероятно большим и выгнутым, а дама расплылась, превратившись в неузнаваемое бесформенное пятно... В отчаянии он закрыл глаза и неожиданно окунулся в глубокую, темную и совершенно пустую Вселенную. Почему он назвал ее

именно так, Билли не знал, но чувствовал, что эта Вселенная всегда потаенно жила в его душе и сейчас раскрывалась перед ним как дверь в глухое и страшное никуда. Билли даже начал задыхаться, но так и не понял от чего – то ли от открывшейся ему пустоты, то ли просто у него заложило нос, а открытый рот не справлялся с судорожными неудержимыми всхлипами. Билли не заметил, в какой момент на его затылке появилась поглаживающая ладонь. Он не мог бы сказать, чья это была ладонь. И только ощутив ее легкость и мягкость, понял, что дама, очевидно, снова придвинулась к нему и старается утешить. От этого Билли стал задыхаться еще больше, жесткие пальцы судороги, обхватившие его грудь, сдавили сильнее, совсем не пропуская в горло воздуха. Он уже успел испугаться, что и действительно задохнется; в ушах загудело, а вглубь его распахнутой Вселенной поплыла туго скрученная унылая радуга. Но тут же все изменилось – или ему показалось, что изменилось: дышать стало легче и, хотя он все еще плакал, гул прекратился, а открытые глаза стали видеть четче.

Над Билли, как будто он лежал, а не сидел, склонились два лица. Одно – с густой красноватой щетиной на грубых щеках и скорбно перекошенными губами, и другое – поменьше и понежней, с умильной улыбкой и круглыми веселыми глазами. Билли стало ужасно неловко за свой плач; он, похоже, забыл, что находится в машине взявшего его в заложники бандита, рядом со странной незнакомкой, которая... Он несколько раз глубоко вздохнул, снял очки и снова потерял глаза. Очки из его рук тут же попали к Харону, который бережно их осмотрел, подышал на стекла и стал протирать подолом платья незнакомой дамы. Дама совсем не возмутилась, наоборот, наклонилась вперед, чтобы Харону было удобней, и Билли, сощурившись, увидел обнажившуюся полную белую ногу. Харон не обратил на нее никакого внимания, он только еще раз проверил на свет чистоту очков и вернул их Билли. Выражение его лица было по-прежнему скорбным, но не мрачным, а, скорее, светлым – как у человека, после сытного ужина размышляющего о загробной жизни.

– Кстати, – сказал Харон и чуть наклонил голову, – а теперь можно и домой. Тебя там, наверное, ждут, а? Ну, поехали, поехали.

– Нет-нет, – перестав улыбаться и затвердев лицом, сказала дама, тоже не отрывая взгляда от Билли, – сейчас мы отправимся ко мне, верно? Ведь, кроме Кузейро, у меня еще четыре очаровательных кошечки, и вам непременно нужно с ними познакомиться. Вы ведь не забыли: я – Пегги? Пегги Сольерри. Кроме того, вам нужно расслабиться и хорошенько выспаться. А где еще вы сможете это сделать, если не у меня? Я умею создавать мужчине комфорт. Вы ведь заметили? Правда, в основном я вожусь с кошками... Но если бы вы только знали, какие они у меня капризные! Вот взять, хотя бы, Кузейро...

– Кстати, – сказал Харон, поворачивая к ней голову, – заткнись, а? Человеку нужно домой. Он – Билли МоцЦарт, поняла? Он с бабами вообще дела не имеет.

Лицо Пегги Сольерри совсем окаменело; она поймала болтающийся на цепочке свисток, но дунуть в него не успела, потому что Харон схватил ее за руку. Тогда она резко откинулась назад, подняла ногу и уперлась потертой туфлей в плечо Харона, стараясь отодвинуть его от себя. Край платья задрался еще больше, но Пегги, увлеченная борьбой, этого не замечала. Харон, не меняя скорбного выражения лица, сильнее наклонил голову и молча сопротивлялся. Билли стало казаться, что он сходит с ума: уж слишком непредсказуемо вели себя бандит и дама, с которой он только что...

– Дура, – рычал Харон, пытаясь вырвать у Пегги свисток, – дура! Кстати, Маэстро, – он повернулся к Билли, – я ее тут подержу, а ты пока иди, ладно? А я тебя потом догоню... Только вот с ней управлюсь – и догоню. А то тут, видишь...

Не отпуская Пегги, он изловчился и вслепую нащупал под рулем какую-то кнопку. Раздался щелчок, Харон скосил глаз в сторону Билли, свободной рукой схватил Пегги за лодыжку и сильно сжал. Пегги заверещала.

– Ну, давай, иди, а то...

В этот момент Пегги исхитрилась упереться головой в сиденье и ударить Харона ногой прямо в лицо. Харон дернулся, поймал и эту ногу и зарычал так громко, что на переднем сиденье подскочил от страха забытый в суматохе кот Кузейро. Корябая когтями платье хозяйки, он перелетел через нее и прыгнул на грудь к Билли. Билли инстинктивно прижал дрожащего кота к себе, и они вдвоем вывалились из машины...

Только свернув за угол и пробежав по инерции несколько кривых улочек Чайнатауна, Билли приостановился, чтобы отдышаться, и обнаружил, что все еще обнимает тяжелого, вцепившегося в него Кузейро. Он хотел было сбросить кота на землю, но тот, разгадав его намерения, коротко и тонко мявкнул и посмотрел в глаза скорбно и просяще. Билли совершенно не собирался красть несчастное животное у его сумасшедшей хозяйки, но возвращаться к машине и отдавать ей Кузейро он не решился. Кроме того, было непонятно, что же все-таки произошло там, в такси, где он еще недавно был заложником. Почему Харон вдруг решил отпустить его? Потому ли, что он заплакал?.. Но более всего Билли был смущен и озадачен тем, что произошло между ним и этой... Пегги. Он с внутренним содроганием сообразил, что практически изнасиловал женщину. Изнасиловал, воспользовавшись тем, что огромный Харон держал ее за руки. Но, если это так, то почему же она... Билли даже похолодел, вспомнив, как старательно она подставляла ему свое уютное влажное лоно. Странно... Но удивительней всего было то, что он вдруг понял, почему разрыдался там, в машине. Его долгожданный великий и невероятный Дар, помаячив перед носом, ускользнул от него в пустую холодную Вселенную! Господи, если б только Пегги не отскочила от него в тот момент, если бы дурак-Харон выкрутил ей руку на секунду позже, то он, Билли, может быть, успел бы получить свой Дар!..

Приученный тетушкой Эллен к внимательному наблюдению за собственными ощущениями – в особенности теми, которые были связаны с его способностями – Билли хотел проанализировать случившееся с ним подробнее и точнее. Но вдруг почувствовал, что близок к обмороку, что вот-вот упадет. Странно, успел подумать он, обычно я теряю сознание только после выступления, а сейчас... Прижавшийся к нему кот стал еще тяжелее, силы стремительно убывали и, чтобы не упасть, Билли пришлось прислониться к стене. Утренняя улочка была на удивление пустой, только на углу, у овощной лавки, маячили маленькие фигурки, торопливо раскладывая товар. Солнце отразилось в оконных стеклах дома напротив и остро ударило прямо в глаза. Билли стал медленно опускаться на колени. Но окончательно провалиться в обморок не успел. Из двери ближайшей лавочки выскочили несколько человек и сразу громко затараторили над головой на непонятном языке. Билли показалось, что огромная толпа китайцев запрудила тихую улочку. Он не удивился, когда его вместе с котом легко подняли и внесли в темное, незнакомо и пряно пахнущее помещение. Толпа исчезла, и Билли понял, что китайцев всего двое – молодой и пожилой. Билли положили на что-то жесткое, чуть приподнятое над полом, и он увидел низкий, в патине старой грязи, потолок и ряды металлических стеллажей, тянущиеся вдоль стен. Молодой китаец склонился над ним и спросил на вполне приличном английском:

– Что, плохо? Позвонить в больницу?

В больницу Билли не хотел, поэтому он, стараясь ухватить ускользающее сознание, потряс головой и приподнялся на локтях:

– Спасибо, ничего не надо. Со мной такое бывает. Это просто слабость, которая сейчас пройдет.

Молодой китаец что-то сказал старому, тот с сомнением защелкал языком и, шаркая ногами, подошел поближе. Он оглядел Билли, как будто прицеливался сразу обеими глазами, и, погладив Кузейро, неожиданно звонко расхохотался. Следом за ним засмеялся и молодой. Они стояли над Билли, покачивали похожими головами, перебрасывались между собой короткими фразами и посмеивались.

– Кошек сильно любишь, что ли? – спросил, наконец, молодой. – Уж очень сильно, наверное. Вот он, – молодой кивнул на старого, – говорит, что тебе тогда кошка нужна, а не кот. И еще он хотел бы, чтобы и у него так же было. Хорошо, говорит, что его жена уже умерла, а то бы к тебе ушла, наверное. Вместо кошки. Да-а... а у нас болтают, что американцы в этом деле совсем не разбираются! Врут, дураки!

Билли ничего не понял, но проследил за рукой молодого, приподнялся повыше на локтях и сдвинул вбок лежащего на груди Кузейро. Ну конечно, он же забыл застегнуться после... после такси. Но... Он и сам не знал, как это могло произойти! Казалось, что его тело не ощущало земного притяжения! И вырвалось из измятых френчских брюк вертикально вверх, как та дедова башня... А он и не заметил этого! Потому, наверное, что не привык обходиться без проклятой «железки»! Да и вообще, был слишком увлечен происходящим внутри себя, чтобы обращать внимание на то, что творится снаружи. Билли почувствовал, что краснеет, рывком сбросил недовольного кота на пол, сел и стал судорожно застегиваться. Но ни земное притяжение, ни собственные торопливые усилия ему не помогли. И только стоя ему удалось хоть немного привести себя в порядок. Он наскоро поблагодарил все еще смеющихся китайцев и бросился на улицу. Слабость незаметно прошла, на свежем воздухе Билли даже почувствовал прилив сил. Только в голове колыхалась странная жидкая каша, в которой, как изюминки, попадались недодуманные до конца мысли.

Билли зашагал по улице, еще не решив толком, куда именно направляется. Кашу в голове следовало процедить и внимательно обследовать остаток. Но дома, в тишине спальни, думать об этом было бы легко, а здесь... Приостановившись на перекрестке в ожидании зеленого света, он услышал знакомое мяуканье. У ног, подняв крупную голову, стоял Кузейро. Билли никогда особенно не любил животных, но сейчас ему почему-то стало жаль этого, удравшего от хозяйки, кота. Он почувствовал его почти сообщником и наклонился, чтобы взять Кузейро на руки, но не успел – коротким незаметным движением тот высоко подпрыгнул и мгновенно оказался у Билли на правом плече. Ну вот, подумал Билли со странным удовлетворением, теперь у меня есть свой дрессированный кот. И быстрым шагом двинулся вверх по Бауэри. Кузейро сонно щурил зеленые глаза и при резких движениях острыми когтями пронизывал материю фрака насквозь, до самой кожи. Но Билли не было больно, он даже не замечал этого покалывания, а изо всех сил пытался сосредоточиться. Но, как это часто с ним бывало, нужные мысли убегали, не успев оформиться в слова и образы, а вместо них в голову лезла всякая ерунда. Он подмечал вокруг себя самые незначительные мелочи. Например, старую полусгнившую водосточную трубу на мрачном доме напротив, улыбающуюся солнцу старуху в окне второго этажа, битком набитую сетчатую урну, в которой копался сурового вида грязный и явно бездомный тип. Этот тип тоже заинтересовался Билли, повернул к нему темное безволосое лицо, усмехнулся грязным ртом с потеками слюны в уголках губ и демонстративно загородил собой урну. Ну конечно: существо в грязном помятом фраке, с котом на плечах, наверняка принадлежало к тому же племени, и ему следовало дать понять, чья здесь территория. Билли вспомнил легендарного парижского мальчика-попрошайку и хотел пожать плечами, но помешал тяжелый Кузейро. Тогда Билли округлил глаза, фыркнул и заторопился дальше, чувствуя, что бездомный нагло смотрит ему вслед.

Когда слева появился небольшой, отделенный от улицы невысокой кованной решеткой, скверик, Билли приостановился и оглядел несколько безмятежных деревьев и нагретую солнцем, теплую даже на вид скамейку у самого входа. В глубине сквера, у облупленной глухой стены, покрытой, как татуировкой, пестрыми граффити, расположилась пожилая дама с подсиненными волосами, опирающаяся на ручку ненужного ей сейчас зонтика. Рядом, на спинке соседней скамейки, как воробьи на жердочке, сидели несколько девочек лет тринадцати-четырнадцати. Судя по оживленным неумело подкрашенным мордашкам, независимым позам и рюкзакам,

сложенным кучей под скамейкой, они прогуливали скучные утренние уроки и были полностью заняты собой и своим взрослым отчаянным поступком. Билли понял, что опять отвлекся, что этот медленно проплывающий перед ним яркий уличный фильм, озвученный голосами людей и ревом машин, мешает ему думать о важном – о том, что с ним сегодня произошло. Кроме того, та тяжелая и напряженная часть его тела, на которую никак не действовало земное притяжение, похоже, по-прежнему рвалась наружу и ощутимо мешала ходить. Он решительно шагнул в распахнутые ворота сквера, опустился на скамейку, слегка поерзал, устраиваясь поудобнее, и откинулся на спинку. Кузейро пошевелился и прижался теплой шерстяной головой к его уху, как будто пытаясь отгородить Билли от внешнего мира и помочь ему сосредоточиться.

Стоило Билли закрыть глаза, как он опять окунулся в свою Вселенную. Ну наконец-то, с облегчением подумал он, преодолевая страх, чувствуя, что из этой-то глубокой темноты и должен явиться Ответ. Вселенная каким-то непостижимым образом свернулась в спираль, которая тут же призывно растянулась, уходя куда-то за край сознания. Но вместо Ответа оттуда, из бесконечного далека, появилась расплывчатая физиономия и, когда она приблизилась почти вплотную, он с ужасом узнал неприятное лицо недавно встреченного бездомного. Неужели и здесь – его территория, куда Билли вторгается по ошибке и незнанию? Бездомный улыбался слюнявым ртом и что-то беззвучно говорил. Билли с трудом различил слова «свет» и «сосуд». Это было так странно и так жутко, что Билли даже обрадовался, когда почувствовал, что кто-то прикоснулся к его коленям. Он открыл глаза и тут же зажмурился от яркого солнца, но все-таки успел заметить чей-то темный силуэт. А за закрытыми веками его ждал все тот же бездомный. Поэтому он снова выглянул наружу из своей непонятной Вселенной. Через секунду, когда глаза привыкли к солнцу, Билли сообразил, что перед ним, чуть склонившись, стоит одна из девочек-школьниц. Ему хотелось бы думать, что она рассматривает пригревшегося на плече кота, но ее взгляд со скачущими от любопытства шариками зрачков был устремлен ниже, значительно ниже!

Девчонка шевелила потрескавшимися губами и очень знакомо облизывала их коротким блестящим языком. Она стояла, наступив одной ногой в белой весенней кроссовке на другую и прижав к груди левую ладонь с небрежно и аляповато накрашенными короткими ногтями. Из-за светлых бровей и веснушек на вздернутом носике она казалась еще совсем ребенком. Но ее правая рука, чуть подрагивая, тянулась к Билли напряженно и боязливо. И именно эта напряженность делала девочку значительно старше, а жест – сложнее и многозначительней, как будто из-за ее спины к нему протягивала руку взрослая опытная и развязная женщина. Билли застыл в той же позе, в какой вынырнул из страшной темноты – откинувшись на скамейке и вытянув ноги – и почему-то боялся пошевелиться. Он догадывался, что вырвавшееся из пут притяжения – и неподвластное его воле – тело снова оказалось на свободе. Билли мысленно чертыхнулся, понимая, что поторопился там, в китайской лавочке, что не застегнулся толком – и вот теперь пожалуйста... Но сделать хоть малейшее движение было выше его сил. Наверное, невнятно подумал он, нельзя существовать одновременно внутри и снаружи... и вдруг горько пожалел, что давным-давно, в парке, легкомысленно отбросил свою надежную «железку». И теперь совершенно не знал, что ему делать. Ему захотелось исчезнуть, испариться, каким-то чудесным образом оказаться совсем одному – да хотя бы в собственной спальне. Но это было невозможно! И вот тогда, удивляясь самому себе, Билли почувствовал, что на него волной, затопляя все остальные ощущения, накатывает отчаяние от того, что никак не получается сосредоточиться на своей Вселенной, пусть даже населенной негостеприимными бездомными, что момент получения Дара все отдалается и отдалается...

Тем временем к застывшей над ним фигурке присоединились еще две – высокая и не по годам развитая толстуха с глупым выражением лица и худенькая остроносая

девочка с кучей звенящих браслетов на тонких руках. Они стояли в ряд и совсем отгородили Билли от улицы и от солнца. Он только удивился тому, какой неожиданно густой, почти темной и смутно угрожающей была их общая тень. И не решался снова поднять глаза, а видел только три пары ног – стройные в новых кроссовках, толстые в грубых стоптанных взрослых туфлях и легкие, худенькие, приставшие на цыпочки, в по-летнему открытых сандалиях. Девочки молчали, но их молчание было – как и тень – общим и угрожающим. Единственное, что Билли был в состоянии сделать, это опять закрыть глаза. Он крепко зажмурился, стараясь попасть обратно в свою темноту, показавшуюся теперь надежным убежищем. Но ничего не успел там увидеть, потому что прямо над ухом, к которому тепло прижимался Кузейро, раздался голос. Билли вздрогнул и чуть приоткрыл один глаз.

– А ну пошли отсюда, шалавы! – голос звучал хрипло и нагло. – Ну, что уставились? Кыш, блядушки! Кстати, сейчас ноги до ушей раздеру!

Большая темная тень, накрывавшая Билли, покачнулась, съежилась, распалась на отдельные короткие фрагменты и отползла куда-то в сторону. Рядом удовлетворенно рассмеялись. Билли поднял голову и увидел, что девочки как-то незаметно исчезли, а рядом с ним на скамейке расположился огромный довольный Харон. Харон поймал его взгляд, еще шире улыбнулся, махнул рукой куда-то в сторону улицы и непонятно сказал:

– Кстати, Маэстро, деньги-то уже на дорогу выброшены. И такси подано. Кстати, бабу ты я сплавил... Слышишь, Маэстро, со мной как-то сидел один черный. Сказочником звали. Лихо всякие истории плел. Хотя, бывало, что и полную херню. Так вот, он говорил, что такие как ты каждый раз рождаются. Ну, в каждом поколении, что ли. Главное, чтобы вовремя заметили, понимаешь? Я вот тоже не понимал. А он говорил, что если не заметят, то что ж... тогда как обычно: все медным тазом накрывается. До следующего раза, считай. А потом все повторяется снова и снова. Только, говорил, вечно это продолжаться не может. Однажды терпение кончится, и тогда уж не медный таз будет, а... Забыл, как он это называл. Я тогда не очень-то понимал, о чем он болтает. Хоть и черный, а выражался заковыристо. К тому же, сам себя считал таким... ну, таким как ты, и поэтому лишнюю пайку требовал, падла! Но говорил, что не себе, а так... что на дорогу надо выбросить. И пайку, и деньги, если они есть! Это как бы знак такой, что ли. Будет означать, говорил, что ты присоединился. Ну как если бы в банду вступил, только наоборот. Но сам-то он жрал... Говорил, что не дошел пока до какого-то там состояния, козел! Но про то, что деньги надо выбросить на дорогу, это я запомнил почему-то. Вот бывает у тебя так, что не поймешь толком про что это, а в голову западает? Может потому и западает, что смысла никакого... Кстати, того, Сказочника, потом замочили. Свои же. А он перед этим... ну прежде, чем его одеялом на койке накрыли, тоже плакал, говорил, что специально делал так... ну, чтоб его кончать стали... а только не надо бы... Что вот-вот то самое состояние наступит. Что не исполнил он чего-то там... А чего он мог исполнить, когда у него два пожизненных срока было? Вот его самого и исполнили... Но, кстати, не врал. То есть про себя-то точно херню гнал, а вообще... Может, в этот раз получится. Может, без медного таза обойдемся... Ты, Маэстро, настоящий, я же вижу. А у меня глаз!.. Так что – деньги на дороге, зуб даю! А теперь, Маэстро, поехали. Поехали!

Ничего из услышанного Билли не понял, и Харон, наверное, это почувствовал. Как почувствовал и то, что Билли все еще не может пошевелиться. Харон с досадой покачал головой, потом встал, наклонился и легко поднял Билли на руки вместе с котом. Кот аккуратно переполз к Билли на грудь и замер, а Харон понес их к выходу из сквера, где стояла его желтая машина. Билли слегка покачивало, но он почувствовал себя защищенным и умиротворенным. И закрыл глаза, откуда-то зная наверняка, что пока его несет этот странный, грубый, попахивающий потом человек, он может расслабиться. А внутри, в темноте, уже не было шепчущего бессмысленные слова

жуткого бездомного, а только блеклая спираль, в невыносимо далеком конце которой появилось маленькое яркое пятнышко света. Билли не успел толком его разглядеть, потому что, резко и неприятно резанув слух, взвилась полицейская сирена. Руки Харона напряглись, он споткнулся, но удержался на ногах и на секунду застыл. Билли оглянулся и увидел, что они стоят прямо возле такси с призывно раскрытыми дверями, а на тротуар с двух сторон высунулись оскаленные морды полицейских автомобилей.

Как и тогда, в парке, Билли показалось, что все стало отдаляться, словно он сидел на крыше соседнего дома и рассматривал всю эту сцену в перевернутый бинокль. В скверике застыли с приоткрытыми ртами девочки, полицейские по-мураьиному копошились и, прикрываясь капотами своих машин, вытягивали руки с пистолетами в сторону Харона. Харон рывками поворачивал туловище в разные стороны, как будто потерял Билли в этой суеде и теперь старается разглядеть его через головы в фуражках, сквозь прозрачную решетку скверика. Потом Билли снова оказался на руках у Харона, услышал рев мегафона и голос Харона, выкрикивающий в направленные на него дула все то же: «деньги, деньги на дороге!» и «кстати, суки, поняли?!». Билли почувствовал, что сейчас произойдет непоправимое, что полицейские ничего не знают о том, как хорошо и покойно ему на руках у Харона, и вот-вот начнут стрелять. И, зажмурившись от отчаяния, разглядел свою Вселенную сильно изменившейся. Еле различимое раньше пятнышко света приблизилось и теперь казалось большим правильным прямоугольником. Свет не резал глаз, не грел и не освещал ничего вокруг, не призывал и не отталкивал. Он был холодным и равнодушным, этот свет...

Внезапно из темноты появился бездомный и, заслоня собой прямоугольник, заговорил. Но Билли никак не мог сосредоточиться, чтобы понять его невнятную торопливую речь: очень мешали крики и шум. Он разобрал только все те же слова о свете и сосуде...

Время стало двигаться неравномерными толчками, как будто подстраиваясь под удары сердца. Только Билли не понял: это колотилось его собственное сердце, или сердце Харона, к груди которого он прижимался. Харон вдруг покачнулся и двинулся прямо на полицейских. Краем глаза Билли заметил, что одна из перегораживающих тротуар машин исчезла, освобождая им дорогу, да и сами полицейские, пятясь назад, раздвинулись под неумолкавшей вой сирен, и остались где-то позади. Харон сделал еще несколько шагов, остановился и медленно опустил Билли на землю. Кот, не больно царапаясь, опять перебрался на плечо, и Билли понял, что стоит вертикально, а Харон придерживает его за руку.

– Кстати, ты, Маэстро, свернешь сейчас за угол и быстро – только очень быстро! – рванешь к метро. Там, в конце улицы, станция, понял? Ну вот. А я тут разберусь с ментами. Ну все, давай, пошел! Да, еще... ты только лишнюю пайку себе не требуй, ежели что... А то замочат, суки! Ладно? Ну теперь все.

Билли заметил, что кожа на лице у Харона побелела так, что густая рыжеватая щетина казалась теперь совершенно черной. Харон подтолкнул Билли вперед, а сам резко развернулся и тяжело побежал обратно. Билли плавно и безвольно как сомнамбула сделал пару нетвердых шагов в указанном направлении, но остановился на углу, оглянулся и увидел, что Харон приближается к замершим полицейским... вот он уже кричит им «кстати, суки!» и машет руками. Оружий мегафон захлебнулся и в растерянности умолк, только сирены по-прежнему монотонно закатывались от ярости. До Билли донесся глухой звук удара, чья-то фуражка, блеснув на солнце кокардой, покатила под ноги, шеренга полицейских распалась и... Дальше Билли не выдержал. Он повернулся и бросился к указанной ему станции метро так быстро, как только мог. Он больше не хотел ничего слышать! Ласковый Харон, говорящий и действующий так странно и непонятно, вдруг испугал Билли значительно сильнее, чем жестокий и расчетливый Харон-бандит. Но самым ужасным было то, что Билли догадывался о связи между изменениями, которые происходили с ним сегодня, и удивительным

поведением Харона; подозревал, что именно он, Билли, невольно послал этого человека на смерть. Только не знал, почему так получилось: ведь сам он совсем этого не желал! Он чувствовал не столько страх, сколько растерянность, которая больше и невыносимее страха. Он понял, что не хочет окунаться во Вселенную, терпеливо ждущую его за закрытыми веками. Ни за что не хочет!

Билли скатился по лестнице на станцию, ничего не соображая, проскочил турникет и выбежал на пустынную платформу. Из черной трубы подземелья сейчас же потянул холодным сквозняком. Оттуда, из глубины, помаргивая невидящими фарами, стал приближаться поезд. Да что же это такое, в отчаянии подумал Билли, снова то же самое! Но нет, конечно нет! Просто поезд, выходящий из туннеля, напомнил ему... Билли глубоко вздохнул, погладил в унисон с ним вздохнувшего кота на плече и шагнул поближе к краю платформы. Он сейчас поедет домой, объяснится с тетушкой Эллен, они закажут новую «железку», и все будет хорошо. Совершенно очевидно, что стоит ему только снова облачиться в это неудобное, но привычное приспособление, как все вернется на свои места, а его Дар останется таким как раньше – прирученным и безопасным, только для домашнего пользования. Да-да, надо ехать домой и сбросить с себя это наваждение как можно скорее! Билли сделал еще один шаг навстречу приближающемуся поезду, мысленно уже переступая порог своей квартиры, где его ждут тетушка, Матильда и, может быть, Изабелла...

Но когда передний вагон почти поравнялся с ним, у Билли стали подгибаться колени. Потому что из кабины машиниста на него невозмутимо смотрели знакомые глаза бездомного... Нет, так быть не может, это ему только кажется! Одно дело, если этот проклятый бездомный появляется в темноте плотно сомкнутых глаз и совсем другое, когда здесь, в реальной жизни...

Билли затравленно и беспомощно оглянулся и увидел, что по платформе к нему бежит Пегги Сольерри. На ходу она поправляла сбившуюся шляпку и размахивала руками, стараясь привлечь его внимание. Но почему-то не кричала, а только шевелила губами. Билли вдруг обрадовался и покорно подумал, что вот сейчас его обвинят в изнасиловании, в краже кота, в чем-нибудь еще... Ну и ладно! Только бы не оставаться одному. Он опустил глаза и не поднял их даже тогда, когда Пегги, тяжело дыша, остановилась рядом.

– Вот и славно, – услышал он знакомый ласковый говорок, – вот и замечательно! Сейчас мы поедем ко мне, и все будет еще лучше. Как хорошо, что мы избавились от этого негодяя! Вот и Кузейро вас полюбил. Его-то не обманешь, о, поверьте мне!

Билли уже собрался было безвольно следовать за этой Пегги, хотя пустой вагон гостеприимно распахнул перед ним двери. Лучше уж полусумасшедшая дамочка, чем этот машинист... Но тут дамочка, сделав движение, которым обычно берут за руку непослушного ребенка, прикоснулась к его мятым брюкам. Билли почувствовал ее мягкую ладонь, которая вдруг стала больше, чем была на самом деле, и как будто охватила его целиком... Пегги нетерпеливо повела плечами и, как собаку за поводок, потянула Билли к себе. Как получилось, что он оттолкнул ее, Билли не знал. Он знал только, что больше не хочет получать свой Дар. Толчок вышел слишком резким, Пегги раскрыла рот, выпустила Билли и рухнула мягкой попой на платформу. Кузейро, как показалось Билли, одобрительно мяукнул – он, похоже, тоже терпеть не мог свою хозяйку, – и они успели заскочить в вагон. Билли ничего не соображал, он просто спасался от новой беды.

Когда двери закрылись и поезд, разгоняясь, ушел в туннель, Билли огляделся по сторонам, понял, что в вагоне совершенно один и почувствовал себя попавшим в ловушку. Но поезд шел все дальше и дальше, а с ним ничего не происходило, и Билли решил, что страшное лицо бездомного в кабине машиниста ему все же почудилось, что неподвластная ему Вселенная не переместилась в реальный мир, как ему показалось всего несколько минут назад. Кажется, он вовремя остановился. Или, может быть, он

просто начал сходить с ума? Подумать только, эта очевидная мысль впервые пришла ему в голову! Но, если это так, тогда... Он опустил взгляд и увидел, что ничего не изменилось, что его тело действительно взбунтовалось... А поезд все шел и шел, раскачиваясь и повизгивая на поворотах. Ах ты, подумал Билли, ведь скоро новая станция, а там люди... Нужно попробовать застегнуться, наконец. Он не успел даже приподняться, как поезд резко, с жутким протяжным скрипом затормозил, как будто вдруг наткнулся на стену. Билли понесло по скользкому сиденью вбок и сильно ударило о поручень. Кузейро не удержался на его плече, свалился и заскользил куда-то в конец вагона, скребя когтями по полу.

Момент, когда поезд остановился окончательно, Билли не уловил. В голове страшно гудело после удара. Поэтому он не очень удивился, когда двери неохотно разъехались, но не широко, а только чуть-чуть, чтобы пропустить какого-то человека. Человек запрыгивал в вагон откуда-то снизу и поэтому сразу упал животом на пол, пытаясь подтянуться и шаря руками в поисках опоры. Следом в вагон забрался и второй. Этот оказался значительно более ловким и сразу же вскочил на ноги, щуря глаза после темного туннеля. Билли только рот раскрыл от изумления: он узнал того самого мексиканца, с которым сегодня утром расстался в парке. Тут наконец-то поднялся спутник мексиканца, и Билли подумал, что, наверное, слишком сильно стукнулся головой: перед ним, в непривычных джинсах и куртке, стояла его собственная тетушка Эллен!

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Бывает же так – приснится что-то жуткое, ну просто невероятное, так что впору, как в детстве, кричать во весь голос и звать мать. Потому что страшно так, как бывает страшно только в детстве. А проснешься и оказывается, что просто руку отлежал... или ногу. Но кошмар еще не отпустил, хоть ты и понимаешь, что это только сон. Ну, может, не страшно уже, но как-то... тоскливо. Окончательно просыпаться, вроде бы, еще рано, а заснуть опять... ну точно – тоскливо. И вот спать не спишь, но чувствуешь себя странно: то ли ты здоровый мужик, то ли – испуганный ребенок...

Карлос, похоже, так и застрял в этом промежуточном состоянии. Пока он лежал на холодной земле, бессмысленно глядя в небо, от него ничего не требовалось. Как будто ничего еще не началось или, наоборот, все уже кончилось. Но, стоило ему посмотреть вслед убегающему Очкарику, как он понял, что уж теперь он должен что-то сделать – или хотя бы сообразить, что именно нужно делать. В голове гудело, руки и ноги по-прежнему были как чужие. Карлос, преодолевая слабость, с трудом заставил себя приподняться. Рядом на корточках сидела Большая женщина и вопросительно смотрела на него. В пустой голове у Карлоса зашевелились какие-то подозрительно знакомые мысли, но Карлос тут же отогнал их. Большая женщина улыбнулась ему и поднялась во весь рост. Теперь она показалась Карлосу просто огромной. Прямо над ним нависали ее тяжелые, как будто каменные, груди и чуть выпирающий живот. Крупные колени нетерпеливо подрагивали. Карлос вдруг вспомнил, как недавно раздвигал эти мощные колени, а потом... Додумывать дальше не хотелось; он испугался, что сейчас эта женщина – за все, что он с ней сделал – обрушится на него и раздавит, и это будет больно и стыдно... Карлос поспешно вскочил на ноги, проклиная себя за такую слабость, хотя это все-таки была не обычная трусость, недостойная мачо, а только жуткий детский кошмар. Конечно, это был кошмар, потому что, даже когда Карлос встал, большая женщина все равно показалась ему тяжелой и грозной как статуя.

– Ну что ты, солнышко, испугался, – женщина обращалась к нему ласково, но в ее голосе Карлосу послышался металл. – А я и не знала, что у Билли есть приятели. Он такой скрытный, ты себе не представляешь!

Женщина приблизилась вплотную, и Карлос не посмел сделать шаг назад. Он подумал, что любое движение сразу выдаст его страх, и тогда она рассыплется на большие, неимоверно тяжелые куски... Женщина придвинулась еще ближе и Карлос понял, что груди у нее совсем не каменные, а, наоборот, мягкие и упругие одновременно. Потом она сделала какое-то неуловимое движение, и Карлос вздрогнул: большая грудь плавно легла ему прямо на голову, а руки жестко ухватили за плечи. Темная ткань платья залила глаза как густое вино. Он услышал гулкий, словно из бочки, стук сердца и вдохнул запах женщины. Под грудью у нее пахлопряно: может быть потом, а, может быть, и действительно вином.

– Этот Билли – он вообще дурачок, если честно. Так нас вчера напугал! Матушка просто в себя прийти не может. Она в него столько сил вложила, а он... Тоже мне, гений! Я знаю, он вчера из-за меня все это устроил. Хмурый всегда такой, поганец. Даже когда меня подкалывает, то... как на похоронах. Думаешь, я не догадываюсь, что он терпеть меня не может? Вчера специально на выступление пришла. Ты бы видел его морду! Ну и он, конечно... А потом сбежал. Как мальчишка. А я вот должна его искать! Потому что самой матушке некогда. Ха, знаю я, как ей некогда. Мне что, я гулять люблю... всегда с кем-нибудь интересным познакомишься. Дома-то со скуки помереть можно...

Карлос чувствовал, что от его дыхания темнота вокруг становится влажной, а спертый воздух, пропитанный винным запахом, лезет обратно в глотку. Карлос как будто проснулся окончательно и вдруг осознал всю нелепость и унижительность того, что с ним происходит: его цепко держит в объятиях большая белая женщина с необъятной грудью и голым, как у манекена, лобком. Ну почему он не напал на ту, которая пробегала раньше, на худую?! Это проклятый Очкарик ему помешал! Карлос напрягся, пытаясь разбудить в себе недавнее неистовство, ему захотелось немедленно ударить эту облапившую его куклу так, чтобы увидеть ее кровь – и после, озверев окончательно, добить до конца. Женщина почувствовала его движение, чуть-чуть пошевелилась, и Карлос, теперь сжатый с двух сторон ее грудями, уткнулся в глубокую ложбинку между ними. Кожа тоже пахла вином и чем-то... вроде соли. Карлос поднял лицо и увидел широкую понимающую улыбку. Ему показалось, что женщина специально подзадоривает его, сомневаясь в его способности убивать, в том, что он вообще мужчина!

– Да ты, солнышко, я смотрю, совсем заскучал! Ну-ну, что ты? Я же на тебя не сержусь, ты этого еще не понял, глупый? Ну на, на! Ну, не будь же упрямым!

Она убрала свою большую руку с его плеча, ее ладонь скользнула в вырез платья и на Карлоса, прямо в лицо ему, вывалилось что-то белое, гладкое и прохладное, как будто у его щеки внезапно надули воздушный шарик. Карлос резко откинулся назад, но ладонь, выпустившая этот шарик на свободу, тут же легла на затылок и плавно повела его голову обратно. Карлос успел разглядеть большой розовый чуть примятый сосок и, сам себе удивляясь, схватил его открытым ртом, как птенец. Белая даже на вкус, гладкая и быстро начинающая согреваться плоть вдруг потеряла всякую форму, легко заполнила весь рот и, кажется, устремилась в гортань. Задохнувшись, Карлос всхлипнул, но не застыдился, а почувствовал, что вкус неведомо как смешался с запахом. Или просто запах превратился во вкус, и от этого собственная слюна казалась ему тем самым терпким вином, которое он даже и не глотал, а просто позволял ему в себя вливаться.

– Ну вот так, – удовлетворенно сказала женщина, – видишь, как хорошо, солнышко. Ну, еще немного и все будет совсем хорошо. Со-о-о-олнышко!

Такого с Карлосом еще никогда не случалось! Бесследно растворившаяся на раскаленной техасской дороге и так богохульно менявшая свой облик этой ночью Мэри, воспоминания о которой не отпускали его ни на минуту, снова вернулась к нему... Вообще-то Карлос понимал, что кормящая его грудью большая женщина – вовсе не та самая Мэри, но зато она такая, что с ней не стыдно перестать быть мачо... Карлосу показалось, что его ноги оторвались от земли, что он завис в воздухе, вытянувшись, как в кровати, покачиваясь и держась за женщину только губами, ртом, наполненным ее необыкновенной грудью. И тогда он понял, что все очень просто и совсем не стыдно! Напрасно он так долго боролся с собой! Какая разница, кто именно явился ему тогда на шоссе? Белые женщины, даже если они большие и тяжелые, могут иметь какой угодно лобок и пахнуть так, как им хочется. Если они есть, и если из их грудей льется то, что заставляет забыть стыд... Какая разница, кто и как принес ему это легкое и все разрешающее приятие. Каким же он был дураком! Дураком и мальчишкой! А все так просто! Женщина – она женщина и есть...

Внезапно во рту у Карлоса сделалось сухо, остатки влаги впитались в нёбо, не оставляя даже привкуса. Женщина охнула, быстро спрятала грудь и оглянулась: из-за горбатого мостика к ним приближались какие-то люди. Карлос отшатнулся от женщины и наклонил голову, наливаясь жидкой, мгновенно застывающей в руках и ногах яростью. Еще немного, и он кинулся бы убивать ни в чем не повинную парочку пенсионеров с толстой сонной собакой на поводке. Он и раньше-то почти ничего не боялся – просто твердо знал, что настоящий мужчина бояться не должен. Но сейчас чувствовал, что эта женщина напоила его не молоком мужества, а молоком силы. Карлос не очень понимал разницу, но разбираться не хотел. Он убил бы этих людей легко и просто, сворачивая им шеи как курам, а потом расправился бы с собакой, смотревшей на него с печальным недоумением. Но убивать ему не пришлось. Потому что женщина положила теплую ладонь на его плечо и повернула к себе, улыбаясь полными губами. Она продолжала что-то говорить, и Карлос с удивлением обнаружил, что она совсем не понимает, что с ним происходит, даже не догадывается. Странно, подумал он и вспомнил, как она казалась ему составленной из больших каменных глыб. Поит таким вином, а ничего не понимает... Может быть, то же самое произошло и в Техасе? Может быть, эти белые женщины дают мужчине что-то такое, о чем и не догадываются?.. И именно этим отличаются от мексиканок, которые дают только то, чего сами от тебя хотят? А-а, глупости это все! Пусть над этим раздумывают гнилые вонючки – учителя и священники! С него достаточно! Достаточно хотя бы того, что сейчас он чувствует силу и свободу...

Женщина взяла Карлоса за руку и повела куда-то, поглядывая странным, поверх его головы, взглядом. Карлос не стал сопротивляться. Ему было приятно думать, что не она ведет его, а он идет за ней сам, по своей воле. В этом была разница, черт побери! И еще было приятно, что женщина даже не подозревает о его мыслях. Карлос ведь не дурачок Хозе, он видел: она решила, что он сомлел и наверняка захотела попробовать, каков он, мексиканец, в постели. Для разнообразия, наверное. Пусть так. Кроме того, он, конечно, не откажется присосаться к ее груди еще раз, без помех, в ее уютном гнездышке. Конечно нет! Только теперь он сделает это тогда, когда сам захочет – и так, как ему больше понравится. Он еще не знал, что имеет в виду, но потаенно и радостно чувствовал, что обманывает эту большую глупую белую женщину. После он, может быть, убьет ее – не закрывающую рта и несущую всякую ерунду. Убьет, если захочет. И никто ему не помешает. Но сейчас он хотел идти за ней, ему нравилось дурить и прикидываться растерявшимся мексиканским пареньком – маленьким и покорным.

Пока они неторопливо шли по аллее, Карлос из ее болтовни уловил, что зовут ее Матильда, что она какая-то родственница тому самому Очкарику и что живет на Пятой авеню, прямо напротив парка. Они перешли забитую торопливыми утренними машинами улицу, и Матильда приостановилась перед входом в роскошное парадное со

стеклянными дверями и нарядным, как рождественская елка, швейцаром. Карлосу показалось, что женщина заколебалась, раздумывая, вести ли его дальше, и он мысленно усмехнулся, понимая, что никуда она от него не денется. Матильда шумно вздохнула, пробормотала себе под нос что-то вроде «ну что поделать, ну люблю я...» и потянула Карлоса за руку. Торжественный швейцар невозмутимо улыбнулся и открыл перед ними дверь. Хорошо живут, подумал Карлос и вспомнил свое пристанище в Бронксе, с толстяком Джо и дурачком Хозе. Ни того, ни другого не взяли бы в такой дом даже уборщиком. – А меня? – Карлос усмехался, разглядывая себя и Матильду в зеркальной кабине лифта: сумрачного, с блестящими черными глазами, плохо одетого мекса и высокую – на голову выше его! – пухлую белую женщину в темном платье, уверенно улыбающуюся ему и их отражению. Гринго, – неожиданно и холодно подумал Карлос, вкладывая в это слово все то, что в него вкладывали у него на родине – насмешливую зависть, уверенность в собственном превосходстве над разнеженными богатыми чудаками и неясное грозное обещание.

Кабина лифта покачнулась и легко пошла вверх. В нем, в этом лифте, чувствовалась мягкая, скрытая мощь – точно такая же, какую, может быть, ощущал сам Карлос. Достаточно нажать кнопку и начинается движение. Этот лифт всех обманывает, делая вид, что послушен большой белой руке. Ха! Попробуй, останови его теперь! А отзывается он на укол какой-то дурацкой кнопки только потому, что ему сейчас все равно куда нестись – вверх или вниз. Но улизнуть куда-нибудь в сторону он не может! А Карлос? О-о, Карлос может все! Пусть только эта Матильда позволит ему отпить еще немного... Но торопиться, как этот дурак-лифт, он не будет. С тех самых пор, как впервые обнял легкую, прохладную Мэри, он только и делал, что ждал. А теперь, кажется, дождался – и именно поэтому торопиться не намерен.

Карлосу вдруг вспомнилась случайно подсмотренная картинка. В тот день они с толстяком Джо передумали идти в кино, а потом Карлос отказался сидеть в душном, грязном и шумном мексиканском пабе и один отправился домой. Когда он вошел в комнату, свет не горел, но и без света ему отлично были видны два тела, барахтающиеся на узкой койке дурачка Хозе. Карлос остолбенел от удивления. Дурачку – худому и совсем маленькому ростом, с густыми волосами, начинающимися почти от бровей и, вдобавок, вечно сопливному, женщины не давали никогда. Поэтому, вместо того, чтобы рассердиться и сразу же погнать дурачка с его бабой, Карлос застыл на месте, стараясь не выдать свое присутствие. Дурачок свою бабу даже раздевать не стал, только закинул ей на грудь длинную юбку, повалил на кровать и стоял перед ней на коленях, поскуливая от нетерпения и судорожно пытаясь расстегнуть молнию на джинсах. Когда он, наконец, справился со штанами, то сообразил, что забыл окончательно заголить бабу и одной рукой вцепился в нее, а другой попытался вытащить застоявшийся прибор. Но не успел. В тот самый момент, когда все было готово и баба послушно, присогнув ноги в коленях, подалась вперед, дурачок Хозе повернул голову и увидел Карлоса. Он взвизгнул, затрясся и полил белесой струей распахнутую перед ним бабу. И взвыл громко и горестно. Конечно, Карлос тут же выгнал их из квартиры, напоследок дав дурачку пинка. Но – чего с ним почти никогда не случалось – ему стало жаль торопливого дурачка. И почему-то себя самого. Когда торопишься, всегда проливаешь свое желание вверх и мимо, позорно и не по-мужски, и твое торжество превращается в детскую ночную игру. Нужно уметь ждать!

Лифт, наконец, остановился, и Карлос с удивлением обнаружил, что они попали прямо в квартиру: сразу от дверей начиналась большая комната, стены которой – от пола до потолка – были заставлены шкафами с книгами. Карлос в жизни не видел столько книг. В этой комнате свободно могли разместиться по крайней мере три хижины, вроде той, в которой он родился и вырос. Нерешительности Карлос не почувствовал, просто было странно, что столько места пропадает впустую. Матильда, оказавшись в квартире, примолкла и напоминала ему о себе только слабым движением

руки. Они уже прошли через всю комнату к широкой деревянной лестнице, ведущей куда-то наверх, когда сзади раздался голос, и Карлос, обернувшись, увидел очень толстую черную женщину в белом переднике, с забинтованными руками. Матильда придержала Карлоса и сказала радостным тоном, что все в порядке, она видела Билли, он скоро вернется, а сама она зайдет к матушке позднее. Черная толстуха, не глядя на Карлоса, ответила «да, мэ» и исчезла, но он почувствовал ее недовольство и мгновенно напрягся. На обратном пути, подумал Карлос, может быть, на обратном пути... Надо разобраться, как там насчет черных женщин... Матильда на недовольство прислуги не обратила никакого внимания – а, может, просто не заметила, – и они стали подниматься по лестнице. Карлос ожидал, что сейчас он попадет в роскошную спальню с занавешенными окнами и кроватью под балдахином. Он видел такие в телевизионных сериалах. Но, пройдя по коридору, они оказались на пороге небольшой залитой солнцем комнаты, скорее напоминающей кабинет. Правда, кроме письменного стола и кресла тут стоял и большой старый диван.

Матильда закрыла дверь, почему-то понюхала воздух и откровенно потянулась – так, что хрустнули суставы. Карлос почувствовал, что вполне готов снова сжать зубами большой розовый сосок и подумал, что этот диван и будет тем местом, где они продолжат начатое в парке. А потом... Не спеши, приказал он себе и тут же выругался, потому что все-таки заторопился и сделал шаг к Матильде. Она светло заулыбалась и покачала головой, давая ему понять, что еще не время. И почему-то приложила палец к мягким бесформенным губам. Потом она выглянула в коридор и снова плотно прикрыла дверь, но Карлос заметил, что замка на этой двери нет. Матильда внимательно посмотрела на Карлоса, как будто что-то прикидывая в уме, и неслышными шагами прошла в конец кабинета, где обнаружилась еще одна дверь. Матильда поманила Карлоса и он, почему-то насторожившись, подошел поближе. Следующая комната была значительно просторнее, но кровати под балдахином не было и там. Зато по стенам были расклеены яркие детские картинки из мультфильмов. На полу лежал толстый – и тоже ярко раскрашенный – ковер. Карлос уже представил себе, как он валит на него большую Матильду, но его ошарашенный взгляд наткнулся на мирно стоящие вдоль стены три детских кроватки с пологами и развешенными на них игрушками. Это что же, детская? В душной, несмотря на ее размеры, комнате стоял легкий_сладковатый дух. Странное место для развлечений... А Матильда сбросила туфли и, утопая неуклюжими ногами в густом ворсе ковра, улыбалась ему и делала приглашающие жесты.

– Ну чего ты испугался, солнышко? Иди сюда! Ну, давай, – прошептала она, – ты же хочешь, я вижу, что хочешь. Ну, не бойся, глупый!

Гринго, снова подумал Карлос и его почему-то потянуло перекреститься. Как в детстве, на облезлую статуэтку Богородицы на материнском комодике. Но тут же вернулось ощущение яростной, недопитой в парке, свободы и он, сжав зубы, пошел на Матильду, чувствуя себя могучим, забывшим о всех кнопках лифтом, летящим то ли вверх, то ли вниз...

– А после, – не замечая его состояния, нежно сказала Матильда, – после я тебя... Да вот иди сюда, взгляни сам.

Она шагнула к одной из кроваток и откинула полог. Из легкой цветастой пеленки на Карлоса смотрело совсем не детское, а вполне мужское, плохо побритое круглое лицо с длинным носом и маленькими колючими глазками. Глазки посмотрели на Карлоса, потом на Матильду, и уголки губ капризно искривились. Судя по росту и непомерно большим, вылезшим из пеленки ступням, в кроватке лежал довольно толстый карлик. Карлос отшатнулся.

– Ну что ты, солнышко! Видишь, Зизи уже проснулся и тоже, наверное, хочет есть. Но ты первый, конечно же, ты первый! Зизи подождет. Ну давай, солнышко, не капризничай, у меня не капризничают. Сейчас я дам тебе сисю, а потом – в кроватку.

Матильда легко, как в парке, выпростала из платья грудь, и та мягко заколыхалась на темной материи – белая, почти спящая в солнечном свете. Только сосок уже не казался помятым, он потемнел и набух, как будто действительно налился молоком. Карлос попятился. Он мог бы надругаться над этой женщиной, выжать, расплющить, раздавить ее груди, он мог бы наступить ногой на ее скользкий гладкий лобок и потом, дальше... Но только если бы ему этого захотелось. А сейчас Карлос, кажется, хотел только одного – уйти подальше из этой ненормальной детской комнаты, от страшного карлика и от самой Матильды. Но с места не сдвинулся. Потому что Матильда вздохнула, пожала плечами и, погладив себя по соску, сказала, что если он такой противный глупый мальчишка, то, в наказание, она сначала покормит Зизи. Почему-то она была уверена, что Карлос никуда от нее не денется. Хотя он точно помнил, что двери не заперты. Да и вообще, кто осмелился бы его остановить? И раньше никто, а уж теперь... Но все равно – а, может быть, именно поэтому? – он не сдвинулся с места и смотрел, как Матильда присела, опустила боковую решетчатую стенку кровати и легко потянула к себе карлика. Тот покорно и неловко перебрался к ней на колени. В распахнувшейся пеленке мелькнула его грубая мужская нога с желтыми длинными ногтями. А потом Матильда дала ему грудь и большая – с жесткими и взъерошенными, как у самого Карлоса, волосами – голова карлика оказалась на этом пышном подрагивающем фоне и впрямь детской...

Карлос мог бы поспорить, что это не игра воображения. Ярко освещенная солнцем Матильда вдруг засветилась сама! Присев на ковер, она обнимала издающего чмокающие звуки Зизи. Ее улыбка совсем изменилась, как будто повернулась внутрь, а глаза, чуть скошенные к карлику, потеплели и стали глубже. Она светилась не отраженным солнечным светом, как незадолго до этого ее грудь, а совершенно сама по себе. Потому что окно находилось сбоку, а свет, ее свет, шел от рук, от лица и легким золотистым туманом кружился над ее головой. И поза этой женщины, и неуклюжая фигурка на ее коленях, и даже свечение были удивительно знакомы Карлосу. Он вдруг унизительно позавидовал карлику, потому что понял, что снова поторопился и не распробовал толком содержимое ее груди. Он почувствовал себя действительно беспросветно темным и грязным мексом, тупой вонючкой, достойной всю жизнь ковыряться в грязи, а не мечтать о далеких – невыносимо далеких! – белых женщинах, в которых он совсем ничего не понимает... а еще решил было, что способен их обмануть!

Карлос, не удержавшись, рухнул на колени, чувствуя над собой силу настолько большую, чем собственная, что даже и не помышлял о сопротивлении. Сладкое унизительное раскаяние выжимало из его глаз колючие слезы, но Карлос забывал их вытирать. Тут Матильда подняла голову, окинула его теплым и светлым, как молоко, взглядом и слегка переменяла позу. И тут же слегка засветилась ее нога – белая и как будто потерявшая четкие очертания. Этого Карлос вынести уже не мог. Он рухнул животом на мягкий ковер и пополз к Матильде, чувствуя себя никчемным и бесполезным, как давно перегоревшая лампочка. Но он знал, что если сейчас прикоснется к ней... если попадет в круг ее мягкого света... Знал, что ощущение легкости и свободы, пережитое им в парке, на груди Матильды – только малая часть той радостной несвободы, до которой ему осталось совсем немного. Карлос уже дополз, уже коснулся губами и языком пальцев на ноге, почему-то ощутив при этом вкус выкрашенного масляной краской старого дерева... Он припомнил этот вкус – вкус той самой статуэтки, ноги которой мать заставила его целовать после того, как он... Странно, он никогда не вспоминал об этом раньше!

Вдруг резко и громко хлопнула дверь, и по комнате пробежался легкий сквознячок. Но и его хватило, чтобы сдуть с Матильды ее сияние. Матильда пошевелила толстой ногой, карлик проворно соскочил с ее колен и, путаясь в пеленке, убежал куда-то в угол. Карлос еще успел удивиться, прежде чем понял, что опять – и

теперь уже непоправимо – поторопился. Жалкое и так долго копившееся торжество стало неудержимо вырываться из него. Совсем как не к месту вспомнившийся дурачок Хозе, Карлос взвизгнул, перекатился на спину и, понимая, что не успевает, изо всех сил рванул застежку на джинсах. И сразу же увидел стоящую в дверях немолодую маленькую и худую женщину с высоко приподнятыми бровями на круглом лице. Она стояла, прислонившись к косяку, засунув руки в карманы длинного, почти до пола, халата.

– Мама, – беззаботно сказала Матильда откуда-то из-за спины, – а у меня новый бэби! Он приятель Билли, и я решила, что вполне могу привести его к нам.

– Идиотка, – тихо и устало проговорила женщина у дверей, – мало тебе домашних... В психушку хочешь?

– Да, – ответила Матильда, и Карлос понял, что она встала во весь рост, – давай, расскажи мне, что я сошла с ума. Ну, расскажи! А вы все – ты и твой идиот-племянничек с его никому не нужными талантами – вы нормальные? Зачем ты опять все начинаешь сначала? Разозлилась, что твой обожаемый Билли удрал из дома? Так не волнуйся, он жив и здоров, гуляет по городу, сама видела. А в мои дела не суйся! Я тебе не Билли, нечего ко мне без предупреждения входить, понятно?! Только Зизи испугала...

У Карлоса снова возникло странное чувство, что Матильда нависает над ним всей своей массой. Он еще не пришел в себя: слезы постыдно застыли на щеках, а на развороченных джинсах расплывалось липкое теплое пятно. Маленькая женщина у дверей опустила брови и прикрыла – словно на секунду притушила – глаза. И тут закричала Матильда. Женщина в халате вздрогнула и попятилась, а Карлос вскочил. Матильда кричала так, как будто поднимала голосом тяжесть. Это был не протяжный долгий крик, а множество коротких рычащих звуков, заканчивающихся пронзительным взвизгиванием. Карлос метнулся к двери, но на ходу оглянулся. Лицо Матильды жутко перекосилось, огромная, оставшаяся голой грудь подпрыгивала вверх и грузно падала вниз, потому что Матильда резко, в такт своему крику, приседала и выпрямлялась. Краем глаза Карлос заметил забившегося в угол и накрывшегося пеленкой дрожащего карлика. Наверное, подумал Карлос, так и надо. И снова ощутил во рту вкус выкрашенного дерева. Маленькая женщина решительно ухватила Карлоса за рукав, вытянула из комнаты и захлопнула дверь. Удивительно, но крик сразу же прекратился. Женщина прислушалась, кивнула своим мыслям и посмотрела на Карлоса. Она заметила пятно на его джинсах и, чуть приподняв подбородок, усмехнулась.

– Что, понравилась тебе Матильда? – громко, так, чтобы было слышно в другой комнате, спросила женщина. – Ладно, можешь не отвечать. Она ведь тоже, как – никак, из МоцЦартов... Хочешь у нас работать? Ну, может, не так, как этот ее Зизи, но здесь, в доме, на всем готовом. А то Леди не справляется. Пока на время, а там посмотрим. Ну, хочешь?

Карлос неопределенно кивнул. Сейчас он и сам не знал, чего именно ему хочется. Стоило крику прекратиться, как он сразу же понял, почему кричала Матильда и что означали ее странные приседания. Однажды – очень давно – так кричала и двигалась его мать... Поэтому его не смутило то, как резко изменилась Большая женщина. Его не смутило даже то, что переполнявшая его недавно свободная сила куда-то ушла, а новой он так и не получил... Карлос кивнул головой еще раз: конечно, он готов остаться в этом доме. Даже бесплатно.

– Хорошо, – сказала женщина и, покосившись на дверь, заговорила вполголоса – очень хорошо. Сейчас идем вниз на кухню, я представлю тебя Леди. А ты... – она запнулась, – ты действительно знаком с Билли? Знаешь, где он сейчас?

Было понятно, что она спрашивает про того убежавшего Очкарика. Карлос понятия не имел, куда тот мог подеваться, но почему-то опять утвердительно кивнул. Женщина внимательно посмотрела Карлоса в глаза и прошептала, что тогда визит к

Леди отменяется. Он должен помочь ей найти Билли. Из комнаты, где осталась Матильда, не доносилось ни звука. Ну что ж, искать Очкарика, так искать. Женщина снова ухватила его за рукав и быстро повела по бесконечному коридору, в маленький круглый зальчик – не больше их комнаты в Бронксе. Здесь стояли несколько растений в кадках и пара кресел. Женщина приказала ему подождать, и Карлос покорно опустился на мягкое сидение. Сама же она юркнула обратно в коридор и скрылась. Мокрые брюки раздражающе прилипли к ноге, но Карлос не шевелился. Ему вспомнилась мать со старой деревянной Богородицей в руках, сразу же после того, как он... Мать тогда кричала, что его разобьет молнией, что он сгорит в аду и много чего еще. И заставила целовать грубо вырезанные из дерева ноги. Тогда он, конечно, не знал, чем все это для него обернется...

Маленькая женщина появилась перед ним неожиданно, и Карлос даже не сразу узнал ее: в джинсах и куртке она напоминала подростка, только лицо с заметным слоем пудры выдавало возраст. Женщина затормозила Карлоса, и он побежал за ней к лифту. Когда покрытый мягкой тканью пол кабины дрогнул и пошел вниз, Карлос легко усмехнулся своей недавней глупости. Теперь-то он это понимает. Лифт – это только так, игрушка, которая мотается туда-сюда, что-то вроде холодной деревянной Богородицы, а вот то, что им управляет... Поэтому он даже не удивился, когда невидимая сила вдруг резко и тяжело опустилась на его плечи, прижимая к полу. Раздался железный скрежет, и кабина остановилась. Удержаться на ногах не было никакой возможности. Карлос упал набок и с удивлением увидел, что на него падает маленькая женщина. Она больно ударила его локтем в живот, вскрикнула и отлетела в сторону. И тогда раздался нечеловечески громкий, заполнивший всю кабину голос:

– Вы куда это собрались, а? Не уйдете!

У Карлоса все поплыло перед глазами: ему показалось, что материнское предсказание сбывается, что деревянная статуэтка, над которой он так надругался, выросла до размеров дома и склонилась над ним, скорчившимся в кабинке лифта, огромную тяжелую голову. Иисус Мария!

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Маленькая женщина резво вскочила на ноги, перешагнула через застывшего Карлоса и, чуть скривившись, наклонилась над пультом с множеством кнопок.

– Какого черта? – закричала она в никуда. – Убить меня хочешь, что ли? Немедленно разблокируй лифт, слышишь! Матильда, не доводи меня...

– Мама, – сказал тот же заполнивший кабину голос, – если ты позволяешь себе вмешиваться в мои дела, то и кричать не нужно, когда... Поднимайтесь обратно! Я не допущу, чтобы у меня отбирали мои игрушки!

– Я знала, – тихо произнесла Маленькая женщина, – эта идиотка... Не нужно было пускать ее вчера на выступление. А теперь она совсем... К черту Матильду!

Она посмотрела на Карлоса так, как будто он, посторонний, стал свидетелем чего-то постыдного, что и своим-то не показывают. Потом махнула рукой и снова повернулась к панели с кнопками. Изменившимся спокойным и властным тоном она воззвала к невидимому швейцару, приказывая ему разблокировать лифт. Подобострастный голос извинился и попросил подождать только одну секундочку. Что-то зашуршало, щелкнуло, и лифт, дрогнув, двинулся вниз. Карлос неуклюже поднялся на ноги и посмотрел на Маленькую женщину. Сейчас она показалась ему плотно закрытой кастрюлькой, только что снятой с большого огня. Что там в ней бурлило и рвалось наружу, он не знал, но подозревал, что стоит только снять крышку, как его

основательно ошпарит. После всего случившегося – вернее, *не* случившегося – там, в душевной солнечной комнате, Карлос вдруг почувствовал себя ослабевшим и растерянным. Зачем он выдумал, что знает, где находится этот Очкарик? Почему ему нужно куда-то тащиться за этой волевой энергичной бабой? Лучше бы его оставили наверху...

Динамик снова ожил; голос Матильды на этот раз был мягким, вкрадчиво ласковым. Она обращалась к нему, к Карлосу. Он расслышал только мурлыкающий обрывок фразы и представил себе огромную мягкую грудь, от которой ему опять пришлось оторваться. Лифт остановился, и перед ними возник бормочущий извинения швейцар. Маленькая женщина даже не взглянула на него и стремительно поволокла Карлоса на улицу. Он хотел разозлиться на бесцеремонную Маленькую женщину, но почему-то не смог. Хотя остатки обретенной утром силы еще не совсем исчезли, Карлос чувствовал, что их необходимо сохранить для чего-то большого, серьезного и важного.

Они выбрались на Пятую авеню, и Карлос застыл в изумлении. Он совсем забыл, что существуют, оказывается, красивые городские улицы, полные довольного и беспечного народа и даже женщин – больших и маленьких, худых и толстых, белых и не очень. И все они вели себя так, словно ничего, ну совсем ничего не изменилось, и никакие загадки не разгаданы. Значит, все, что он пережил и в парке, и там, наверху, – какая-то дешевая ерунда! Его подло обдурили! Или он сам себя обдурил? Как будто после сеанса в кинотеатре, где было все – и невероятные страстные красотки, и яркое солнце с яхтами и пальмами, и легкий – без тягот и досады – успех, и, главное, уверенность: как бы там ни было, все обязательно закончится хорошо. А потом – торопливая толпа на выходе из зала и нудный серый день, которому наплевать на все эти киношные штучки! Только в кино-то он понимал, что его дурят, а сейчас... Ничего, совершенно ничего не изменилось! Обычный день и обычные люди. Да, его обманули... Карлосу внезапно захотелось вернуться в знакомую и безрадостную Мексику. Там, по крайней мере, ему никто ничего не обещал. Там, в знакомом до каждой трещины на потолке покосившемся доме до сих пор стоит облезлая материнская статуэтка...

Карлос бездумно поплелся вниз по Пятой авеню. Все недавнее напряжение, все его переживания куда-то отлетели, и осталась только белая бесконечная грудь, по которой он сейчас шел как по тротуару. В памяти не осталось ни прохладного запаха, ни легкого тела, ни горячего шоссе... Я же взрослый мужчина, вяло подумал Карлос, зачем мне эта необъятная грудь? А может действительно вернуться домой? Мимо шли женщины – много женщин, но ни одна из них ни трезвым взглядом, ни выхолощенной мужской походкой не могла бы сейчас заинтересовать Карлоса. Он вспомнил, как ходил по улицам раньше – приглядываясь и принюхиваясь, – горько усмехнулся и, не останавливаясь, закурил. Но и вкус, и запах сигареты почему-то только возвращали вязкое прилипчивое воспоминание. Светилась она, как же! Корова толстая! Карлос бросил сигарету и с наслаждением придавил ее подошвой, прижигая колышущееся тело асфальта.

Только переходя улицу, Карлос обнаружил, что рядом бойко семенит Маленькая женщина. Она крепко держала его за рукав, и Карлос не понял, боится ли она потерять его в толпе или подозревает, что он может от нее сбежать. Женщина внимательно смотрела на него круглыми жесткими глазами, как будто наблюдала за действием принятого им лекарства. Ах, да, вспомнил Карлос, она же думает, что я приведу ее к Очкарику. Ему захотелось стряхнуть с себя эту цепкую руку и действительно куда-нибудь исчезнуть, раствориться в ничего не обещающей чужой толчее. Он снова подумал о Большой женщине, пославшей ему вслед неразборчивую ласку, и понял, что если сейчас сбежит, то навсегда потеряет возможность вернуться в *ту* комнату...

Размышляя о том, как ему следует поступить, Карлос заметил нелепого толстого старика в забавной шляпе с пером. Увидев Маленькую женщину, старик надул щеки, закивал головой, заулыбался и через минуту уже шел им навстречу. Он раскинул руки

так, словно пытался загородить им дорогу, и хрипло произнес что-то невнятное. Маленькая женщина остановилась; Карлосу показалось даже, что она хотела было свернуть в сторону, чтобы не встречаться со смешным стариком. Но тот уже положил пухлую ладонь на хрупкое женское плечо.

– Милая, – прохрипел старик, – я знать... э-э, гулять и знать! Только что из кирх... из церковь! Утренний церковь. Наш Вилли... он... это... Тьфу, мать твою!

Старик захрипел что-то на незнакомом Карлосу языке, но было видно, что он очень рад встрече и что, густо матерясь, старается выложить какую-то важную историю, случившуюся то ли с ним, то ли с Очкариком, которого, как понял Карлос, тот упорно называл Вилли.

– Привязался же на мою голову... – пробормотала женщина себе под нос, когда старик решительно взял ее под руку и покосился на Карлоса, которого она все еще держала за рукав. Старик поволок их обоих за собой, бесцеремонно расталкивая прохожих. Он больше ничего не говорил. Но когда поворачивал голову, по его широкому лицу было понятно, что он приготовил какой-то сюрприз и ужасно раздражен, потому что ему не хватает растрептанного английского, чтобы объяснить, насколько это важно. Карлос видел, что Маленькая женщина растеряна, рассержена и совсем не хочет идти со стариком, но не попытался вмешаться. Сам-то он не знает, где теперь искать очкарика Билли, так что этот толстый старикан попался очень даже вовремя.

– Давай-давай, – пыхтел старик, – блядская толпа! Суки! Еще... уже тут, почти! Если сказать – я сошел с ума, но если смотреть... Я показать вам наш Вилли! Сейчас-сейчас!

– Вы что, видели Билли? – встрепенулась маленькая женщина. – Да скажите же вы толком, герр Вольф!

– Именно, именно, это надо смотреть, – перебивая ее, закивал было старик, но закашлялся и, кроме хрипа и обещания порвать сраку какому-то подвернувшемуся пареньку с ручной тележкой, больше ничего от него невозможно было добиться. Маленькая женщина округлила глаза, и Карлосу показалось, что вот сейчас она вскипит, сорвется, и тогда... Но она ничего не сказала, только оглянулась на Карлоса, как бы прикидывая, нужен ли он ей еще или нет. Но руки его не выпустила. Они почти бежали по Пятой авеню в сторону центра, невольно вытянувшись цепочкой. Замыкавший цепочку Карлос со смущением подумал, что мало ему дурацких детских видений, так он еще и ведет себя как ребенок: послушно следует за энергичной Маленькой женщиной, позволяя ей вести себя за руку, как мальчишку.

Наконец они остановились перед каким-то высоченным собором. Старик, еще не отдышавшись, замахал руками в сторону тяжелых плотно закрытых дверей, вознесенных над толпой на пару десятков ступеней. Понятно было, что его сюрприз находится где-то там, внутри. Только ему не хватает дыхания, чтобы взобраться по широкой лестнице. Маленькая женщина с сомнением посмотрела на старика, потом на Карлоса и пожала плечами. Старик мычал, хрипел и взмахами рук посылал ее туда, наверх... а, может быть, и куда подальше. Уж больно яростной была его физиономия! Сам он грузно опустился на ближайшую ступеньку и попытался перевести дух. Маленькая женщина снова взглянула на Карлоса, потом коротким движением подняла и опустила руки, как будто стряхнула с них какую-то дрянь и, крикнув Карлосу, чтобы он позаботился о герре Вольфе, бросилась по ступенькам к входу в собор. Карлос краем глаза заметил, что она борется с тяжелой закрытой дверью и шагнул к старику. Тот тоже понаблюдал за судорожными движениями Маленькой женщины, потом вцепился в руку Карлоса и стал подниматься.

– Давай, быстро, наверх, – сказал он тоном, каким обращаются к чужой собаке и потянул Карлоса по ступенькам, кося на него глазом. – Хреновая лестница, – бормотал

он себе под нос, – хренов помогающий! Правильно, что не уехал тогда Мексика! Все бляди!

Когда они добрались до входа, маленькая женщина уже справилась с дверью и скрылась в образовавшейся темной щели. Карлос хотел подставить в эту медленно сужающуюся щель плечо, но старик пихнул его кулаком, на секунду застрял на пороге и, переваливаясь, поспешил в темноту. Собор был пустынным и изнутри казался еще больше. После шумной улицы уши Карлоса медленно привыкали к гулкой мрачноватой тишине. Широкий проход между строгими деревянными скамьями вел к освещенному невидимыми прожекторами далекому алтарю. В воздухе пахло пылью и давнишней, ставшей почти обыденной, тайной. Карлос еще ни разу не бывал в такой церкви! Маленькая старая церквушка в Гарлеме, в которую он заглядывал сразу по приезде в Нью-Йорк, была почти точным повторением той самой, куда по воскресеньям его гоняла мать и куда потом пришлось нести деревянную Богородицу. Да, подумал Карлос, может быть, если бы он с детства ходил в такой вот храм, то... Да, он готов поверить, что вот здесь и живет сам Бог. Здесь – да! Но не в маленьких душных халупах с облезлыми распятиями на стенах... И там, в солнечной комнате большой женщины, Он тоже мог бы жить. Вполне мог бы. Конечно, это не его, Карлоса, ума дело, но Бог-то ведь не дурак. Тоже, наверное, выбирает, где лучше...

Впереди, в одном из боковых приделов, раздался шум голосов. Карлос, решив, что нашли Очкарика, пошел туда, мягко наступая на каменные плиты. Он и сам не понимал, что с ним происходит. Вернее, не хотел понимать. Потому что получалось, что он, мачо, вдруг поплыл от женской сиськи, правда, очень большой, светящейся, наполненной неизвестной силой, но все же... И – обманули его или нет – он, переполненный благоговением, чувствовал странную родственную причастность к обитавшей здесь, в этом соборе, стародавней тайне. Во рту снова возник покаянный вкус деревянной статуэтки, но теперь он был сладковатым и мягким, как примирительный материнский подзатыльник... Сам себя дурю, – почему-то обрадовавшись, подумал Карлос, – ну точно – как дурачок Хозе!

В боковом приделе было немного светлее благодаря высокому узкому окну с бледным витражом. Карлос увидел старика, гордо сложившего руки на животе, и Маленькую женщину, застывшую в нелепой позе, как будто на краю неожиданной пропасти. Заметив Карлоса, старик хихикнул и заговорщицки ему подмигнул:

– Я говорить, объяснять... Теперь она не верить! Эта Америка портит нашу кровь! Тьфу! Дерьмо стала, а не кровь! О, я знаю про кровь! Ну, – старик обратился к женщине и слегка подтолкнул ее локтем, – еще нужно доказательств? Смотри еще!

Маленькая женщина замотала головой и умоляюще взглянула на Карлоса. Он подошел поближе. Старик у них за спиной фыркнул и забормотал, что это штука древняя, четырнадцатого века или раньше, и тогда они знали, что делали... о да, знали! На них можно положиться, понятно? Карлос не понимал, о чем тот говорил, он смотрел на Маленькую женщину, в ее глаза, еще недавно четко очерченные и жесткие, а сейчас ставшие похожими на мягкие восковые шарики. Проследив за направлением ее взгляда, Карлос медленно обернулся и увидел глубокую узкую нишу, хитро освещенную невидимыми фонарями. В нише, на подставке, стояли три очень старых деревянных креста. Из-за недостатка места кресты были расположены один за другим, но так, чтобы распятые были видны стоящим у окна. Желтые лучи бесцеремонно били прямо в глаза повисшему на худых руках деревянному Иисусу, оставляя мутными лица разбойников на дальних крестах. Карлос не помнил, как их звали. Он и знал-то о их существовании только потому, что иногда после нудного воскресного чтения Евангелия злил мать вопросами о том, почему каких-то бандитов распяли вместе с Божьим сыном. Получается, что быть бандитом не так уж позорно? Мать сердилась и кричала на него... Ну это ладно, а при чем тут Очкарик?

Карлос взглянул на Маленькую женщину и старика и увидел, что старик, похлопывая себя шляпой по животу, широко улыбается большими голубоватыми губами, а женщина как-то сразу стала немолодой и потухшей, со скорбным, непонимающим и покорным видом, и только краешек ее губ слегка подергивается. Карлос снова посмотрел на распятого Христа и вдруг сообразил, что же так поразило, расслабило и состарило эту, еще недавно такую собранную и энергичную, женщину. Из-под худосочного тернового венца слепо и скорбно на него смотрел Очкарик! И это было не просто отдаленное сходство. Это была совершенно точная копия лица Билли. Карлосу показалось, что он даже видит вмятинку от очков на переносице. Иисус Мария! Он вспомнил, что Большую женщину зовут Матильдой и поежился от нехорошего предположения: если здесь, на кресте, висит очкарик Билли, тогда эта женщина... Матильда... а может быть Мария?.. Сиська-то, оказывается, вот чья! А старик за спиной продолжал болтать что-то о крови, в которой он разбирается, потому что специалист, потому что в сорок третьем много работал по этой линии... К сожалению, довести работу до конца не удалось, не успел... Но он всегда знал, что там не было блядской еврейской крови, никак не могло быть... А теперь его предположения, его незаконченный труд... А, главное, семья... А тут – четырнадцатый век, мать его... Какие еще доказательства...

Карлос еще раз внимательно рассмотрел лицо Очкарика. Потом его взгляд скользнул в сторону, к разбойнику, выглядывающему из-за перекладки переднего креста, на секунду вернулся к Очкарику и опять метнулся к разбойнику за его плечом. Стоп! Ну-ка, еще раз! Голова второго распятого показалась ему тоже удивительно знакомой. Отраженный свет размывал детали, но Карлос и без них почувствовал, что его ноги медленно погружаются в мраморные плиты, ставшие упругими и розовыми, как грудь в вырезе темного платья. Вот тебе и сиська! Чтобы избавиться от этой зыбкости под ногами, про которую он не знал, хороша она или ужасна, Карлос бросился вперед. Больно ударив колено о каменный порожек, он запрыгнул в нишу. Деревянная фигура Очкарика опасно покачнулась вместе с крестом, но Карлос, не заметив этого, протиснулся мимо и оказался нос к носу с разбойником, распятым на втором кресте. Взгляд исподлобья, короткие, сильно наехавшие на лоб волосы, широкий нос... Это лицо он видел в зеркале всякий раз, когда брился! Карлос неуклюже попятился и толкнул спиной неустойчивый крест. Крест стал медленно клониться вперед, Карлос сообразил, что сейчас произойдет что-то ужасное и, в последнюю секунду, подхватил падающего на маленькую женщину деревянного Очкарика.

– Мадам, – закричал он, сам пугаясь своего голоса, – получается, что это я – разбойник! Выведите меня на улицу, мадам! Там это не действует! На улице ничего не действует, даже сиська! Выведите меня скорее!

Он понимал, что несет какую-то постыдную чушь, но остановиться не мог. Он и в самом деле верил, что стоит ему оказаться на улице – солнечной, шумной и обыкновенной, где нет никаких богов и распятых разбойников, как наваждение рассеется, пройдет... Там все пройдет... все, кроме досады. Но лучше уж пусть досада, чем этот вонючий откровенный страх. Он попал не на тот фильм и ему срочно нужно в туалет, на улицу, в Мексику, к черту... Карлос почувствовал себя кошкой, удирающей с цыпленком в зубах, которую прищемили дверью, и она не знает, чего в ней больше – страха перед преследователями, боли, разочарования от неудавшегося побега или радости от того, что хоть одной половиной она уже на свободе... Это была смешная торопливая агония: Карлос метался по тесной нише, стараясь найти устойчивое положение для тяжелого креста, норовящего вывернуться из рук...

Наконец Карлос в изнеможении прислонил крест к стене, прислонился к ней сам и стал медленно сползать вниз, цепляясь курткой за шероховатую кладку. Кричать он больше не мог. Тем более, что стоило ему замолчать, как он услышал, что эхо его

голоса, многократно отраженное в пространстве собора, все еще носится где-то в полутьме, как будто живет само по себе. Маленькая женщина так и застыла перед нишей с непонятым Карлосу выражением лица. А старик, прикрыв рукой рот, едко хихикал и шkodливо вращал глазами.

– Что вы тут делаете? – голос мог бы показаться Карлосу продолжением его собственного крика, но был значительно уверенней и выше. В арке придела, как в рамке, возникла высокая фигура в черном: детское жестокое лицо, возмущенные горящие глаза, маленький рот с закушенной нижней губой... Карлос попытался вскочить, выбраться из проклятой ниши, снова толкнул тяжелый крест, услышал хруст и слишком поздно обернулся. Прямо на него падал так напугавший его второй крест с разбойником. Карлос еще успел расслышать как монашка – не то в страхе, не то возмущенно – кричит ему, что он провалится, но не понял, о чем это она. Потому что от крепкого злого удара изображение у него перед глазами поплыло и сплющилось, открывая мягкую темно-коричневую подкладку. Вот оно что, – подумал Карлос и сразу же удивился тому, что еще в состоянии соображать. Вот оно как устроено на самом деле... – с умилением продолжал размышлять он, – оказывается, все так просто и совсем не страшно... Если б только я знал об этом раньше...

Карлос и сам не мог бы сказать, о чем это он, но испытывал удивительное облегчение, почти радость от пришедшего к нему непонятого понимания. Все, что случилось с ним до этой минуты, было просто ерундой, над которой теперь не стоило ломать голову. Но тут же он непривычно озаботился: слишком уж тихо и пусто было вокруг. Чего-то явно не хватало, и Карлосу вдруг стало страшно. Если он попал сюда, то, значит, Оно существует. Но если Оно существует, то почему он до сих пор барахтается в этом коричневом болоте?

– Да как же это?.. – не чувствуя губ, спросил он.

– А вот так! – ответили ему. – А ты что думал, мекс: обоссать Богородицу – это тебе шутки? А на Большую сиську рот раззевать? Понял теперь, в чем хохма? Почему тогда, в Техасе, Она исчезла? Нет, не понял? Козел ты, мекс, куккарача, а не мачо! В конце все дело, в конце. В твоём грязном задроченном конце! Вот и мотай отсюда! Открывай глаза, куккарача, понял, мать твою!..

Карлосу больно ожгло щеку, он с трудом разлепил глаза и тут же получил еще одну пощечину. Над ним покачивалась жирная морда ругающегося старика. Карлос попытался повернуть голову: совсем рядом, прижав ладони к вискам, стояла на коленях Маленькая женщина. Она хотела что-то сказать Карлосу, но тут в поле его зрения попала протягивающая к ним руки монахиня.

– О, Господи, – повторяла она почти шепотом, как заклинание, – да вылезайте же оттуда, немедленно! И, пожалуйста, осторожней!

– Да, – произнесла Маленькая женщина тем же тоном, каким говорила со швейцаром, – конечно, глупость какая! Герр Вольф, вы мне совсем голову заморочили. Лучше помогите ему встать, а я поставлю на место кресты.

Не слушая возмущенного ворчания старика и не обращая внимания на застывшую в позе отчаяния монахиню, она встала с колен и шагнула к задней стене ниши. Под ногами у нее гулко и хищно хрустнуло, взвилось облачко пыли и не успевший подняться Карлос почувствовал, как под ним дрогнул и стал наклоняться пол. В образовавшемся проломе мгновенно исчезли кресты, а за ними и Маленькая женщина. Было слышно, как где-то внизу глухо бьются о камень деревянные обломки. Монахиня тонко вскрикнула и, смятая крахмальную ткань чепчика, схватилась за голову. Карлос, лежа на косо уходящих вниз досках, ухватился за каменный порожек ниши, но вылезти не успел. Толстый старик деловито отодвинул в сторону легкую черную фигурку и склонился над Карлосом. Он уже не казался толстым смешным чудаком. Щеки ощутимо втянулись, губы побелели, а глаза блестели темно и сосредоточенно.

– Слышишь, ты! Давай, иди туда. Фрау нужен помощь, понял? Ну? Спускаться вниз, быстро, пидарас, мать твою! Доставай ее сюда. Она не очень хороший кровь, но это не твое дело, вонючка! Давай-давай, быстро!

Снизу раздался глухой стон. Старик, с досадой покачал головой и, развернувшись боком, резко и коротко ударил Карлоса в грудь. Не до конца пришедший в себя Карлос поперхнулся от острой боли, разжал руки и покатился в провал. И еще успел услышать, как старик крикнул монахине:

– Чего стоишь, блядь, скорую помощь зови, давай!

Карлос не успел испугаться, только шлепнулся задом об обломок креста и на мгновение задохнулся от пыли и деревянной трухи. Сверху продолжала сыпаться какая-то дрянь. К его удивлению, там, куда он попал, было достаточно светло – под сводчатым морщинистым каменным потолком горела небольшая лампочка. Карлос осторожно встал, посмотрел вверх, но ничего, кроме свисающих досок, не увидел – и наклонился над лежащей с закрытыми глазами Маленькой женщиной. Когда Карлос решился дотронуться до ее щеки, женщина мгновенно, как будто только и ждала этого прикосновения, открыла совершенно трезвые круглые глаза, перевернулась на бок и быстро села. Карлос хотел сказать ей, что пугаться не следует, что сейчас им помогут, но вместо этого жалко улыбнулся и показал рукой вверх.

– Кажется я подвернула ногу...

Ее голос быстро покатился куда-то вдаль, и Карлос только сейчас сообразил, что они находятся в довольно высоком коридоре, один конец которого погружен в темноту, а другой, наоборот, освещен редкой цепочкой скрывающихся за поворотом лампочек. Женщина оперлась на его руку, встала и, наступив на левую ногу, поморщившись. Она тоже взглянула вверх, скривилась и покачала головой.

– Какая глупость! – пробормотала она. – И все этот идиот-родственничек...

Сверху раздался не то кашель, не то смех и, как будто в ответ, идиот-родственничек поинтересовался, жива ли она. Потом он выругался и сказал, что сейчас придут пожарные и скорая помощь, а с ними и полиция. Тут старик секунду помолчал, а потом добавил, что сам, увы, не может оставаться здесь, тому есть причины... словом, он очень торопится. Да-да, очень! Блядская жизнь, что подделаешь! Но она может быть спокойна – ее обязательно спасут.

– Увижу вас позже, – гаркнул он напоследок, и на них посыпались остатки трухи и пыли. Женщина скривилась и опять напомнила Карлосу закипающую на огне кастрюльку. Она уже собралась прокричать что-то в пролом, даже рот открыла. Но в темном конце коридора раздался громкий шорох, и Маленькая женщина – как была, с открытым ртом – замерла. Шорох повторился, и Карлос увидел, как остановились – снова становясь восковыми – ее глаза, прикованные к чему-то за его спиной. От ужаса на ее лице Карлос тоже окаменел. Он хотел повернуть голову, чтобы увидеть то, что видела Маленькая женщина, но не мог заставить себя это сделать. Перед глазами поплыла недавняя коричневая пелена, но закрыть их Карлос тоже не посмел. Он не хотел больше слышать тот Голос, безнаказанно называющий его «мексом» и «куккарачей». Тут в горле у женщины что-то заклокотало, и из все еще раскрытого рта вырвался такой вопль, что ноги Карлоса подкосились. Женщина странно и смешно подпрыгнула, попыталась было ухватиться за него, но вместо этого только взмахнула руками и побежала по освещенному коридору, оставляя за собой шлейф собственного крика и страха.

Карлос замер, не зная, что ему делать, но тут же почувствовал легкое прикосновение к своей кроссовке. Он опустил глаза и тут же подпрыгнул, совсем как Маленькая женщина. Большая серая крыса с отвратительно-розовым веревчатым хвостом отлетела недалеко в сторону, но не убежала, а встала на задние лапы и громко требовательно запищала. Карлос медленно повернул голову и увидел еще несколько огромных крыс, деловито помаргивающих емумышленными глазками. Первые

несколько шагов он сделал медленно, как будто шел по стеклу. Но потом не выдержал и рванул изо всех сил. Он никогда не спрашивал себя, боится ли он крыс; он не боялся людей – и этого было достаточно. Но теперь... Мачо? Ему не хотелось произносить это слово даже мысленно...

Он легко догнал задыхающуюся Маленькую женщину и теперь почти волочил ее на себе, не давая упасть, а она, намертво вцепившись в его рукав, как бы подталкивала его своим непроходящим страхом. Светлый коридор быстро закончился и сменился полутемным наклонным проходом. Потом они пронеслись по странной и гулкой трубе. Потом – но уже значительно медленней – спустились куда-то по жидкой железной лесенке. И еще один коридор... Карлос выбивался из сил, спертый подземный воздух застревал в глотке, но женщина тянула его все дальше и дальше. Чувствовалось, что она просто не может остановиться. Хотя и бежать тоже уже не может. Из ее раскрытого рта вырывался какой-то хриплый писк...

Наконец они одновременно споткнулись, чуть не упали, и Карлос увидел под ногами легко вибрирующий рельс. Еще не разобрав, куда они попали, он втянул в себя электрический запах разогретых проводов, звенящую шмелиную ноту трансформаторов и понял, что из какого-то бокового туннельчика они выскочили прямо на полотно подземки. Тут же его догадка подтвердилась: поднялся сильный, всегда сопровождающий появление поезда ветер и по глазам ударил близкий и резкий свет фар. Карлос вздрогнул, подхватил оседающую на землю женщину и кинулся в сторону, стараясь найти коридорчик, по которому они сюда пришли. Но, ослепленный ярким светом, он только беспомощно тыкался в опутанные кабелем стены. Тогда, понимая, что ничего не получится, что их, возможно, заденет, он резко толкнул Маленькую женщину и прижал ее к стене так сильно, как только мог. Распластанная женщина неожиданно спокойно посмотрела ему в близкие глаза и даже, кажется, улыбнулась.

– Давно меня никто так не обнимал... – прошептала она, обдавая его запахом перегоревшего в легких воздуха, но конца фразы Карлос не услышал, потому что все пространство туннеля заполнилось визгом и лязгом: поезд экстренно тормозил. Карлосу почудилось, что этот грохот еще сильнее придавил его к женщине, он почувствовал какое-то неуместное ее шевеление и собственную ответную дрожь. Нет-нет, он прекрасно помнит Голос из пустой коричневой трясины! Он приблизил губы к маленькому уху и спросил, не надеясь, что его услышат:

– А правда, что Ее зовут Матильда?

Должно быть, она не услышала его, потому что только улыбнулась, кивнула и слегка отодвинулась. Поезд остановился, лязг унесся вперед по туннелю, а прямо перед ними, почти на уровне груди Карлоса, отблескивали нержавеющей двери светлого безмятежного вагона. Карлос оглянулся, вздохнул и с силой, просунув пальцы между резиновыми прокладками, раздвинул половинки дверей так, чтобы женщина могла протиснуться вовнутрь. Конечно, она не расслышала его вопроса. Да он и сам не знал, почему спросил ее об этом. Раздался короткий гудок. Карлос заторопился, помог Маленькой женщине забраться в вагон и сам запрыгнул следом за ней.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Билли показалось, что водоворот событий, в который он угодил, если и не выпустил его окончательно, то, по крайней мере, перестал бешено кружиться. Во-первых, Билли привык доверять тетушке Эллиен, и даже ее невероятное появление в поезде метро было, конечно же, свидетельством существования некой силы, не всегда понятной, но, безусловно, всегда разумной. Почти все время, начиная с того момента,

когда он вывалился из такси Харона, или даже еще раньше, в Центральном парке, Билли казался себе неудачливым воришкой, стянувшим с прилавка пакет, но из-за погони не имеющим возможности удостовериться, что кража стоила и риска, и бешеного бега, и вообще имела хоть какой-либо практический смысл. Может быть, думал Билли, глядя в знакомое ошарашенное лицо, может быть весь смысл и заключен именно в азарте погони? Даже если пакет, который он бережно прижимает к себе – его непонятный Дар – набит никчемной бумажной трухой, азарт не становится меньше, как не меняется и сам факт воровства, и злость рассвирепевших преследователей. Без всякой жалости Билли вдруг вспомнил Харона и подумал, что это Харон и назойливая хозяйка кота сошли с ума, а вовсе не он. Потому что ничего, кроме их нелепого поведения, да еще его постыдной непрекращающейся эрекции и очевидно связанных с ней видений, Билли теперь странным не казалось.

Тетушка устало опустила на сидение рядом с Билли и покачала головой. Возле нее, диковато оглядываясь по сторонам, все еще стоял знакомый мексиканец. А этот-то откуда здесь взялся?

– Знаешь, – сказала тетушка в пространство, – я совсем не удивлена. Абсолютно! Даже наоборот. Я сразу поняла, что этот сумасшедший немецкий родственничек приведет нас к тебе... Да ладно, это неважно. Главное, сейчас мы вернемся домой и во всем разберемся. Я вообще начинаю думать, что самое разумное теперь – оставить все наши попытки... Слышишь, Билли? Наверное, тебе следовало бы жениться. Может быть, твои дети... Ах, впрочем, оставим и это! Я неимоверно устала и разнервничалась. Ничего не хочу слышать! У нас будет время все обсудить. Мы едем домой!

Поезд тронулся и стал набирать ход. Неожиданно ожил динамик, и вежливый, четко выговаривающий каждое слово голос попросил извинения за экстренную остановку и связанные с ней неудобства. Голос помедлил и сообщил, что следующая остановка... Послышалось какое-то позвякивание, потом в микрофон хмыкнули и совсем другой голос иронично заявил, что следующая остановка уже не будет экстренной!

Вагон покачивался, слегка кренясь на правый бок, свет помаргивал, а легкий сквознячок бесцельно гонял по грязному полу мелкий беспризорный мусор. Карлос, изо всех сил пытающийся прийти в себя, обнаружил, что топчется перед Маленькой женщиной и Очкариком как назойливый нищий попрошайка. А они, кажется, отводят от него глаза, как и полагается приличным гражданам, запертым в вагоне с наглым неотвязным и опасным типом. Карлос помедлил, независимо взглянул на Очкарика, но почему-то сесть рядом не решился, сделал шаг назад и опустился на скамью напротив. Очкарик выглядел утомленным, сонным и вообще каким-то несчастным. Маленькая женщина задумчиво смотрела в темное, с проблесками редких огней, окно вагона. Если бы Карлос не знал, что она совсем недавно проваливалась в подвал, в ужасе бежала по подземным коридорам, а потом так странно прижималась к нему в туннеле, то... Впрочем, и сам он тоже хорош: кричал на всю церковь, убегал от каких-то несчастных крыс... И ничего. Сидит себе в обычном вагоне обычного метро. Скоро будет остановка, и никто из вошедших никогда не догадается по его лицу о том, что с ним приключилось. Но, может быть, подумал Карлос, и с теми, кто войдет в этот вагон, тоже произошло что-то невероятное, просто люди по привычке зачем-то скрывают друг от друга свои простые и страшные, большие и маленькие события. И это понятно. Хорош был бы он, начни рассказывать – хотя бы вот этой Маленькой женщине! – о том, что говорил ему Голос в бархатной коричневой темноте... Карлос вдруг умилился. Все становится на свои места, только у него не хватает мозгов сообразить, как именно. Да и ни у кого бы их не хватило! Просто все, что с ним случилось, и должно было случиться. И в церкви, и в комнате у Матильды. Или даже, может быть, еще раньше – там, на тexasской дороге. Точно этого знать нельзя. Можно только почувствовать. Но, главное, они сейчас едут туда, к Матильде. Все вместе, потому что Карлос им не чужой. Не зря

же в церкви они с Очкариком рядом висят! Умиление было готово растаять в слезах, но Карлос сдержался и со значением посмотрел на Маленькую женщину. Ах, как важно знать, что ты уже не сам по себе!..

Забытый было кот вспрыгнул на колени к Билли, подозрительно принюхался, но устроился поудобнее и принялся изучать тетушку Эллен неподвижным глубоким взглядом. Билли обрадовался верному коту – оказывается, он успел к нему привязаться. Кроме того, Кузейро очень удачно расположился у него на коленях. Тетушка, конечно, сосредоточилась, ушла в себя, но Билли был уверен, что заметь она... Да ведь она же совсем ничего не знает! Ну почему все так сложно? Он и себе ничего не может объяснить, а уж тетушке с ее здоровым, трезвым взглядом... Билли погладил кота и искоса посмотрел на тетушку. Занятно: она, скрывая изумление от их встречи, решив отложить все разговоры до дома, спокойно и терпеливо сидит в вагоне метро, даже не интересуясь, куда этот поезд направляется. И сам он тоже этого не знает. Вот и славно. В конце концов, какая разница. Сейчас будет остановка, они поднимутся наверх, на улицу, остановят такси и... При мысли о такси Билли поежился. Впрочем, он был уверен: когда рядом тетушка Эллен, никаких неожиданностей произойти не может. Не может? А как же его последнее выступление? Билли снова покосился на тетушку, но понял, что сейчас не время для расспросов и опустил руку на большую теплую голову Кузейро.

Поезд все шел и шел. Вагон покачивался, и Карлосу стало казаться, что он потихонечку, незаметно для себя, проваливается в сон и снова выныривает обратно. Конечно, все потрясения этой беспокойной ночи свалят с ног кого угодно. Но все же... отчего это поезд так долго добирается до следующей остановки? С ним часто случалось так, что подкравшийся сон скрадывал время, но Карлос еще никогда не слышал о том, чтобы случалось наоборот. Карлос вспомнил странное заявление кондуктора, напряг мышцы, чтобы окончательно сбросить оцепенение, и посмотрел на сидящую напротив парочку. Да нет, ему показалось! И Маленькая женщина, и Очкарик не выглядели обеспокоенными. Она по-прежнему строго и сосредоточенно смотрела в окно, а ее племянник, кажется, беспечно задремал. Карлос решил, что в своем новом состоянии родства с этими людьми ему совершенно незачем дергаться. И, хотя он уже довольно давно жил в Нью-Йорке, Карлос вдруг остро ощутил, каким неприкаянным чужаком в этом мире гринго он был до встречи с ними. Нет, скорее даже не чужаком, а просто солдатом, вернувшимся со страшной кровавой и бессмысленной войны. Пока он там жил в грязи и вони, прятался от пуль и убивал сам, здесь ели мороженое, смеялись и обсуждали свои мелкие и незначительные новости. Надо же! Ведь он давным-давно мог бы оказаться рядом со светящимися белыми женщинами! Он воевал эту свою войну просто потому, что не знал, в какой стороне они находятся, потому что не догадывался: если он и разбойник, то, оказывается, распятый рядом с... С Очкариком?

От толчка Билли задел плечом тетушку, которая оторвала невидящий взгляд от окна и вопросительно на него посмотрела. Поезд подходил к остановке, и Билли приподнял на руки задремавшего кота. Тетушка Эллен скривилась и покачала головой. Билли знал, что она не очень любит животных, по крайней мере, в детстве никогда не разрешала ему завести собаку. Но теперь уж это не ее дело. Не бросит же он несчастного Кузейро здесь, в вагоне! Билли прижал тяжелого Кузейро к груди и встал. Черт, занявшись котом, он совсем забыл о... Но тетушка Эллен, кажется, даже не заметила его непроходящей ненужной эрекции. Выражение ее лица ясно говорило о том, что минутная слабость прошла, и она снова готова действовать и принимать решения.

Поезд выскочил из туннеля на освещенную платформу и остановился. Двери, всхлипнув, раскрылись, и Билли вдруг с некоторым удивлением обнаружил, что это та самая станция, на которой... Даже если бы у него были хоть малейшие сомнения на этот счет, то они тут же бы исчезли, потому что на платформе, внимательно

вглядываясь в окна вагонов, стояла в своей нелепой шляпке Пегги Сольерри. В пустом вагоне прятаться было негде, да Билли и не успел бы спрятаться. Кроме того, сейчас рядом находилась тетушка, и ему даже стало любопытно посмотреть, как она расправится с полоумной неотвязчивой дамочкой. Кузейро, увидев хозяйку, мявкнул и полез к Билли на плечо. Пегги кинулась к открытой двери, влетела в вагон и замерла рядом с Билли. Она улыбалась, широко показывая десны и напружинив жилы на несвежей шее. Билли показалось, что сейчас Пегги расплачется, то ли умиленно, то ли обиженно.

Но Пегги не расплакалась. Она протянула руки к Кузейро, коснулась его нервно подернувшегося уха, отступила на шаг и, чуть наклонив голову, теперь разглядывала Билли с котом на плече как художник, сделавший первые примерочные мазки.

– Ну вот, все правильно, – заявила она и оглянулась на тетушку. – Они обязательно должны быть вместе, верно? А я, вы понимаете, жизни не пожалею... Вот, спросите у него самого.

Тетушка Эллен неторопливо подошла поближе. Она тоже внимательно, но коротко осмотрела Билли и кота и повернулась к Пегги.

– Милая, – сказала тетушка, презрительно скривив губы, – а вы, простите, кто такая? Это что – новая форма нищенства? Приставать к незнакомым людям просто неприлично! Билли, – она обернулась, и Билли заметил, что тетушка изрядно растеряна, – поторапливайся, мы пропустим свою остановку!

– Да вы что, не понимаете? – Пегги вроде бы смутилась, но лицо ее тут же отвердело и приобрело четкие и упрямые формы. – Это же я – Пегги Сольерри! Как вам не стыдно! Это же я, именно я помогла ему...

Она отступила на шаг, оглянулась, как будто примеривалась, хватит ли ей места, потом резко, рывком приподняла подол платья, открывая молочно-белые в желтоватом вагонном свете ноги, и наклонилась, так что ее шляпка свалилась на грязный пол.

– Ну, – сказала она онемевшей тетушке, – видите? Смотрите-смотрите! Ну, – Пегги повернула к Билли покрасневшее лицо, – давай, покажи ей! Ну же?

Билли был настолько заинтересован тем, как поведет себя тетушка, что даже не отодвинулся. Но, к его удивлению, тетушка больше ничего не сказала. Только ее круглая щека чуть дернулась. Билли показалось, что он помнит это выражение, что именно так давным-давно она смотрела на него, застывшего в ванне в неудобной и унижительной позе. Но сейчас, вместо стыда, неловкости или раскаяния, Билли внезапно ощутил резкое раздражение и, чувствуя, что внутри раскручивается жесткая пружинка наплевательского упрямства, резким движением соединил себя с сумасшедшей Пегги, спрятал в ее скользком тепле неподвластную ему наконец-то выстроенную башню деда МоцЦарта. Он услышал, как вместе с толчком Пегги громко выдохнула, как будто она была туннелем, а он – поездом, который гонит впереди себя упругую подушку разогретого воздуха. Билли толкнул ее еще раз, и Пегги снова негромко ахнула. И тогда он понял, что он и вправду – мчащийся в темноте поезд, и что вдалеке вот-вот покажется светлое пятно станции, конечной станции...

Карлос не мог понять, что происходит: неожиданно появившаяся женщина в шляпке совершенно точно относилась к числу тех равнодушных пассажиров, которым нечего делать в их семейном кругу. К тому же она не была ни маленькой и хрупкой, ни большой и высокой. Она была посторонней, другой. Когда Другая женщина бессовестно прилипла своим заголенным задом к Очкарику, Карлос вздрогнул: он вспомнил, как в рассветной полутьме стоял на коленях перед открытым багажником, а Очкарик пытался удержать над пропастью ту грязную шлюху. О, Иисус!.. Карлос вдруг увидел, как меняется лицо Очкарика. Сначала оно совсем потеряло выражение, как будто было из воска, и близкое пламя сплавило черты в выпуклую прозрачную каплю. А потом пламя отступило, и мягкий воск перелился в другую, смутно узнаваемую Карлосом форму. Но это был уже не Очкарик, может быть, вообще не мужик, а нечто

совсем другое... Что именно, Карлос понять не мог. Только когда перед глазами снова поплыла глубокая коричневая мгла, он с жутковатым восторгом сообразил, что видит лицо Того, Кто говорил с ним из темноты... Вот сейчас я снова услышу Голос, сказал себе Карлос. Но больше ругаться и выгонять меня не будут, потому что... Потому что... Карлос не знал почему и даже задумываться не хотел, боясь спугнуть, разозлить и потерять что-то безумно важное, хотя и простое, – что-то такое, до чего ему самому никогда не дойти. И Голос заговорил.

– Эй, – сказал он, – ты чего уставился, куккарача? Ты бы и сам ее сейчас оприходовал, а? Или ты только по сиське соскучился? Ну ладно, ладно! Иди, давай, пристраивайся, мекс! Только не обоссы, как мамкину Богородицу, а то яйца оторву, понял! Она баба сладкая, ты такой не пробовал... Видишь, как дышит! И волос у нее... хе... не больше, чем нужно. Давай, вперед!

Карлос наступил на валяющуюся на полу шляпку и хотел сделать еще один шаг, но тут Голос, не меняя интонации, произнес:

– Только, куккарача, если успеешь. Потому что... следующая станция – Бродвей-Лафайет!

Динамик захрипел, закашлялся, и Карлос, не чувствуя под собой ног, опустился на колени, оказавшись лицом к лицу с сопящей раскрасневшейся Другой женщиной. Казалось, она ждала его, потому что грустно и ласково посмотрела в глаза, приложила к его лицу обе ладони и хотела что-то сказать. Но не произнесла ни слова, а только крепче сжала влажные пальцы... Что ей от него нужно?

Поезд, туннель, свет, пыхтение и лязг, близящаяся станция... Билли, даже перестав соображать, предчувствовал, что все кончится почти так, как и в такси – вернее, никак не кончится. Ничего, кроме раздражения! Хватит с него! Никакие откровения не стоят того, чтобы с ним так играли! Что ему на самом деле нужно? Ощущение значимости? Собственного великого предназначения? Наплевать ему на все эти появляющиеся и исчезающие Вселенные, важные и непонятные слова и поступки непонятных и чужих ему людей! Билли с отвращением оттолкнул от себя Пегги, и она от неожиданности повалилась на сидевшего на полу мексиканца. А Билли вдруг обнаружил, что стоит прямо перед тетушкой Эллен с направленным на нее, как пика, членом. Ну вот, подумал Билли, ну вот и хорошо. Прекрасно! Все повторяется. И я знаю, что делать! Он уже почти видел, как по светло-голубым тетушкиным джинсам потечет свидетельство его... нет, на сей раз не юношеского стыда, а, наоборот, зрелости, умения принимать решения. Отказывается он от Дара. Категорически отказывается!

Билли энергично задвигал рукой, глядя тетушке прямо в лицо, по которому удивительно быстро скатывались мутные капельки слез. И Пегги, и мексиканец сдвинулись куда-то на краешек сознания, их как бы и не было вовсе. Остались только тетушкины неподвижные глаза, прозрачные, как вода в бассейне, где он так испугал в последний раз бедную Изабеллу... Потом исчезли и глаза, а вместо них Билли увидел столь ему теперь ненавистный туннель и знакомое лицо бездомного. Билли захотел вынырнуть, остановить свою, оказавшуюся неугомонной, руку, но вдруг передумал. Бездомный неразборчиво, почему-то с интонациями Харона, наговаривал прямо в ухо, чтобы Билли потерпел, что Завет заключали и заключают, причиняя боль и проливая кровь, но ему... Ему-то нужно только отпустить руку, немедленно отпустить руку, иначе все снова накроется медным тазом, и даже его безопасность не может быть гарантирована... Нельзя этого делать всеу! Нельзя! Ну же, прекрати!

Физиономия бездомного стала быстро бледнеть, расплываться и, неожиданно превратившись в белесые брызги, разлетелась по всей Вселенной... Билли передернуло, и он снова увидел перед собой тетушку Эллен. Не зная, как бороться с охватившей его слабостью, Билли вяло вытер руки о фалды фрака, поискал глазами следы на тетушкиных джинсах, но не обнаружил. Тогда он опустил глаза ниже и тут же отвел их

в сторону: ненормальная Пегги сидела на полу и жалко улыбалась. Ему стало противно. Ну вот и все, подумал Билли. Теперь нужно только попасть домой, забраться в постель, заснуть и забыть все к чертовой матери! Он устал и больше ничего не хочет!

Карлосу, когда он увидел, что делает подлый Очкарик, стало не по себе: настоящему мужчине отвратительно такое зрелище! Сколько раз он бил дурачка Хозе за эти же самые вонючие игры! Конечно, Очкарик тоже не совсем нормальный... Но все же... уподобляться дурачку Хозе, глупо дергая себя за конец в присутствии отдавшей ему женщины, может только полный идиот! Карлос, придавленный неуклюжей посторонней бабой, стал судорожно вылезать из-под нее, но плотное обмякшее тело не отпускало. Понимая, что Очкарик вот-вот опозорит и его самого, Карлос тонко взвизгнул и по-звериному – так что свело скулы – укусил тяжелую женщину за щеку. Она вскинулась и села, загородив собой омерзительную картину. Карлос перевернулся на живот, подтянулся и, стараясь отползти подальше, неожиданно уткнулся в острые колени Маленькой женщины. Он посмотрел на нее снизу и вдруг сообразил, что все – и только что образовавшееся умиленное родство, и его многообещающая принадлежность к кругу сияющей Матильды, и даже страшноватый Голос из коричневой темноты – все это распадается на мелкие кирпичики отчаяния и злобы. Почему-то его опять выбрасывают в одиночество холодного и безразличного мира, того самого, в который неизбежно возвращаешься из обволакивающей темноты зрительного зала... По лицу Маленькой женщины текли слезы, но не такие, как обычно бывают у плачущих обиженных женщин, и даже не такие, как у столько раз битого им Хозе. Карлос увидел, что ее слезы совершенно непрозрачные, густые и белесые, сползающие по круглым неподвижным щекам как унижительный плевков. Карлос поднялся на колени; он никогда не видел таких слез, он не хотел видеть Маленькую женщину плачущей такими слезами! Потому что именно они, как показалось Карлосу, безжалостно отрезали его от большой светящейся груди, от принадлежности к тому, что так пронзительно хорошо, хотя и не его ума дело...

Маленькая женщина не замечала Карлоса, и только смаргивала тугую мутную влагу. Может быть, с надеждой подумал Карлос, еще не все потеряно? Дурак-Очкарик, конечно, напрасно шалит, но ведь не значит же это, что... Он открыл было рот, чтобы сказать Маленькой женщине, что это не беда, что все еще можно поправить... Но ничего сказать не успел: необычная тягучая слеза, добравшись до подбородка Маленькой женщины, покачнулась и тяжело упала в его раскрытый рот. А-а, успел подумать Карлос, по вкусу это напоминает то невероятное вино из большой матильдиной сиськи! И он старательно и сильно сглотнул липнущую к языку каплю. Но тут же с ужасом и отвращением сообразил, что это не слеза, что Очкарик стрельнул так далеко и... Это было хуже, чем если бы его убили; хуже, чем если бы его облили струей, как когда-то он – материнскую статуэтку... Слюна в горле у Карлоса свернулась тугим тяжелым комом, он задохнулся и, ненавидя себя, провалился в темноту. В этот раз темнота не была ни бархатной, ни коричневой. У нее вообще не было цвета. Зато почему-то был вкус. Но не тот вкус, который унес его сюда. Карлос ощутил во рту прохладные, покалывающие небо лопающиеся пузырьки, как от газированной воды. Только никакой воды не было. Пузырьки лопались легко, успокаивающе, и Карлос почему-то знал, что лопаться они будут столько, сколько ему захочется. Ему пришло в голову, что это, наверное, смерть, но он не испугался, а даже обрадовался. Так вот она какая, оказывается!

Поезд остановился. Билли оглядел застывшую тетушку, лежащего у ее ног мексиканца, отвратительную всхлипывающую Пегги. И почувствовал, что больше не может оставаться с ними ни секунды. Он шагнул к двери и почувствовал, как в плечо вонзились когти. Билли хотел оторвать от себя kota и бросить хозяйке на колени, но сил совершенно не было. Ему показалось, что он начинает задыхаться. На него наваливался непреодолимый опасный сон. Поэтому Билли неопределенно и вяло помахал тетушке

Эллен и с котом на плече вышел из вагона. В конце концов – что он такого сделал? Ну, наверное, некрасиво получилось и с тетушкой, и с этой сумасшедшей Пегги. Ну, пусть он ненормальный, он согласен. Сама же тетушка любила повторять, что гений – это всегда ненормальность. А его в гении и прочили! И он еще не знает, что натворил вчера вечером. Вообще, если он псих, то за себя не отвечает. И уж, тем более, за свои дурацкие видения!

На лестнице Билли приостановился, оглянулся назад, но тут же услышал, как, мелодично пиликнув, закрылись двери вагонов, и поезд стал неторопливо удаляться. Вот так, подумал Билли, они и уехали. Неведомо куда. Да это и неважно, пусть. С тетушкой он потом разберется. Может быть, она придумает какую-нибудь новую теорию. Только он больше ей не дастся! Если все эти видения и голоса – не плод его сумасшедшего воображения, конечно.

Билли вышел на улицу и глубоко вздохнул. От стоявшей на углу тележки с никелированными боками тянуло пригоревшим жареным мясом. Рот Билли наполнился кислой слюной: безумно хотелось есть. Он торопливо обогнул тележку и свернул за угол. Денег у него не было, поэтому оставалось только добраться до дома пешком и попросить Леди приготовить ему какой-нибудь бутерброд. Он вспомнил голую массивную Леди, перетянутую передником, и пожал плечами. Все равно нужно попасть домой. И поскорее! Голод не отпускал, только усиливая слабость, и Билли невольно сбавил шаг. Пытаясь укоротить себе дорогу, он поплутал в переулках и сообразил, что находится в Литтл Итали – самом ресторанном районе Манхэттена. Билли представил себе большую тарелку спагетти, щедро политую горячим острым соусом, которая прячется сейчас за невозмутимыми окнами еще закрытых итальянских ресторанов, и судорожно сглотнул. Дом вдруг показался недостижимо далеким, а кот, снова задремавший на плече, бронзово-тяжелым. Усилием воли Билли заставил себя пройти еще немного. Из открытых дверей небольшого полуподвала на него пахло чем-то мясным и пряным. У Билли закружилась голова. Никогда еще голод не доставлял ему таких страданий! Смешно, подумал он: наследник огромного состояния истекает голодной слюной у дешевого ресторанчика! Билли остановился у лесенки, ведущей вниз – туда, откуда доносился пронзительно вкусный запах, и, совсем ослабев, понял, что добраться до дома он просто не в состоянии.

Билли почувствовал, что сейчас упадет, но тут из дверей ресторана, выпустив на улицу шум застолья, выскочил низенький и плотный черноволосый человек с беспокойным лицом. С профессиональной вежливостью он вопросительно уставился на Билли. Натолкнувшись на этот нетерпеливый взгляд, Билли сообразил, что нужно либо немедленно уходить, либо униженно попросить хоть какой-нибудь еды. Но не мог заставить себя сделать ни то, ни другое. На секунду взгляд человека из вежливого сделался пристальным и колючим, потом скользнул по прикорнувшему коту и, неожиданно, смягчился.

– А-а, – сказал человек и взмахнул руками. Руки были крупные, с толстыми пальцами, на которых холодно блеснули тяжелые камни. – Наконец-то! Какого черта ты опаздываешь? Мы же договаривались с вашим боссом, что вы появитесь все вместе и вовремя. Вот, блин, с вами только дело иметь! Ну да ладно, давай быстренько на кухню, пять минут на приготовления – и в зал. И чтоб работал на совесть, понял меня?

Билли ничего не понял, но его уже ухватили за руку и поволокли куда-то в глубину ресторанчика, к умопомрачительным запахам. Билли почти не сопротивлялся, хотя и сообразил, что его принимают за кого-то другого.

– Шевели задницей, клоун, – шипел ему беспокойный человек, – и кота своего расшевели. Вот ведь, присылают кого хотят, козлы! Фрак-то где успел измять? Или выдали такой? Я же объяснил твоему боссу, чья это свадьба! Чтоб на всю катушку работал, понял?! Упаси тебя Бог испортить такую свадьбу!

Он затолкнул Билли в какой-то темный и жаркий закуток, приказал ждать и исчез. Билли догадался, что находится совсем рядом с кухней. Сгустившийся парной воздух лез не в легкие, а, казалось, прямо в судорожно пульсирующий желудок. Кузейро зашевелился на плече и тихо, но требовательно мякнул. Похоже, он тоже проголодался. Билли бессознательно сделал в полутьме шаг в сторону шипящих и позвякивающих кухонных звуков, но ничего не успел разглядеть. Тяжелая рука схватила его за плечо.

– Все, клоун, твоя очередь! И помни: если что не так, я тебя, вместе с твоим вонючим котом...

Билли сильно потянули за рукав и пинком в спину вытолкнули из темноты на яркий свет. Еще ничего не успев разглядеть, он услышал характерное позвякивание ножей и вилок, гул множества голосов и вялые разрозненные аплодисменты.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Билли почувствовал боль в правом плече. Кот – то ли испуганный, то ли разъяренный – выгнул спину, распушил длинный полосатый хвост и выпустил когти. Если бы не этот кот, Билли, пожалуй, мог бы подумать, что каким-то фантастическим образом снова оказался на собственном выступлении. Он стоял на сцене, сильный направленный свет слепил глаза, а из невидимого зала, перекатываясь через невысокую рампу, волной надвигалось привычное напряжение. С замирающим сердцем Билли на секунду представил себе, что он и в самом деле дома, в зале, полном знакомых лиц, а все то невероятное, что произошло с ним сегодня – только результат переутомления, болезненная фантазия, овладевшая им перед выходом на сцену.

Он даже безнадежно огляделся по сторонам в поисках рояля, но никакого рояля на сцене, конечно, не было. Только в углу поблескивало сложное сооружение из разной величины барабанов и медных тарелок. Больше Билли ничего не успел разглядеть: дверь, через которую его вытолкнули на сцену, приоткрылась, и тот же самый беспокойный человек, скривив губы, зло зашипел на него, делая толстой рукой какие-то знаки, а слов было не разобрать. Разволновавшийся кот внезапно толкнул Билли, подпрыгнул и, разрывая материю фрака, оказался на левом плече. Билли покачнулся, а из зала раздался смех, сразу же разметавший в клочья повисшее в воздухе напряжение. Сощурившись, Билли посмотрел в зал. И снова резко сжался желудок, наполняя рот голодной слюной: пахло жареным мясом, сигарами и духами. На секунду прикрыв глаза, Билли пытался сообразить, как ему лучше поступить. Вернуться назад, к разъяренному человечку, сверкающему глазами из полуприкрытой двери, было и неловко, и страшновато. Я еще не пришел в себя, – думал Билли, – я больше не могу выдержать этот поток непрерывно валящихся на меня недоразумений. Я очень устал! Я хочу, наконец, оказаться дома и забыть обо всем этом. А еще я хочу есть. Кажется, в роду МоцЦартов были гениальные нищие? Ну что ж... Билли погладил все еще подрагивающего кота и шагнул с невысокой сцены прямо в зал.

Полутемный зал был тускло освещен матовыми бра. Вглядевшись, Билли заметил молодую красивую женщину в фате, с огромными томными и немного испуганными глазами. Она сидела на небольшом возвышении, за щедро украшенным белыми розами столом. Место рядом с ней пустовало, но у столика справа, где расположились пожилые и – все как один – лысые мужчины в смокингах, стоял, чуть склонившись, молодой парень с цветком в петлице. Похоже, он был единственный, кто не смотрел на Билли, потому что увлеченно беседовал с толстым и сонным человеком, сидящим с краю. Билли, не раздумывая, подошел к невесте – если, конечно, это была

невеста – и собрался было стащить с почти нетронутого стола хоть что-нибудь съедобное. Но натолкнулся на взгляд молодой женщины и замер. Вблизи ее мягкие, чуть шевелящиеся губы и немигающие глаза показались ему еще более прекрасными. Надо же, мелькнула мысль, оказывается, он теперь может смотреть в глаза женщинам! Да ради одного этого стоило вытерпеть унижение в вагоне метро! Но эта мысль быстро исчезла, вытесненная новым спазмом в желудке. Не глядя и не раздумывая более, Билли протянул руку... и снова раздался смех: он попал пальцами прямо в блюдо с чем-то холодным и вязким. Тогда, понимая, что вот-вот будет разоблачен и с позором выведен из зала, Билли схватил с большой тарелки разваливающийся и чуть теплый кусок телятины и быстро засунул его в рот. По горлу прошла судорога, челюсти сами собой сомкнулись, а смирно сидевший на плече кот оживился, с довольным видом мявкнул и соскочил прямо на стол. Где-то сбоку надрывно захохотали. Странно, уже давно пора бы появиться тому, беспокойному – или его помощникам – и вытолкать Билли вон с чужого праздника.

Но почему-то никто его не трогал. Билли показалось, что, освещенный прожекторами, он снова стоит на сцене, а где-то там скрытая полутьмой любопытная публика внимательно наблюдает за каждым его шагом. Билли вспомнил, что слышал от тетушки Эллиен о каком-то театре абсурда. Наверняка там должно происходить нечто очень похожее! С трудом проглотив мясо, Билли огляделся вокруг. Да нет, конечно же, он в самом настоящем ресторане! И, кажется, все-таки пора убираться отсюда подбурпоздорову. Билли попытался оторвать от скатерти увлеченного вылизыванием тарелки кота, но тот неожиданно зашипел на него так, что Билли вздрогнул и отскочил. И снова встретился глазами с невестой. Она покачала головой и что-то неразличимо тихо сказала. Огромные глаза ожили, скользнули чуть в сторону, к столику с лысыми, и снова остановились на Билли.

Молодой парень вдруг разогнулся и с любопытством взглянул в их сторону. Невеста слабо улыбнулась и рукой в атласной перчатке буднично потеряла уголок глаза, оставляя на белой ткани черные следы туши. И всхлипнула. Билли оторопело уставился на нее. Как он мог не узнать?! Неужели Изабелла так изменилась со вчерашнего дня? А может быть он никогда ее толком и не разглядывал? Только ее грудь... Кто-то крепко ухватил его за локоть. Молодой парень стоял теперь почти вплотную. От негопряно пахло вином, но взгляд молодого человека был совершенно трезвым и доброжелательным.

– Милости просим, – сказал он, улыбаясь пухлыми, немного немужскими губами, – милости просим, маэстро. Для нас большая честь, поверьте... Он говорил с сильным итальянским акцентом, хотя был светлоглазым и светловолосым, совсем не похожим на итальянца. – Вы себе даже не представляете, какая счастливая случайность привела вас к нам! Мы все, здесь присутствующие, – парень картинным жестом обвел рукой зал, – счастливы видеть вас! Изабелла успела объяснить нам, скромным людям, кто вы такой. И, конечно, все мы – ваши горячие поклонники, маэстро! Мой отец, дон Монтелли, просил меня передать вам его личную просьбу принять участие в нашем празднике. Не обижайте нас отказом, умоляю!

Билли открыл было рот, чтобы сказать хоть что-нибудь, но непрожеванный комок, оказывается, все еще стоял в горле, а мускулистая рука уже тащила его к пустующему месту рядом с взволнованной Изабеллой. Когда Билли усадили за стол, он заметил, как она отодвинулась от него, как поплотнее прикрыла салфеткой колени... Взгляд, искоса брошенный Изабеллой, с близкого расстояния показался ему страшновато-покорным, с сумасшедшинкой...

– Ну вот, – произнес над его головой молодой итальянец, – теперь все замечательно. Только... Изабелла, представь меня маэстро.

– Мистер МоцЦарт, познакомьтесь: это мой жених Роберто Монтелли.

Билли почему-то показалось, что имя жениха было насквозь фальшивым, придуманным, как будто в детской игре. Тем не менее, он заученно кивнул головой, хотя жених и находился за его спиной. Но на его кивок тут же откликнулись сидящие неподалеку мужчины, дружно и чопорно склонив в сторону Билли тусклые лысины. Ощущение абсурдности происходящего пропало, остались только легкое недоумение и неловкость. Кот Кузейро оторвался, наконец, от жирной тарелки и теперь сидел на столе неподвижно, поглядывая по сторонам с невозмутимостью сфинкса. Может быть, подумал Билли, это я сам, как испуганный ребенок, воспринимаю все вокруг словно продолжение страшного сна. Подумаешь, разочарованный гений, закованный в «железку»! Каких только глупостей не наделает упрямый ребенок, не отделяющий своих снов от яви!

Раздались аплодисменты, и Билли увидел, что гости выходят на площадку перед эстрадой: полные разодетые женщины, кичливо и критически посматривающие по сторонам, и похожие друг на друга мужчины в черных смокингах. В динамиках что-то хрипнуло, и прозвучал короткий отрывистый аккорд. Быстро и послушно все разбились на пары, женщины чуть прижимались к мужчинам, от чего покачивающиеся в ушах бриллианты, коротко подмигивая, отражались в атласных отворотах смокингов. Странная неторопливая музыка, словно огромная ложка, перемешивала медленно двигающихся гостей. Билли обратил внимание, что запись сделана непрофессионально: сквозь перебор рояльных клавиш были слышны нечаянно попавшие на пленку шорохи, скрипы и покашливания, как это случается, когда магнитофон держат на руках, сидя в переполненном зале. А сама музыка...

– Это – специально для вас, дорогой маэстро, – подсказал жених, наклонившись к Билли. Вблизи его глаза оказались строгими, с сжатыми в точки зрачками, что совсем не вязалось с радушным, почти ласковым тоном. – Моя очаровательная невеста, Изабелла, к сожалению, успела записать только первую часть вашего выступления. Замечательная музыка! А теперь вы сами удостоили нас чести своим присутствием на нашей свадьбе. Это большой день для нас! Мы все очень польщены, поверьте! А сейчас... Согласно нашим традициям, мы просим вас не отказать нам в такой любезности, как танец с женихом и невестой.

Могло ли это быть записью его выступления? Билли знал, что тетушка Эллен категорически запрещала гостям приносить с собой магнитофоны. Вот так неожиданность: оказывается, под его музыку можно танцевать! Видела бы это тетушка... Билли попытался вслушаться повнимательней, и постепенно его стала охватывать неловкость за преувеличенные похвалы тому, что доносилось из динамиков. Наконец жених выжидательно выпрямился, а Билли отвлекся от своих грустных размышлений и растерянно взглянул на Изабеллу: он совершенно не представлял себе, что это за танец такой – вместе с женихом и невестой. К тому же, приторно-вежливый жених внушал ему смутные опасения. Изабелла чуть пожала плечами и всхлипнула.

– Роберто покажет вам, Билли, что нужно делать. Вы же теперь почетный гость на этой свадьбе, а у нас традиция...

Неловко, придерживая платье, Изабелла встала, и Билли заметил на ее юбке длинный, идущий от самой талии, разрез. Станный наряд для невесты... Билли автоматически поднялся вслед за ней и вопросительно посмотрел на жениха.

– Дорогой маэстро, прошу вас! Наши традиции могут показаться вам немного странными, но... Уроженцы Италии – я имею в виду, *настоящие* итальянцы – привыкли уважать свои обычаи.. В особенности, мы, веронцы. Знаете, маэстро, это такой маленький город неподалеку от Венеции? Город-то маленький, но традиции... О, традиции у нас особенные, поверьте! Сохранившиеся с очень, очень давних времен...

Не умолкая ни на секунду и не выпуская руки Билли, жених вывел его из-за стола и потянул, вслед за удаляющейся Изабеллой, туда, где покачивались под музыку танцующие. Билли успел заметить, как одобрительно закивали им вслед лысые за

соседним столом, а тот, который поначалу показался Билли сонным, теперь совершенно изменился: его глаза, светлые, как и у жениха, загорелись, он улыбался торжественно и чуть плотоядно. Билли обратил внимание, что с их появлением все остановилось, пары распались и образовали небольшое плотное полукольцо вокруг Изабеллы. Она стояла неподвижно, глядя на пробирающихся жениха и Билли с улыбкой, но морща при этом лоб и по-прежнему судорожно стискивая рукой нелепый разрез на платье.

Билли почувствовал, что немного пришел в себя. Во всяком случае, болезненный комок в горле растворился, и слюна больше не заливала стиснутый рот. Он перестал узнавать несшиеся из динамиков звуки рояля. Если это действительно запись его последнего выступления, то... Он на секунду вспомнил жуткую напевающую Леди в темной кухне, безмятежно матерящегося дядюшку Вольфа, горящий в камине стул... То, что он слышал сейчас в записи, казалось ему всего лишь нелепым, бессмысленным набором звуков. Так ударять по клавишам могла кошка, играющий на рояле с мышью. Билли оглянулся на оставленный стол: на белой скатерти серый кот казался черным. Он не изменил позы, даже не повернул головы, только зеленые глаза наблюдали за людьми со спокойным интересом мудрого взрослого, присматривающего за резвящимися неразумными детьми. Кот – в отличие от Билли, – похоже, не испытывал никакой неловкости. Что за нелепость? – уязвленно думал Билли. – Это глупое хулиганство за роялем ни в коем случае не могло собирать полный зал ценителей музыки и уж, тем более, не могло сводить людей с ума! Что же все это означает?!

В этот момент, как назло, кто-то прибавил громкость, и теперь звук из динамиков стал тяжело давить на уши: Билли от него почему-то сделалось душно. Но вот что еще странно: похоже, никто, кроме него самого, ничего необычного не замечал! Гости выжидательно и подбадривающе смотрели на застывшего в центре живого кольца Билли и улыбались.

– Ну вот, – полусказал-полупропел жених, – Изабелла, покажем нашему гостю, что нужно делать! Не стесняйтесь, маэстро, это большая честь для нас!

Изабелла послушно шагнула к Билли, резко вскинув руки, обняла его за шею и плотно прижалась. Запах ее теплого тела смешивался с запахом полувыдохшихся сладких духов. Билли растерялся. Белое подвенечное платье разъехалось по разрезу в стороны, обнажая нежную полоску тела, кружевное белье и прозрачные чулки с подвязками. И надо всем этим полуобнаженным, откровенным и нескромным близко-близко плыли огромные неподвижные глаза... Он вспомнил Изабеллу в бассейне. Но там все было совсем по-другому... К тому же, здесь, на свадьбе, в присутствии жениха и гостей... А какофония звуков все продолжалась и продолжалась.

– Поздравляю вас, Изабелла, – невпопад промямлил Билли, стараясь незаметно отстраниться. – Вот уж не думал оказаться на вашей свадьбе...

Вдруг он заметил, что Изабелла, хотя и прижимается к нему изо всех сил, но смотрит куда-то за его плечо. Билли чуть повернул голову и скосил глаза. И тут же почувствовал сзади жесткое мужское тело. Две мускулистые руки, выпорхнув из-за спины, ухватили Изабеллу за талию и еще сильнее прижали к Билли. Ни глаз ее, ни лица он видеть уже не мог, потому что теперь Изабелла приникла щекой к его груди. Мужские руки сдавили еще сильнее – так, что Билли, ощущая мягкий расслабленный живот и упругую грудь Изабеллы, даже немного задохнулся. И тут же почувствовал жесткий лобок, упершийся в его ягодицы.

– Да вы что! – выдохнул Билли, выворачивая голову и понимая, что ему самому не справиться со злым телом, обнимавшим его сзади.

– Гость, почетный гость! – просипел ему в ухо жених. – Такая традиция! Большая честь для нас, большой почет вам! Вы нам теперь как брат!

Жених плавно двинул бедрами. Билли ойкнул и попытался выгнуть спину, но добился только того, что Изабелла теперь почти лежала на его груди. Гости, ничуть не смущаясь, стали ритмично и громко – почти заглушая сумасшедшую музыку – хлопать

в ладоши. В такт хлопкам жених, ухватившись обеими руками за ягодицы Изабеллы, стал двигаться уже совсем откровенно и недвусмысленно. Билли почувствовал, что у него кружится голова от духоты, от того глупого и унижительного положения, в которое он попал, от близости горячего, распаленного тела жениха и безучастного, холодного, по сравнению с ним, тела невесты... А может быть они втроем и вправду кружились, исполняя какой-то неведомый ему отвратительный ритуал? Но остановиться, но что-либо сделать Билли не мог. Казалось, эти бесцеремонные руки оторвали его от земли и совершенно лишили воли. Довольные улыбающиеся зрители хлопали все тише и быстрее и, словно подчиняясь этому ритму, все сильнее кружилась голова.

Внезапно головокружение оборвалось, хотя и толчки, и хлопки все ускорялись и ускорялись. Билли почувствовал, как сквозь него прошел непонятный разряд – мощная тяжелая энергия, пробившая тело как стальное перо промокашку. Болезненно пронзив его, эта неукротимая сила ударила в Изабеллу. Та, словно проснувшись, вздрогнула всем телом, мгновенно напряглась и вступила в танец. И теплый упругий ток устремился уже от нее к жениху... У Билли защекотало в горле. Он с ужасом обнаружил, что перестал быть самим собой, а превратился в какой-то придаток сопевшего за его спиной мужчины. И руки, смачно сжимающие зад Изабеллы, были теперь его руками... Билли показалось что он раздавлен, сплюснен в лепешку этими стремящимися навстречу друг другу силами. Все снова завертелось перед глазами, а над ухом, прерываясь, чтобы сделать короткий хриплый выдох, заговорил жених:

– Ну что, понял теперь? Понял? Свет будет налит. И не сосуду рассуждать о вине! А вино... Ну не дураки ли? Это не вода превращается в вино. Оно всякий раз оказывается там *вместо* воды... Понимаешь, вместо... Все равно не убежишь...

Содрогнувшись, Билли сообразил, что слышит вовсе не жениха и напрягся, чтобы сбросить наваждение. Но в следующее мгновение он снова почувствовал собственный объем: душившие его с двух сторон жаркие объятия неожиданно распались. Белое платье Изабеллы мелькнуло, просочившись сквозь окружавший их троих вязкий безликий туман, и исчезло. Ноги Билли стали противно слабыми и вялыми и не могли удержать его. Он опустился на пол мягко, словно на матрас. Но сознания не потерял. Он видел, как сначала над ним склонились любопытные, а потом, наоборот, плотный круг раздвинулся, и все куда-то исчезли. Ужасная музыка прекратилась, в зале стало тихо. По полу, откуда-то из кухни, змеился сквознячок с жестким железным запахом. У самого уха Билли послышалось знакомое урчание, и перед глазами возникла невозмутимая благообразная мордочка Кузейро. Кот посмотрел на него мягко и понимающе, потом боднул лбом в подбородок и хотел было взобраться на грудь, но пол задрожал от приближающихся тяжелых шагов, и кот резво отпрыгнул в сторону. Над Билли стоял тот самый беспокойный человечек в черном, вытолкнувший его на сцену.

– Вставайте, быстро вставайте! Зачем лежать на полу! – заговорил он, взмахивая руками. Но за внешне участливым тоном скрывалась откровенная насмешка. – Вон вы какой слабый, оказывается. Вот если бы они меня пригласили... Хе!

Потом не слишком вежливо схватил Билли за плечо холодной пятерней и потянул вверх, заставляя сесть. Билли оттолкнул его руку и попытался подняться, опасаясь, что не удержится на ногах и снова упадет.

– Ну вот, – бесцеремонно и оценивающе оглядев Билли, с ухмылкой сказал человечек. – Тьфу, ты! Вы бы хоть прикрылись, мистер! Люди же вокруг!

Поглядев, как Билли неуклюже пытается справиться с брюками, он невнятно прошипел что-то нехорошее, махнул рукой и, словно фокусник, достал откуда-то из-за спины аккуратно сложенный накрахмаленный фартук.

– Нечего себя позорить, мистер! Да и мое заведение тоже!

Ловко и молниеносно он набросил фартук на Билли, как лассо на загнанного быка. Потом удовлетворенно, но грозно рыкнул и, резко сменив тон, сообщил, что с

Билли, как с почетным гостем, хочет побеседовать сам мистер Монтелли. Дон Монтелли, – многозначительно добавил он и на секунду снова сдвинув брови. – А желания дона Монтелли – это закон для всех, даже для почетных гостей на свадьбе его сына. Понимаете, мистер? Они вообще закон.

Билли, чувствуя себя в фартуке поверх фрака совершеннейшим клоуном, тем не менее завороченно последовал за этим непреклонным человечком. Интересно, подумал он, что сказал бы этот самый Дон, если бы узнал, что невеста его сына ежедневно плескалась со мной в бассейне совершенно голой, выполняя роль сексуальной приманки в наших с тетушкой экспериментах? Или этот итальянский бандит, мафиози и черт знает кто еще – человек широких взглядов? Что ж, весьма вероятно, если вспомнить одну из их традиций, с которой он только что имел возможность ознакомиться.

Они прошли мимо опустевших столов к тяжелой дубовой двери в конце зала. Беспокойный человечек аккуратно постучал, приоткрыл дверь и кивком пропустил Билли вперед. Интересно, подумал Билли, который из тех лысых окажется мистером Монтелли?

Небольшая комната – скорее отдельный кабинет – была ярко освещена. За низким круглым столом сидели Роберто и Изабелла, а рядом с ними – маленький поджарый профессорского вида старичок с густыми седыми волосами, в очках, с чашкой кофе в тонких белых пальцах. В углу, в небольшом камине, потрескивали дрова, но в комнате все равно было сыровато и прохладно. На плечах у старика, поверх черного смокинга, лежал толстый мохнатый плед. Старик доброжелательно поднял на вошедшего Билли глаза столь же молодые и яркие, как и глаза Роберто.

– Рады приветствовать дорогого гостя! Присаживайтесь, присаживайтесь!

Говорил он по-английски совершенно без акцента, с мягкой утвердительной интонацией, что еще больше усиливало сходство с профессором. Не обнаружив в комнате предполагаемого мафиози, а также и ни одного пустого стула, Билли неуверенно улыбнулся и переступил с ноги на ногу.

– Да вы не стесняйтесь, мистер МоцЦарт, – старичок поправил плед, – садитесь прямо на ковер. Это тоже своего рода традиция, знаете ли.

Действительно, на полу лежал довольно потертый ковер. Стоять перед вежливым старичком показалось Билли неуместным, поэтому, после минутного колебания, он опустился на пол и сел, подобрав под себя ноги. Только теперь, глядя снизу вверх на сидевших за столом, он заметил, что настроение Изабеллы совершенно изменилось: она вся светилась от радости и внимательно наблюдала за ним с выражением какого-то затаенного сюрприза на лице.

– Я, – выдержав небольшую паузу, продолжил старик, – как вы, наверное, уже догадались, являюсь отцом вот этого счастливого молодого человека.

Билли невольно сравнил отца с сыном, но ничего общего, кроме выразительных светлых глаз, не обнаружил. Монтелли-младший был высок и крепок, его мощные шея и подбородок вполне соответствовали расхожим представлениям об отпрысках мафиозного клана. Да еще этот его невероятный акцент...

– Роберто, вероятно, уже выразил вам нашу глубокую признательность, – продолжал старик, – но мне захотелось поблагодарить вас самому. Любезно согласившись принять участие в нашем скромном торжестве, Вы оказали нашему семейству большую честь. Изабелла – славная девочка – много рассказывала нам о вашей замечательной семье, мистер МоцЦарт. Ну и, конечно, мне было очень любопытно познакомиться с прямым потомком великого композитора. Да вы и сами, как мне хорошо известно, человек весьма и весьма незаурядный.

Билли было ужасно неудобно сидеть на полу и не менее неудобно слушать комплименты этого мистера Монтелли. За безукоризненно-светским тоном любезного хозяина Билли почудилась скрытая холодная насмешка. Кроме того, получалось, что

Изабелла успела выведать о их доме значительно больше того, что ей полагалось знать. Уж не Леди ли проболталась? Впрочем, тетушка Эллен подозревала, что узкое избранное общество, собиравшееся раз в году на его выступления, могло распускать слухи. Похоже, это даже входило в ее планы. Но, в любом случае, ему было неприятно, что этот интеллигентный Дон не только располагает подробной информацией о нем, но и выдает ее за нечто само собой разумеющееся, как если бы афиши с его, Билли, портретами были расклеены по всему городу. Билли посмотрел на не отводящую взгляда от его лица Изабеллу, на ее погруженного в свои мысли жениха, на улыбающегося дона Монтелли, и вежливо кивнул. А что ему еще оставалось делать? Беспокойный человечек, ждущий за дверью, вполне отчетливо дал понять, что уйти отсюда он сможет только тогда, когда его выпустят. Ха-ха, вспомнил Билли, сегодня меня уже пытались похитить! Подумав о Хароне, он внутренне содрогнулся, сам не очень понимая, от страха или от жалости. Билли вдруг захотелось уйти в себя, отмотать назад пленку сумасшедшего сегодняшнего дня... Но старый Монтелли, выдержав еще одну паузу и повертев в руках кофейную чашку, легко вернул его убежавшую было мысль обратно.

– Вы, конечно же, удивлены, дорогой мистер МоцЦарт. Я имею в виду наши несколько необычные свадебные традиции. Верно? Да вы не стесняйтесь: теперь, после ритуального танца, вы нам совсем не чужой, правда, Робби?

Роберто ничего не ответил, а Билли неопределенно пожал плечами. Он никогда не был в Италии, но, по его представлениям, человек, таким образом станцевавший с чужой невестой... Правда, при этом присутствовал еще и жених...

– Представляете, – неожиданно для себя самого произнес Билли, пытаясь как-то поддержать беседу, – я и не думал, что бывают светлоглазые итальянцы. Хотя я ровно ничего не знаю об Италии. И, тем более, об итальянских традициях.

– О-о, – удивленно протянул старичок, как будто до этой минуты считал Билли немым. – Я вам скажу по секрету, что современные итальянцы... м-м... да просто поубивали бы всех нас, припиши мы им такие традиции. Вы же человек образованный и, очевидно, читали, что после падения Империи древние римляне, к сожалению, бесповоротно смешались с завоевавшими их варварами. Нет, конечно, проглядывают иногда в нынешних итальянцах черты настоящих римлян, проглядывают. Но...

Старичок теперь уже не улыбался, а откровенно хихикал, показывая розовые вставные зубы, и от этого, наверное, показался Билли совсем старым, беспомощным и недобрым, а сходство с высоколобым профессором незаметно угасло. В этот момент Изабелла пошевелилась, потянулась через стол и погладила дону Монтелли по сухой руке. Тот оборвал смех, как будто его выключили, и, укоризненно посмотрев на сына, стал рассказывать Билли, что лишь в маленьком, но древнем итальянском городе Верона сохранились по сей день не только полуразрушенные римские постройки, но и две – заметьте, всего две! – семьи, которые ведут свой род от настоящих римских патрициев, так и не смешиваясь с представителями других родов. И, соответственно, члены этих семей – Монтелли и Капуццо – заключают браки только между собой, по традициям, на взгляд современного человека, довольно необычным. Но отнюдь не древнеримским, как можно было бы предположить. Нет, история этих традиций начинается значительно раньше, до Ромула и Рема. Они были заимствованы у тайной секты, существовавшей с незапамятных времен...

Похоже было, что старичок приготовился рассказывать о своих предках долго и обстоятельно. Билли показалось странным то, что и жених, и невеста, наверняка слышавшие эту историю много раз, смотрели на старика так внимательно, как если бы он диктовал им свое завещание. Билли, незаметно для себя подражая тетушке, приподнял бровь. Пожалуй, это не самое страшное из сегодняшних приключений, хотя выслушивать нудные истории о неизвестных и не интересных тебе людях... Но старичок снова не дал Билли отвлечься:

– Ну а фамилии наши – Монтелли и Капуцци – ничего вам не напоминают? Даже никаких ассоциаций? Нет? Ну тогда я вам – как почти члену нашей семьи – сейчас объясню...

Билли с безнадежной покорностью приготовился к длинному рассказу, но тут старика перебили: из-за приоткрывшейся двери выглянуло чье-то взволнованное лицо.

– Тысяча извинений дон Монтелли, тысяча извинений! Могу я сказать?

Старик обратил к двери рассеянный, чуть затуманенный воспоминаниями взгляд, секунду подумал и приветливо кивнул головой.

– Дон Монтелли, вас срочно хочет видеть Клавдий.

– Клавдий? Ну конечно, конечно! Пусть идет сюда, я не буду корить его за опоздание. Я знаю, как он занят!

Дон Монтелли снова поправил на плечах плед, лукаво усмехнулся и обратился к Билли:

– А сейчас, наш дорогой мистер МоцЦарт, вы познакомитесь с моим приемным сыном. Право, Клавдий замечательный парень, только всегда сильно занятый, увы. Вот и сегодня – опоздал на свадьбу к брату. Но не в моих правилах попрекать людей, отдающих свое дело всей душой... Впрочем, мне почему-то кажется, что вы знакомы!

Резко распахнув тяжелую дверь, в комнату вошел смущенно улыбающийся Харон.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Смерти нет. Но тогда и жизни тоже нет. Если бы все было так просто, как об этом говорят, то получалось бы, что не существует ни начала, ни конца. Ведь на самом деле, как он запомнил из сонного бормотания священника в воскресной школе, даже Бог с чего-то начал. И сам Карлос тоже начался в тот момент, когда мать извивалась под очередным пьяным клиентом. Даже сам Бог... (Здесь Карлос почувствовал, что следовало бы испугаться собственной наглости, но почему-то спокойно додумал.) Даже сам Бог должен был когда-то начаться. Иначе никаких мозгов не хватит, чтобы понять... Что именно понять, Карлос не знал, но все равно очень удивился тому, как свободно он размышляет на такие замысловатые темы. Толстяк Джо даже не сообразил бы, о чем это он. Не говоря уж об оставшихся в Мексике приятелях. Или о матери. Она, конечно, послушно бормотала свои молитвы и кланялась облупленной статуэтке Богородицы, но ничего, кроме грязных мужиков и текилы в жизни не видела. Да и не хотела видеть. Глупая несчастная женщина... Карлос снова удивился, что позволяет себе так думать о собственной матери. Но не одернул себя, не сказал (как делал это всегда, когда мысли его возвращались к родному дому): мать есть мать, и нечего ему ее судить. Он вспомнил, как она плакала в ту ночь, когда он облил струей деревянную Богородицу. А-а, подумал Карлос, может быть, именно тогда-то все и началось. И опять с некоторой даже гордостью удивился своему неожиданному умению так толково и связно рассуждать на темы, которые раньше не слишком его интересовали. До сих пор ничего похожего он за собой не замечал.

...В тот вечер мать наказала Карлоса – он уж и не помнил сейчас, за что. И наказание-то было совершенно обыкновенным: пара подзатыльников да прощальный пинок под зад на пороге: мать ждала одного из своих постоянных клиентов, Бандита Хорхе. Был ли этот необычайно крупный мужик настоящим бандитом – никто в округе толком не знал. Но, сталкиваясь с его тяжелым мутным взглядом, Карлос – тогда еще совсем мальчишка – охотно верил, что к его матери ходит убийца, страшный и

беспощадный. Обычно Хорхе с матерью укладывались на широкий и ободранный матрас, стоящий на нескольких кирпичках вместо ножек, и Бандит сразу же принимался за работу. В детстве, когда к матери приходили мужики, Карлос внимательно прислушивался к ерзанью и поскрипыванию старых пружин – и вовсе не из любопытства: он ждал, когда начнут падать кирпичи, и матрас съедет на пол. Это обычно означало, что дело идет к концу, и мать вскоре начнет готовить обед. Правда, так раскачать тяжелый, с деревянным остовом матрас мог далеко не каждый клиент. Но Бандит Хорхе обрушивал кирпичи всегда. Он был здоровый и ненасытный. Так, вздыхая, иногда говорила мать. Она как-то особенно нервничала перед его приходом, даже мылась в открытой кухоньке под навесом, загоразиваясь от Карлоса старой юбкой. А он все равно видел, как она старательно трет между ног, и с непонятным ему самому холодком отвращения пытался не смотреть в ее сторону...

В тот вечер, надавав Карлосу затрещин, мать ошутимо пнула его коленом под зад и попала прямо по копчику. Остановись она на этом, ничего бы и не случилось. Но мать, наверное, сама больно ударила ногу и поэтому закричала на Карлоса. Она называла его грязным выблядком – таким же поганым предателем, как и его отец. Вонючим и подлым предателем!

То, что мать выругалась, Карлоса не удивило и не обидело: она часто ругалась грязно, по-мужски, не стесняясь ничьим присутствием. Кажется, она употребляла матерные слова, даже стоя на коленях перед своей статуэткой. Потому что, замаливая грехи, подробно перечисляла их Святой Деве в таких выражениях, что Карлос только дивился. Но она никогда ничего не говорила Карлосу о его отце. Предполагалось, что его родителем мог быть любой из материнских клиентов. Тем более, что – как завистливо говорили соседи – в те времена, еще до его рождения, мать была по-настоящему хороша собой и водила в дом много мужчин. Поди теперь разбери, кто это из них так постарался. И уж, тем более, мать никогда не укоряла его этим самым непонятным папашкой. Он что ли, Карлос, виноват в своем рождении! А тут – то ли от боли, то ли еще почему – мать ругала его чуть не рыдая, и выходило из ее ругани так, что знала она, кто именно позаботился о его появлении на свет; и что не клиент это был, пьяный и грязный, а тот, кому она доверилась и любила, любила как... Мать на секунду замолчала и, не находя слов, хотела было длинными грязными ногтями расцарапать себе щеку, но – вовремя вспомнив, что вот-вот должен прийти Хорхе – передумала и только ударила кулаком по своему перекосившемуся лицу.

Карлос к тому времени уже успел переспать разок с соседской девчонкой (не за деньги – откуда у него деньги? – а так, задаром). И хотя знал, что соседка была безотказной, что с ней хороводились почти все мальчишки в округе, помнил ее легкость и сладость, и горячую дрожь. Потому, наверное, что отдалась она ему участливо и по-хорошему торопливо, как если бы вынесла соседу кружку холодной воды в жару. Помнил Карлос и свое противное, безнадежно сосущее уныние и вялую злость, когда увидел ее на следующий вечер, покорно идущую за сараи с одним из парней постарше – длинным и прыщавым обалдуюем. Как будто в той кружке вместо холодной воды оказался теплый уксус... Конечно, не любил он эту поблядушку! Какая уж тут любовь, не в кино ведь. Но все-таки почему-то решил, что только с ним она такая... Карлос тогда, проклиная себя, тоже прокрался за сараи и смотрел, как она, стоя на четвереньках, вся подставляется тому обалдую, как улыбается ему, поворачивая голову, когда он отрывает от земли ее по-детски разбитые коленки. Карлос взвыл, швырнул в увлекшуюся парочку здоровенный камень, но не добросил и убежал. А его давнишний дружок, Педро, говорил ему потом по-взрослому рассудительно: «Что ж ты хочешь, парень, она ж еще молодая совсем, горя не знала, вот и ласковая со всеми подряд, шалава...». И почему-то смущенно смеялся.

А теперь получается, что у него, Карлоса, был какой-то отец – не клиент, – которого мать любила и была с ним, наверное, такой же легкой и мягкой... не то что с

другими мужиками. Так вот оно как! И почему это его отец оказался предателем? Уж не потому ли, что она, мать, тоже была тогда со всеми сладкой и податливой? Карлос постоял немного посредине их маленького дворика, в теплой, еще не остывшей за день пыли, и вдруг страшно обозлился на мать. Это не было похоже на ту легкую привычную обиду на назойливую и глупую полупьяную мамку, раздающую свои нестрашные подзатыльники. Сейчас он почувствовал, как от злости, а, главное, от жалости к себе, покалывает под языком, дергаются губы и словно наливается уксусом желудок. Он не знал, что ему подумать, а неповоротливые мозги тщетно пытались раздробить твердую как орех мысль, связавшую его мать с той доверчивой поблядушкой. Только тогда, за сараями, он бросил камень просто так, от разочарования, а теперь ему хотелось кинуться на мать и бить ее, терзать, кусать за дряблые щеки и пухлую распаренную грудь. Но он не успел даже шагу ступить, как во дворе появился Бандит Хорхе.

Этот Хорхе никогда с ним не разговаривал, как не разговаривал ни с кем в округе. Просто приходил к ним, коротко кивал матери в сторону старого матраса и с треском захлопывал за собой дверь. Карлосу даже казалось, что тот вообще не умеет говорить. Звуки, которые издавал Хорхе, роняя матрас на пол, скорее походили на мычание немого или животного. Карлос всегда отчаянно боялся этого Бандита Хорхе, чего уж тут скрывать, пацан все-таки. Всегда, но не в этот раз. И Бандит Хорхе это, наверное, почувствовал. Он остановился рядом с Карлосом и уставился ему в лицо нехорошим взглядом. А Карлос – совсем сопляк – даже не отвернулся: уксусная обида все еще жгла губы. В тот момент он ощущал себя настоящим мачо. А тут еще мать на пороге... улыбалась жалко, но, как показалось тогда Карлосу, мстительно. Конечно, сказать что-нибудь Бандиту Хорхе он не посмел. Но зато скривил губы и сплюнул под ноги, в пыль. Тогда Хорхе тоже скривил свою небритую морду в ухмылке, а потом без замаха ударил Карлоса в грудь. Не ударил даже, а, скорее, коротко толкнул. И пошел к матери. Карлос глупо плюхнулся на землю и, сквозь муть пыльного облачка, увидел, как передернул плечами Бандит Хорхе. И еще – как мать в дверях одобрительно покачала головой. Именно это – а вовсе не полученный унижительный удар – мгновенно высушило обиду и тут же подожгло ее как спичку.

– Ах, сука! – прошептал Карлос, сам еще не зная, к кому он обращается, но чувствуя, как маленький огонек превращается в большое стойкое пламя. – Ну погоди тогда!

Он немного посидел на теплой земле, бессмысленно буравя пальцами нежный песок. Когда из дома донеслись знакомые звуки, Карлос встал, потер грудь в том месте, куда его ударил Хорхе, и неторопливо отправился к узкому проходу между своей и соседской развалюхами. По дороге, в незаметно наступившей темноте, Карлос попал босой ногой в какую-то скользкую дрянь, но даже не остановился и не вытер ногу, а как-то даже порадовался – ну что ж, пусть мне будет хуже! Он вспомнил бандитскую рожу Хорхе и то, как мать, блестя глазами, одобрила издевательство над ним – выблядком, и как до этого она мылась у него на глазах, чтобы ему было противно... А Карлос еще, как дурак, отворачивался! Карлос приостановился и, наклонясь, пошарил рукой по земле. Наткнувшись на что-то мерзкое и мягкое, он пошевелил в нем пальцами, поднес руку к носу и, убедившись, что не ошибся, провел всей пятерней по лицу. Гады, подумал Карлос удовлетворенно, все суки и гады! И я тоже! Ну и, значит, все правильно!

Стекла в окошке их хижины никогда и не было, только болталась на двух гвоздях старая занавеска. И та – непонятно зачем. Любой желающий мог бы легко заглянуть в их дом, если бы захотел. Да только кто будет тащиться в загаженный проулок, чтобы полюбоваться, как его мать разбирается с клиентом? Больше в их комнатенке ничего интересного не происходило. Разве что в дождь, когда они вдвоем с матерью мирно сидели за столом и играли в карты на шелобаны. Он-то, дурак, когда

выигрывал, бил не сильно: не выбивать же у нее последние мозги! Мать все-таки... А сейчас пожалел, что только щелкал, а не бил со всего размаху, как тогда, когда играл с приятелями. Проигрывала она ему часто, хотя и шельмовала, передергивала в потемках карты...

Карлос стоял перед окном, с перемазанным дерьмом лицом, держась рукой за ветхую раму, но заглядывать внутрь не спешил. А почему? Видел он это! Сколько раз видел! Да мать не больно-то и скрывалась, подумаешь! Особенно, когда поддата была. А про клиентов и говорить нечего, им вообще наплевать, даже если еще чего-то соображают. Только чаще совсем беспамятные попадались. И как она с ними управлялась, с пьяными, непонятно. Но Бандит Хорке – это совсем другое дело. Этот всегда трезвым приходит, ну или почти трезвым. Далась же ему мать! Вон в городе полно молодых девок – и в борделях, и просто на улицах. Карлос с друзьями сколько раз ходил поглядеть, дурака повалить. Они же, бляди, если на улице, то и мужиков чаще всего прямо тут, в кустах обслуживают. Или в закоулке. А пацаны тихонько подкрадываются к ним в темноте и в самый интересный момент, когда мужику уж вроде ни до чего, на – получи! Из всех орудий, залпом! Бывало, пока эти сообразят, с головы до ног их окатывали, из всех своих шлангов. Только потом бежать надо было быстро. Очень быстро. Какому мужику понравится, чтобы его обоссали, да еще в такой момент! А если на настоящего мачо нападешь... Один такой, говорили, раз как-то пацана замочил. Полгорода с голым задом пробежал и на окраине, в овраге догнал-таки... И ножом по горлу. А перед этим штаны с парня содрал и оприходовал. То, что он на бабе не успел растратить, этому пацану досталось. Но, все равно, и Карлос, и ребята ходили, здорово веселились. Жаль, что часто нельзя было – примелькаешься еще, самого обоссут, да и замочат. Запросто... Вот оно! Карлос ясно представил себе картинку мщения. Пусть Бандит Хорхе его потом ловит!

Карлос заметался по переулку, кинулся в соседний двор и нашел, наконец, то, что было нужно – большой ящик. Правда, ящик оказался картонным и хлипким даже на ощупь, но выбирать было некогда. Карлос рысцой вернулся к своему окошку, аккуратно поставил ящик на землю и прислушался. Матрасные пружины скрипели вовсю, но кирпичи, похоже, еще не начинали падать. Значит, времени было достаточно. Карлос осторожно наступил на ящик. Вроде бы держит. Тогда он легко отодвинул занавеску. Как всегда, когда мать была занята, матрас стоял прямо посередине комнаты. Комнату освещала только самодельная лампадка перед фигуркой Богородицы, стоящей на тумбочке между кроватью и окном. После почти полной темноты переулочка крошечный огонек этой неуклюжей копящей лампадки почему-то слепил глаза. Но все равно Карлос смог разглядеть статуэтку с четками на расставленных руках и мать, которая вцепилась в большое тяжелое тело, лежащее сверху, как будто тонула как в болоте в жестком матрасе, и только Бандит Хорхе мог помочь ей удержаться на поверхности. На белесых ягодицах Бандита вздувались сеточки мышц; они вздрагивали, как от укола, и сжимались, сотрясая все его тело, и мать, и матрас. Ну вот, подумал Карлос, самый тот момент. Сейчас я им...

Вспотевшей рукой он полез в штаны и с радостью почувствовал, что еле удерживается, что мочевой пузырь, кажется, вот-вот лопнет. Карлос торопливо прицелился и уже сладостно представлял себе, как струя коснется широкой раскаленной спины Хорхе... И, выдохнув, напряг низ живота. Но тут тонкий мятый картон под ногами у Карлоса начал медленно проседать. Карлос, понимая, что сейчас упадет, хотел было остановиться, но из него уже лилось, и лилось неудержимо. Он попытался ухватиться за подоконник, но пальцы скользнули по облупившейся краске, и Карлос, взмахнув руками, стал запрокидываться назад. Он еще успел заметить, как струя, вместо того, чтобы опозорить мать и Бандита Хорхе, описала дугу и, гася зашипевшую лампаду, окатила деревянную Мадонну. И даже лежа на спине, Карлос с удивлением увидел, что его запас еще не кончился, и что он по-прежнему поливает

комнату через окно. Попробовал бы он сделать это специально, ни за что не получилось бы!

В каморке было на удивление тихо. Струя слабела и, наконец, иссякла, обдав самого Карлоса теплыми каплями. Он все еще лежал, смотрел в густое, провисшее под тяжестью крупных звезд небо и непонятно чему улыбался. От улыбки присохшее к щеке дерьмо стало осыпаться, но Карлос этого не замечал. Наверное, получилось даже лучше, чем он предполагал. Он хотел только оскорбить мать, а оскорбил ее любимую фигурку, погасил лампадку. Что означает для его матери быть политой мочой? Да ничего, если разобраться. С ней случались вещи и похуже. А так... Над этой статуэткой она тряслась, жаловалась ей, молилась... хоть и матерно, но молилась. Нет, сам Карлос никогда не придумал бы такой классной мести! И еще теперь получалось, что ему не надо бояться Хорхе: тому-то что, его-то он не полил! И на верующего он не очень похож, чтобы за статуэтку обидеться. Ха, Бандит Хорхе – убийца – и чтоб в Бога верил! Никогда в жизни! Нет, все получилось просто замечательно! Карлос улыбнулся еще шире. А девку эту соседскую, вдруг подумал он с удовольствием, надо будет завтра же оттрахать! Да так, чтоб потом долго сидеть не могла, сучка недоросшая! Карлос тут же начал рисовать себе в деталях, как именно он это сделает. И его рука невольно потянулась к расстегнутым штанам...

Он и не заметил, как в комнате зажгли свечу: электричества у них в хижине отродясь не было. Не заметил и того, что измаранная им занавеска исчезла, а на ее месте появилось лицо матери с всклокоченными волосами, подсвеченными, как нимб, откуда-то изнутри. Он вернулся к действительности только тогда, когда его неожиданно подхватили под мышки и грубо поставили на ноги. Над Карлосом нависла оскалившаяся бандитская физиономия, и мягкий ночной воздух почему-то сразу показался ему колючим и жестким. А что, если он все же попал на Хорхе? Карлос тоже попытался оскалиться, но вместе с остатками дерьма с него посыпались и былая решимость, и отчаянная готовность сдохнуть. И ведь не убежать: штаны подло сползли к коленям, а ноги запутались в идиотском ящике. Карлос начал было умирать – пока еще только от страха, – но тут Хорхе громко хмыкнул, как будто хрюкнул, и улыбнулся. По крайней мере, Карлосу очень хотелось думать, что гримаса на лице бандита была именно улыбкой. Но тут же нехороший холодок скользнул вниз по напрягшемуся животу. А что, если Хорхе, как тот мачо в городе, прежде чем убивать... Железными пальцами Хорхе сдавил шею Карлоса, что-то просипел себе под нос и поволок его из переулка во двор. Придерживая руками штаны, Карлос старательно перебирал ногами. Ящик, окончательно развалившись, остался лежать посреди двора, и весь остаток пути Карлос пробежал за Бандитом Хорхе, ни о чем не думая и только пытаясь ослабить тяжелую хватку у себя на шее.

Мать ждала его в доме, стоя у тумбочки с деревянной Богоматерью. В подрагивающих руках, прямо перед собой, она держала свечу. От этого Карлосу показалось, что глаза ее совсем запали и превратились в две пустые черные дырки, а короткий нос и круглый подбородок, наоборот, вытянулись и маслено залоснились. На ней была надета ее обычная, распахнутая на груди рубаха. Она стояла, положив крестом одну босую ногу на другую, и смешно шевелила толстыми пальцами, как будто только что наступила на угли и здорово обожглась. Наверное, на полу осталась изрядная лужа... Бандит Хорхе подтолкнул Карлоса к матери и убрал железную руку с его шеи.

– А-а, так это ты. Ну да, конечно, – сказала мать на удивление спокойно, наклонив голову, отчего тени поползли по лицу вверх. – Ну что ж, целуй давай!..

Карлос настолько был готов к истерическим ударам, к крику и возне, что даже не сразу понял, о чем это она. Зато Бандит Хорхе быстро все сообразил: он снова ухватил Карлоса за шею и силой заставил опуститься на колени перед опозоренной статуэткой.

– Да, сынок, – мягко и необычайно нежно сказала мать. Он и не помнил, чтобы она к нему когда-нибудь так обращалась. – Целуй ей ножки, целуй, сынок! Каждый пальчик целуй! Все языком оближи...

Карлосу стало и смешно, и противно. Вон как ласково мать заговорила! Может, стоит почаще что-нибудь сотворять, чтобы она с ним так обращалась? Но лизать обоссаную им самим статуэтку?.. Он повернулся к матери и совсем не узнал ее. Стоя на коленях, он не видел ее глаз, потому что мать высоко подняла голову, а по темным губам скользила невиданная прежде улыбка. Да, подумал вдруг Карлос, кажется, Хорхе-то я могу не бояться, не говоря уж о матери. А вот как насчет... Он посмотрел на стоящую вровень с его лицом безмятежную Мадонну. Не-а, сказал он себе, пугаясь и пытаясь подбодриться одновременно, она точно такая же, как и была. Деревяшка, она деревяшка и есть! Чего там! Но все равно было очень страшно. Так страшно, что Карлос – быстро, как будто спасаясь бегством – склонился вперед и обхватил губами влажные деревянные ступни. И сразу же почувствовал на своей голове руку. Но не тяжелую руку Бандита Хорхе, а мягкую материнскую ладонь. Поглаживая, она слегка давила на затылок, еще больше прижимая его губы к статуэтке. Все правильно, решил Карлос, ведь измазал же он себе зачем-то щеку. Значит, так ему и надо. И он стал усердно водить языком по бугоркам грубо вырезанных ног. На мгновение ему показалось, что эти ноги чуть дрогнули, а пальцы пошевелились, как от щекотки... Но тут мать опустила свечу пониже и, будто очнувшись, сказала:

– Давай, сынок, торопись. А то ведь Хорхе-то еще не закончил. Нельзя его заставлять ждать, сам понимаешь. Не такой он человек.

Ах, ты!.. Карлоса передернуло. Да что же это?! Он свою дрянь с ног у Мадонны вылизывает, а она, мать, только и ждет, чтобы тут же козла этого мыкающего обслужить? Чтобы он по ней елозил, кирпичи ронял, хлюпал в ней своей елдой? А как же Мадонна? Ах он, дурак! Вот ведь купился! Мать, значит, покается и тут же, прямо перед Ней... И ничего? И все правильно?! Да пускай Она ему теперь задницу своим деревянным языком вылизет, раз она такая! Вот суки-то, вот бляди! Да он сейчас эту деревяшку вообще спалит к едрене фене!

Оказалось, Карлос выплюнул все эти слова прямо в лицо Мадонне. Потому что покачнулась, как пламя свечи, и вытаращила глаза мать, и захохотал своим нечеловеческим голосом – подвывая и похрюкивая – Бандит Хорхе, сидящий теперь с ногами на матрасе. Сам Карлос понял, что орет вслух, только тогда, когда материнский локоть толчком повалил его на пол, а его собственный крик перекрылся ее визгом. Не обращая внимания на рассыпавшиеся по полу четки и опрокинувшуюся лампадку, Мать подхватила статуэтку на руки бережно, как расшалившегося ребенка.

– Нет, – выдохнула мать, – нет! Она *все* видит, она *все* понимает! Она... Она – такая же! Такая же! Вот! Вот! Вот! Смотри!

Короткими движениями, как будто заново месила, словно размякшую глину, старое дерево, мать ощупывала ладонью драпированную грудь статуэтки. Потом опустила ниже, пытаясь раздвинуть покрашенный белой краской балахон. Потом повернула фигурку спиной и вдавила свои пальцы с грязью под ногтями в твердые выпуклые ягодицы. Грудь матери тяжело и беспокойно двигалась под рубахой, соски вздулись и просвечивали сквозь жидкую ткань. Забывшись, мать переступала с ноги на ногу, как будто ей нестерпимо хотелось на двор. Она вела себя словно замороженная. Даже сильно подвыпив и устраивая истерику недоплатившему клиенту, она не бывала такой. Карлосу стало страшно. Это был *другой* страх – не похожий на тот, который он испытал, увидев под окном Хорхе, и даже не тот, который заставил его целовать ноги деревянной Мадонны. Женщина, бок о бок с которой он прожил много лет – его собственная мать – вдруг показалась ему *незнакомой*: какой-то светлой и легкой, что ли... И потому страшноватой. Карлосу на минуту представилось, что статуэтка у нее в руках и действительно мягкая, совсем живая. Что еще немного, и мать сдерет с нее

деревянную одежду, ощупает со всех сторон теплое тело и бесцеремонно полезет толстыми пальцами между ног...

Тут снова заржал Бандит Хорхе, только еще громче и еще отвратительней. Карлос услышал, как у него за спиной с угрозой всхлипнули пружины и хотел обернуться, но не успел. Наверное, Хорхе все же основательно сдвинул кирпичи, потому что тупо стукнулась об пол матрасная рама, и Бандит Хорхе всей тушей повалился на Карлоса. Мать опять взвизгнула, а Карлос, основательно получивший по голове жестким коленом, неожиданно взлетел и поплыл вверх, прямо сквозь крышу хижины. Быстро и легко он проткнул беременное брюхо звездного неба и оказался в совершеннейшей пустоте, где не было ни цвета, ни запаха, а только все покалывало под языком, как будто он напился безвкусной газированной воды. И сразу же подумал о том, что уже умер. Потому что, если смерти нет, то и жизни тоже нет... Потому что все существующее должно же где-нибудь начинаться и где-то заканчиваться. И даже Бог...

Стоп! Карлос споткнулся о собственные мысли. Он уже думал об этом! О жизни, о смерти. И о Боге думал. И еще удивлялся, как это у него лихо получается: разумно и складно. А-а, догадался Карлос, я попал сюда из вагона метро, после того, как Очкарик... Ну, в общем, теперь все ясно. То ли это он сам вдруг научился хорошо соображать, то ли место, куда он попал, было таким, что волей-неволей все становится понятным само по себе, но перед Карлосом сразу развернулись все невероятные события его жизни. Как будто разложенные веером карты повернулись к нему лицом, и каждая из них лежала на своем месте. Довольный самим собой и пришедшим пониманием, он приободрился и одним взглядом окинул всю свою жизнь. Как мальчишка, допущенный в закулисный мир фокусника, он с интересом рассматривал то один ее эпизод, то другой. Вот мать с ее Мадонной, вот маленькая безотказная поблядушка... Вот неизвестный ему отец. Даже дурачок Хозе тоже тут. А вот и она – та, легкая и прохладная, которую он называл Мэри – там, в Техасе. Как же он сразу-то не понял! Хотя, где ж ему было понять – еще недавно такому тупому да дикому... А вот Матильда – огромная, светящаяся, с необъятной сладкой грудью. И Маленькая женщина, и Очкарик... Каждый из этих людей был не случаен в его жизни, каждая история для чего-то была нужна, и в этот момент он точно знал, для чего именно. Погоди-ка! Одно место в этой приятной своей простотой картинке показалось ему черным зловещим провалом. Одна карта почему-то оказалась не перевернутой! Почему он и Очкарик висели рядом на крестах в той большой церкви? Что это означает? Карлос забеспокоился. Почему Некто, подарив ему такую ясность в мозгах, такую глубокую уверенность и понимание, сделав его совсем другим человеком, – почему этот Некто вдруг спрятал от него один в общем-то пустяковый эпизод? Но может быть существуют и другие провалы?..

Слегка запаниковав, Карлос еще раз, как мелкие монетки, зажатые во вспотевшем кулаке, пересчитал свою жизнь. Нет, только этот случай в церкви уродливо зиял в открывшемся ему ряду событий, словно дырка от выбитого зуба. Один-единственный! Разбойник с его собственной физиономией, висящий на кресте рядом с Иисусом-Очкариком! Ну это надо же! Умудренный Карлос больше не верил в совпадения. И сразу же ему стало тошно. Все его понимание съезжилось и поблекло. Ушла ясность, ушла легкость, и голова снова стала мутной и тяжелой. К тому же Карлос чувствовал, что отпущенное ему время уже истекает, что он постепенно возвращается обратно, на грязный пол в вагоне метро, к ногам Маленькой женщины... Возвращается униженный больше, чем тогда, когда провалился в эту пустоту. Пустоту? Никакой пустоты уже не было. Маленькая женщина с озабоченным видом стояла перед ним на коленях и держала прохладную ладонь у него на лбу. А рядом, тоже стоя на коленях, знакомо – совсем как та соседская девчонка – улыбалась Другая женщина, бесстыдно пристававшая к Очкарику.

– Ну как ты, очнулся? – спросила Маленькая женщина и коснулась собственного лба. – Падаешь в обморок, как какая-нибудь барышня.

Похоже, она здорово испугалась, и теперь, увидев, что Карлос пришел в себя, разозлилась. Пол вагона покачивался: поезд деловито бежал по темному туннелю. Карлос глубоко вздохнул, приподнялся на локте и, неожиданно для себя самого сказал:

– Я хочу в церковь! Прямо сейчас!

Маленькая женщина округлила глаза, а та, другая, звонко расхохоталась, перекрывая стук колес. Но тут же оборвала смех и ловко вскочила на ноги:

– Вот это правильно! Молодец! Что время-то терять?

Она проворно, как резиновый мячик, подскочила к блестящей загогулине стоп-крана и, сорвав пломбу, рванула ее на себя. Все существующие в мире отвратительные звуки сорвались с цепи и помчались по пустому вагону.

– Приехали, – заорала другая, сумасшедшая женщина, – вылезаем!

И торжествующе нахлобучила себе на голову измятую шляпку.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Хотя Билли был почти уверен, что Харон убит в перестрелке с полицией, но сейчас удивился, кажется, только тому, что Харон чисто выбрит и одет в аккуратный черный смокинг. То, что Харон оказался приемным сыном таинственного мистера Монтелли и, значит, братом жениха Изабеллы, удивило Билли гораздо меньше. Во-первых, у него просто не было времени подумать об этом всерьез. Во-вторых, все его странные и нелепые приключения – настоящие или только самовнушенные – научили его спокойно относиться ко всему. Даже к собственным дурацким поступкам. Уж если он позволил себе прямо на глазах у тетушки Эллен повторить свой юношеский подвиг, то... У Билли было ощущение, что его, как остатки вчерашней еды, кто-то и зачем-то медленно подогревает, перебрасывает с одной горячей сковородки на другую, уверенной рукой доводя до нужной кондиции. Если догадываешься об этой руке, то никакие совпадения тебя уже не смущают. Более того, становится понятно, что никаких совпадений и нет вовсе! Будь у Билли больше времени, он попытался бы сообразить, почему, например, его внимание привлек именно этот ресторанчик. Или почему Харон тогда, в такси, вдруг превратился из наглого бандита в преданного... слугу, что ли? Но сковорода под ним шипела, а нетерпеливая рука заботливо поворачивала его на другой бок, чтобы не подгорел.

Увидев Билли, Харон повел себя еще более странно. Он широко и фальшиво улыбнулся – Билли даже показалось, что Харон не узнает его – и протянул свою огромную лапу. Билли открыл было рот, но тут же его закрыл. Нет, только в кино встречаются такие неразличимые двойники. Это, безусловно, был Харон.

– Кстати, очень рад, мистер МоцЦарт! – сказал он, усаживаясь на ковер рядом с Билли. – Маэстро, это большая честь для нас – принимать такого гостя! Кстати, мой братишка ее и не заслуживает. Честно говоря, я думаю, он и Изабеллу-то не заслуживает!

Харон слегка подтолкнул Билли в бок и расхохотался. И мистер Монтелли, и Изабелла улыбались, словно и не заметили его бестактности. Только жених засверкал потемневшими глазами, и его улыбка подернулась звериной судорогой. Но Харон не обратил на это никакого внимания. Не вставая, он протянул руку и медленно погладил Изабеллу по заметно дрогнувшему под платьем колену.

– А она у нас умница, верно? Такая девушка в нашей семейке... И вот ее, эту девушку, Робби надеется сделать образцовой итальянской женой с целым выводком придурков. Постареет, обрюзгнет...

– Клавдий, – подчеркнуто вежливо произнес мистер Монтелли, – право, сейчас не время и не место... Вы знаете, – обратился он к Билли, – мои мальчики вечно спорят. Великие спорщики! Братская любовь – она вообще вещь странная... Мальчики совершенно по-разному смотрят на жизнь. Их расхождения по вопросам брака просто удивительны. Отсюда и споры, споры... Ох уж эти мне споры!..

Последнюю фразу мистер Монтелли произнес, жестко повысив голос и явно адресуя ее своим «мальчикам». Билли показалось, что он услышал, как заскрипел зубами безмолвный и до сих пор неподвижный жених. А Изабеллу, похоже, выпад Харона только позабавил. Нимало не смущаясь, она мило и чуть застенчиво смотрела куда-то в пространство между Билли и Хароном.

– Кстати, маэстро: мой братишка – отчаянный зануда, – совсем уж весело продолжил Харон. – Не знаю, успел ли отец рассказать вам о нашей семье – он очень любит о ней рассказывать – но, мне часто кажется, что Робби... Даже не знаю, как сказать. Слабак, что ли. Хотя он – не то что я, и образование получил лучше некуда... А что, разве не так? Ну-ка, Робби, расскажи нам, чем ты там, в своем Гарварде, занимался? Э-э, ну да ладно, сам вспомню. Ну, в общем, что-то там о Шекспире. Что-то шибко умное. А такую вот девку возьмет и испортит! Она...

Не обращая внимания на укоризненный взгляд приемного отца, Харон собирался было продолжить, но тут, наконец, не выдержал жених. Он взвыл в голос, длинной черной тенью метнулся через стол и повалил Харона на спину, задев при этом Билли. От боли и неожиданности Билли подпрыгнул и неловко, отстраняясь от сцепившихся братьев, отъехал по ковру в сторону. У него никогда не было родственников мужского пола, да еще способных подраться, и, по его представлениям, сейчас все должны были вскочить на ноги, закричать и броситься разнимать дерущихся. Но Изабелла только задумчиво и безмятежно смотрела на них и покачивала головой.

– Мальчики, – строго, но совершенно спокойно произнес мистер Монтелли, – вы заставляете меня краснеть перед нашим гостем!

Он взглянул на Билли так, словно собирался попросить прощения за расшалившихся детей. Но внезапно его брови вздернулись и глаза округлились, совсем как у тетушки Эллен.

– Подумать только! – удивленно произнес мистер Монтелли, забыв о катающихся по полу сыновьях. – Дорогой мой, да вы просто... Изабелла, девочка моя, взгляни-ка!

Оказалось, что наспех надетый фартук съехал в сторону, открывая взорам присутствующих по-прежнему безобразно торчащий из брюк член. Билли ухватился за край фартука, стараясь вернуть его на место, но, похоже, умудрился сесть на этот проклятый фартук и теперь, как не старался, не мог вытащить его из-под себя.

– Да, – нежным голосом сказала Изабелла, наблюдая за отчаянными попытками Билли хоть как-то прикрыться, – я говорила вам, дорогой Дон. Вы же знаете, что я никогда не вру и не преувеличиваю. А тут, наверное, даже преуменьшила.

Она рассмеялась, игриво кольнув Билли глазами, а мистер Монтелли значительно и удовлетворенно закивал. Билли, наконец, сообразил вскочить на ноги, и фартук вернулся на свое место. Билли совсем не почувствовал смущения. Тут было что-то другое, пока не совсем понятное. Ему показалось, что они – и мистер Монтелли, и Изабелла – беззастенчиво рассматривали его и оценивали, как оценивали бы лошадь или автомобиль, который собирались купить.

– Мальчики! – в голосе мистера Монтелли послышалась решительность и ярость, какую трудно было ожидать от сухонького старичка. – Прекратите немедленно!

Всё! Закончили! Роберто, подойди сюда! Мне нужно срочно переговорить с тобой. А ты, Клавдий, займи пока гостя.

Билли поразился, увидев, как, словно борцы после финального гонга, оба брата быстро поднялись на ноги. А мистер Монтелли снова вежливо заулыбался, легко поднялся из кресла и, опершись на руку подскочившего сына, неторопливо вышел из комнаты. Как только дверь за ними закрылась, разгоряченный, еще не отдышавшийся Харон шагнул к Билли и внимательно посмотрел ему в лицо. Судя по изменившемуся выражению глаз и почти неуловимо дрогнувшим губам, на сей раз Харон Билли узнал и, казалось, хотел сообщить ему что-то важное. Он косил глаза на задумчивую Изабеллу, и Билли сообразил, что Харон не скажет при ней того, что сказал бы наедине. Билли вдруг охватило беспокойство. Тревожное выражение лица Харона, казалась, предупреждало его об опасности. Вспомнив бандитскую физиономию стоявшего за дверью охранника, Билли подумал, что если его почему-либо не захотят отпустить, то выйти отсюда будет непросто. Даже с помощью Харона.

– Вы уж нас, дураков, извините, маэстро, – заговорил наконец Харон. – Я, кстати, человек простой, говорю что думаю, а он... Правда же, Изабелла? Ну и, конечно, завидно мне, что он на такой вот девушке женится. Сам-то я холостой – не та работа, чтобы жениться, детишек заводить... А вот Робби, тот да, тот...

– Билли, – неожиданно перебила Харона Изабелла, – не слушайте вы его. Врет он все! Тут дело непростое. Мистер Монтелли начал было объяснять, да не успел: он всегда рассказывает очень медленно... А в наших семьях такие сложные традиции! Робби считает, что «Ромео и Джульетту» Шекспир списал именно с нас. Ну, не с нас лично, а с наших предков... Вы понимаете? Только на самом деле все было не так. Совсем не так! И не умерли они, и... Это долго объяснять. Я вам просто скажу. Да, и скажу, а что?!

Она с вызовом повернулась к Харону. Билли тоже взглянул на него и увидел, что у Харона побелели губы, и что, качая головой, он предостерегающе поднял руку. Изабелла одарила Харона непонятным мстительным взглядом и через секунду продолжила:

– Да ты не волнуйся, Дон разрешил мне говорить, – она торжествующе улыбнулась, даже показала Харону кончик языка и снова обратилась к Билли. – Я потому и огорчилась, когда увидела вас сегодня, Билли. Боялась, что они вас напугают. А ведь это я им о вас рассказала! Вы только не подумайте, что я шпионка какая-нибудь. Так случайно получилось... В общем, вы теперь и впрямь член семьи и вправе знать правду. Весь фокус в том, что они... Они все – импотенты! Все мужики!

Билли показалось, что он ослышался. Бред какой-то! Ну зачем это?.. А как же танец? Да и вообще... свадьба? Под жалким и растерянным взглядом Харона он чувствовал, что просто обязан сказать хоть что-нибудь. Но Изабелла – как будто услышала его мысли – тут же объяснила про танец, что именно в том-то и состоит смысл ритуала. Теперь Билли переданы все полномочия. А она сразу же подумала о нем. Еще там, в бассейне... Потому так огорчилась, когда заметила следы. Ну, от этой его штуки. Вот. И, конечно, жениху требуется заместитель. Всего на одну ночь. На брачную ночь. Когда она, Изабелла, рассказала про Билли, то все обрадовались: ведь очень важно кто именно... Они должны были пригласить Билли на свадьбу как положено. Но случилось так, что он появился сам. Пришлось немного изменить весь распорядок – но это ничего, Дон разрешил. Дело-то тонкое, тут не всякий подходит. Иногда нужного человека долго разыскивать приходится. А сейчас, особенно когда Дон увидел... Ну, сами понимаете, что... Так у всех от сердца отлегло. Тем более, что он, Билли, и с самого начала был не посторонний: она же у него работала, знала, с кем дело имеет. С какой семьей. Хотя, конечно, пришлось навести кое-какие справки...

– Ну и дура, – разочарованно сказал Харон и снова опустился на ковер. – Кстати, не забудь ему еще про баллончик с газом рассказать. Который ты у них дома, на

выступлении расплыла, чтобы маэстро украсть без помех! Эх, перехвалил я тебя! Баба, она баба и есть...

Изабелла собралась было ответить что-то, судя по выражению лица, крайне язвительное, но дверь распахнулась, и в комнату вошел мистер Монтелли, все так же почтительно поддерживаемый под руку младшим сыном. И снова Билли не хватило времени, чтобы осмыслить только что услышанное. Изабелла расплыла на его выступлении какой-то газ? Или это просто выдумка Харона? Билли решил, наконец, возмутиться и потребовать ответа. Трудно было понять, что именно сказал сыну старый Дон, но у жениха не осталось и следа от прежней злости. Изабелла церемонно подошла к нему и что-то быстро шепнула на ухо. Жених нехотя улыбнулся и стал поправлять цветок в петлице. А сухие и твердые пальцы донна Монтелли ухватили Билли за локоть.

– Милый мистер МоцЦарт! Впрочем, думаю, вы не будете возражать, если я стану звать вас просто Билли. Вы ведь мне теперь почти как сын. А это ко многому обязывает. Меня, конечно. Но в чем-то и вас тоже. Не пугайтесь, речь пока идет только о том, чтобы вы оказали нам честь своим присутствием на брачной церемонии в церкви. Такова, знаете ли, наша традиция: сначала скромное семейное торжество, а потом, после небольшого перерыва, все отправляются в церковь. И, пожалуйста, не обращайтесь внимание на мою болтливость: я много говорю, но это просто от волнения. Когда у вас, Билли, будут собственные дети, вы поймете, что значит женить сына. Ну вот. А сейчас – нас ждут в церкви. Лимузин уже подан, пора ехать!

Последние слова мистер Монтелли произнес громко и повелительно. И все сразу зашевелились. Появился хозяин ресторана с липкой улыбкой на синеватых губах. Он широко распахнул дверь и, кланяясь, делал рукой приглашающие жесты. Мистер Монтелли, не выпуская локтя Билли, двинулся вперед. Остальные почтительно расступились, и Билли поймал не один брошенный на него украдкой косой взгляд. Когда они проходили мимо хозяина ресторана, тот, преданно глядя на мистера Монтелли, протянул руку к Билли.

– Фартук! – прошипел он уголком рта. – Фартук-то снимите!

И сразу же, как будто обжегшись, одернул руку. Мистер Монтелли только прищелкнул языком, но на еще недавно сизом лице хозяина вдруг четко проступила черная щетина. Он отшатнулся и сразу же куда-то исчез. Ого, подумал Билли, ну и бояться же здесь этого мистера Монтелли! И пожалел дурака-хозяина. В принципе, тот был прав: ехать в церковь, на торжественную церемонию, в этом белом поварском фартуке было просто нелепо. Но для того, чтобы его снять, нужно сначала попытаться застегнуться.

– Ах, милый Билли, – беззаботно сказал ему мистер Монтелли, – не суетитесь, пожалуйста! Пусть все останется как есть. Конечно, это моя вина – я заговорился и не успел посвятить вас во все подробности наших традиций и ритуалов, но, кажется, Изабелла успела кое-что вам объяснить. Молодая, решительная... Не будет ходить вокруг да около. Нет, нравится мне моя будущая невестка, право, нравится! Так вот, если вас не смущает такая почетная, я бы даже сказал – очень почетная роль, то... Да что это я болтаю? Разве мужчину может испугать подобная перспектива? Уверен, абсолютно уверен, что нет! Не так ли? Ну вот и славно! Если бы мы теперь не торопились, я бы обнял вас по-настоящему, как сына! Впрочем, это от нас никуда не уйдет...

Они уже стояли на улице. Вдоль тротуара терпеливо вытянулась цепочка длинных черных лимузинов. Вокруг толпились торжественные и взволнованные мужчины в черном. Их было так много, как будто дело происходило не перед маленьким ресторанчиком в Литтл Итали, а у подъезда бродвейского театра. В воздухе чувствовалось предвкушение чего-то большого и необычного. Билли подумал, что никогда еще не присутствовал на свадьбах, и это, наверное, нормальная свадебная суета. Он поймал себя на том, что старается казаться невозмутимым, но на самом деле

был совершенно растерян – пожалуй даже больше, чем утром, в такси у Харона. Подумав о Хароне, Билли оглянулся, поискал его глазами, но плотные мужчины в черных смокингах показались ему сейчас совершенно одинаковыми. Словно отразившись во множестве зеркал, один и тот же человек торопливо гасил окурки, усаживался в лимузины и негромко перекликался сам с собой. Харона Билли так и не разглядел. И вдруг понял, почему эта суэта напомнила ему театр. Все эти одинаковые люди были милы и вежливы только по чей-то неизвестной ему прихоти. Не только с ним, но и друг с другом. Казалось, под оболочкой изысканности и цивилизованности скрываются непонятные и непредсказуемые существа... как бы и не люди вовсе. По какой-то непонятной ассоциации Билли вспомнился неизменно притягивающий и пугающий глубокий ночной провал Центрального парка. Окружившие его смокинги были того же бездонного цвета...

– А сейчас, дорогой Билли, я вынужден вас оставить. Моя роль на этой свадьбе, поверьте, значительно более хлопотная, чем ваша! Вы поедете в этой машине, сразу же вслед за невестой. А нам с Робби предстоит отправиться вперед – вы понимаете, таковы обычаи. Но уж потом – вы мой сын и гость!

Мистер Монтелли вежливо, но твердо подтолкнул Билли к услужливо распахнувшейся перед ним двери автомобиля. Вообще-то Билли предполагал, что для свадебных кортежей используют белые лимузины. Черные, скорее, подобают похоронным процессиям. Он еще раз окинул взглядом улицу, заметил парочку зевак, полицейского с ленивыми масляными глазами, проезжающего мимо на смешном трехколесном мотороллере... Харона нигде не было видно. Билли пожал плечами и нырнул в темное нутро роскошного, но мрачноватого автомобиля. Дверь сразу же мягко захлопнулась, и лимузин без малейшего толчка тронулся с места.

Первое, что решил сделать Билли, оставшись в одиночестве, это все-таки привести в порядок свой костюм и выбросить дурацкий фартук. Как бы там ни было, но оказаться в церкви, на венчании – пусть даже таком необычном – в смешном фартуке... Билли почувствовал, что хоть каким-то нормальным действием должен нарушить ту буффонаду, в которой поневоле принимал участие. Но застегнуться так и не успел. На плечо опустилась тяжелая рука, и тут же появилась расстроенная физиономия Харона.

– Маэстро, – тихо и грустно произнес Харон, глядя на Билли глазами большой собаки, – маэстро... Блин, я же не хотел! А теперь получается так, что это я вас сюда затащил. Откуда ж мне было знать, кто вы! Кстати, я почти с самого начала чувствовал, что не надо бы этого делать... Ведь мысль-то какая была? Как бы украсть вас ... ну там, у банка. А потом... вроде бы мистер Монтелли со своими людьми появляется и спасает. Ну, чтоб вы себя обязанным и благодарным почувствовали. И меньше вопросов задавали, что ли. Да, кстати, и покладистее были бы... Но тут такая история закрутилась, что и не передать! Это все она, сучка поганая, Изабелла! А я что? Я хоть и член семейства, но только подчиняюсь приказам как и все, сами понимаете. Кстати, наш папаша, Дон Монтелли, он такой человек... Вы с ним поосторожнее, маэстро. Он как крыса – опасный. И умный тоже. Специально, кстати, эту бабу, Пегги, в такси подсунул, чтобы проследить... Зуб даю, точно! А я, маэстро, вы же видели, пытался вас от этого дела отпасти. А вы... Ума не приложу, как вы прямо к ним угодили! Это все он – дон Монтелли... Он и не такое может организовать!

Харон помотал головой, отчего сходство с побитой собакой почему-то усилилось и, убрав руку с плеча Билли, вытащил откуда-то из-за пояса небольшой плоский пистолет с ребристой насечкой на изящно и хищно выгнутой рукоятке.

– Вот, – Харон протянул оружие Билли, – кстати, возьмите, маэстро. Я, конечно, постараюсь быть поблизости, но кто его знает, какой получится расклад. Да не пугайтесь вы так. «Дура» надежная. Давайте, берите!

– Послушайте, да объясните же мне, что тут у вас происходит!

Билли старался говорить спокойно, но, прикоснувшись к опасному, еще хранящему звериное тепло большого тела Харона, пистолету, вздрогнул и одернул руку. Харон с сожалением причмокнул губами и сам сунул пистолет Билли за пояс.

– Не валяйте дурака, маэстро. А про то, что тут происходит... Если сначала, то долго получится. А нам ехать всего-ничего, не успею рассказать. Ну а если коротко, то вы мне не поверите. Наверняка не поверите. Ну ладно, попробую в двух словах. Кстати, вы про мафию, конечно, слышали? Ну вот. Только, все эти кланы, семейства... Они так, рыбки мелкие, по поверхности плавают. А настоящие акулы на то и акулы – про них особо никто не распространяется. Да и вам лишние подробности ни к чему. В общем, с некоторых пор заинтересовался наш папашка всякой чертовщиной. Ну, в смысле, этими, как их... паранормальными явлениями. Кстати, у него разведка – ого-го какая, крутые профи работают. Да не такие, как в ФБР или ЦРУ, которые, суки, только штаны за зарплату просиживают, а настоящие. Мастера! Это можете мне поверить. Кстати, и Изабелла там, у них, крутится. Вот она-то и навела на вас всю эту контору. Как они там выбирают, – честно говоря, не знаю. Кстати, до сих пор они никого толкового, по-моему, так и не нашли. Все херня какая-то! Либо жулики, либо придурки попадались. Но потом вас вычислили и вот... Они собирались вас украсть еще на выступлении, да что-то там не сладилось. Тогда меня и подпустили со всей этой ерундой про банк и заложников. Ха, на хрена дону Монтелли банки грабить? Он ими владеет! А мне-то что, я человек в этом деле маленький. Взял, да и поехал вас ловить. Но вот потом, маэстро, ну бля буду, понял, что на этот раз – точно не херня. А потому и понял, что ни с того, ни с сего взял, да и решил вас отпустить. Отвезти подальше, чтобы эти козлы вас не достали, и отпустить.

Харон с удивлением, как будто только что заметил Билли, посмотрел на него, потом на свои огромные ладони и как-то странно то ли всхлипнул, то ли зарычал.

– Да я-то совершенно нормальный, – простонал Билли почти шепотом. – Я-то им зачем? Ну да, сложности у меня всякие. Но... Я же не телепат, не фокусник, не экстрасенс какой-нибудь! И зачем тогда весь этот спектакль со свадьбой? Ну украли бы, я понимаю, руки бы связали, в подвал бросили или еще как. А тут...

– Ха, нормальный! Маэстро, мне-то зачем зубы заговаривать? Я из-за вас, кстати, жизнью рискую. Это я-то! Который больше чужие жизни забирать привык, понятно? Кстати, помните, говорил вам про чудика одного у нас на киче, он все про медный таз распространялся да чужие пайки жрал. Так это я его тогда... А вы говорите – нормальный вы! А свадьба, кстати, совершенно настоящая. Тут ведь тоже все непросто. Она, Изабелла, сейчас правду сказала. Ну или почти правду. Потому что все члены семьи – мужики – не импотенты, но... кастраты.

Харон замялся и опустил глаза. Билли ошеломленно проследил за его взглядом: взгляд был направлен на прикрывающий его брюки фартук. Ну вот, подумал Билли, осторожно отодвигаясь от наклонившейся к нему туши, попробуй тут не сойти с ума!

– Это целая история, маэстро, – Харон, наконец, откинулся на спинку сидения и теперь смотрел в окно. – Да, целая история. Дураков нет, чтобы просто так с собою эдакое сотворить, вы уж мне поверьте. И, кстати, все, что про кастратов говорят – херня полная, не так это все на самом-то деле. Но только не объяснишь этого... Власть у семьи большая, понимаете? Потому что сила, которая у других на баб уходит, у них – ну, то есть, у нас – совсем другим оборачивается. Я и сам не очень-то в этом понимаю, кстати. Могу сказать только, что поэтому папашка большим человеком и стал. А про вас они узнали, что вам еще большая сила дана, куда как большая! Вы вот про Сольерри слышали что-нибудь? Нет? Тоже, говорят, родственнички наши. Кстати, давно, лет триста назад, вроде как пытались они к какому-то вашему предку подъехать. Не знаю, чем там дело кончилось, но папаша, как только ему про вас доложили, аж затрясся весь! Хотя, если уж честно, какой он мне папаша! Кто родители мои – неизвестно. Найденыш я приبلудный. Но оно, может, и к лучшему... А то, что Изабелла про Ромео и

Джульетту говорила, кстати, тоже правда. Только там, как водится, еще один тип был, не из семьи, который в брачную ночь и должен был Джульетту трахнуть. Ну а этот, Ромео, взъерепенился, не хотел другого мужика к ней подпускать и, конечно, мочканул его сдуру. Сразу же слухи поползли, то да сё, теперь разве узнаешь, как там было. Кстати, папашка для того и отправил Робби Шекспира этого изучать, я так думаю. А тот и зазнался, гаденыш, на папашкино место метит, говорит, миссия у него...

Лимузин притормозил на повороте, и Харон заторопился. Он неуклюже встал, пробрался в глубину салона – так, чтобы его не было видно из открытой двери – и плюхнулся на жалобно скрипнувший под ним диванчик.

– Ну вот и все, маэстро, мы почти добрались. Вы им там не говорите, что я с вами в машине был, да еще и болтал всякое. И про пушку помните. А, главное, не давайте им себя использовать. Притворитесь или как. Только ни в коем случае не спорьте с папашкой! Этого нельзя, категорически нельзя! Соглашайтесь на все, что вам предложат, но сами ничего не делайте. Если удастся, конечно. Ведь вы же – все можете! Сам не понимаю, как, но знаю точно. А я за вас, маэстро, если что... Надо, чтобы все правильно получилось! Хоть раз в жизни, да правильно! Бля буду, еще в тюряге об этом мечтал. И, когда того дурика черного кончал, так плакал, не поверите – рыдал, как в жопу раненый. Обидно было, что врет он все. И, главное, так красиво врет! А тут – вы... В жизни не встречал такого как вы! Только сделайте, чтобы красиво получилось! Очень уж хочется, чтоб красиво... Э-э, да что там говорить! Кстати, все, приехали.

Билли опять не удивился. Хотя получалось так, что Изабелла, Пегги, дон Монтелли и даже тяжеловесный Харон быстрее его поняли то, о чем он должен был догадаться первым. Но слишком уж невероятным получалось открытие, и слишком мало было времени, чтобы во всем разобраться. Пока он рассуждал о Подарке сам, это были всего лишь его домыслы... Смешные, а иногда страшноватые, видения... И совсем другое дело, когда из-за твоих дурацких способностей за тобой начинает охотиться какая-то жуткая мафия. Ох, знала бы тетушка Эллен, во что все это выльется! А, может быть, она догадывалась? Ведь не зря же она утаила многое из того, что произошло с отцом и дедом! Тогда получается, что именно тетушка сделала из него монстра! Или – все это ерунда, цепочка недоразумений, и банда отчего-то свихнувшихся бандитов принимает его не за того, кем он является на самом деле? Билли вздохнул поглубже и приготовился сделать ошеломительный вывод, но в эту секунду лимузин остановился и дверь распахнулась, впуская в салон дневной свет. Мрачного вида тип, сверля Билли глазами, нетерпеливо ждал. Билли выдохнул, покосился на пытающегося вжаться в кожаное сидение Харона и вылез из машины.

Пятая авеню была полна народа. После всего, что нашептал ему Харон в роскошном полумраке лимузина, у Билли слегка покруживалась голова. Но мрачный сопровождающий не дал ему осмотреться. Чуть касаясь Билли выпуклой накачанной грудью, он так недвусмысленно сопел за спиной, что Билли ничего другого не оставалось, кроме как подняться по ступеням к высокой двери собора. Тут сопровождающий скользнул в сторону и неуловимым легким движением распахнул перед ним тяжелую дубовую створку. Билли только успел оглянуться на беззаботную, ни о чем не подозревающую улицу и шагнул в полумрак. Рядом с напряженно улыбающимся мистером Монтелли стояло всего несколько человек – похоже, те самые лысые толстяки, которых он успел заметить в ресторане. Куда исчезли все остальные гости Билли не понял, но огромное пространство собора было пусто и безлюдно. Мистер Монтелли торжественно склонил голову в знак приветствия и – на сей раз, не говоря ни слова, – подхватил Билли под локоть и торопливо повел в глубину величественного помещения к далекому алтарю. За ними гуськом потянулись все остальные. У Билли все еще кружилась голова, и он испытывал только нелепое облегчение от того, что в соборе пусто и, значит, никто не видит его шутовского наряда.

Не доходя до алтаря, мистер Монтелли помедлил, а потом почему-то повернул налево, где один за другим были расположены небольшие приделы. Тусклый дневной свет, пробиравшийся сквозь богатые витражи, не освещал, а только расцвечивал неожиданными красками вечные сумерки, поселившиеся в этом огромном зале. Наконец, мистер Монтелли остановился у одного из приделов.

– Здесь, – сказал он вороватым шепотом. – Кажется, именно здесь. Только ничему не удивляйтесь, мой мальчик. Конечно, это моя вина: нужно было подготовить вас заранее. Но вы же понимаете – суэта страшная. Суэта и неорганизованность. Я только надеюсь, что вы – человек не слишком религиозный, поэтому некоторые нарушения общепринятых церковных церемоний вас не смутят. Да вы же, кажется, и не католик вовсе. Это я как-то сразу и не сообразил...

В глубине придела, прямо под окном, Билли заметил Изабеллу. Рядом с ней топтался какой-то человечек с растерянным лицом, судя по одежде – священник. Увидев мистера Монтелли, он неуверенным движением сложил руки на груди и покосился куда-то в сторону. Мистер Монтелли подвел Билли к Изабелле и коротко кивнул священнику. В ответ тот тоже быстро закивал, хотел что-то сказать, но мистер Монтелли чуть приподнял сухую ладонь, и священник поперхнулся.

– Прежде всего, – сказал он, откашлявшись, и Билли удивился, что этот святой отец почему-то разговаривает шепотом, преданно и виновато глядя на мистера Монтелли, – Прежде всего, вот что я хочу сказать вам, дети мои... И были Адам и Ева, и были Каин и Авель. И ела Змиево яблоко Ева, и наложена была печать на Каина. Но от него, чей порог стерег грех, дети мои, от убившего брата своего и пошли мы, рабы Божьи! И осталась нам и печать Его, и влечение греха к нам. И через это жизнь есть живая...

Тут священник как-то сморщился и, если бы не смертный испуг в глазах, можно было подумать, что он собирается чихнуть. Мистер Монтелли нетерпеливо покачал головой. Но священник, еще крепче сжав руки на груди, снова покосился в сторону и, сбившись со своего напевного тона, сказал плачущим голосом:

– Высокочтимый мистер Монтелли... Тут непорядок... Все было сделано, как вы просили, но часа два назад какой-то сумасшедший вломился и... Мы уж не стали в полицию звонить, а известить вас просто не решились. Это вандализм какой-то! Бог свидетель, ну кто мог такое предвидеть...

Мистер Монтелли сухо причмокнул губами и шагнул к священнику. Тот отступил на шаг и – лилово-оранжевый в неверном свете витража – выбросил в сторону левую руку с вытянутым указательным пальцем. Вслед за мистером Монтелли Билли повернул голову туда, куда указывал трясущийся священник. Узкая и глубокая ниша была совершенно пуста. Откуда-то снизу, через большой неровный пролом, пробивался электрический свет.

– Идиоты, – прошипел мистер Монтелли через плечо, и Билли почувствовал, как засопели сзади сопровождающие. Изабелла прижала ладонь ко рту – то ли в ужасе, то ли пытаясь сдержать смех. И тотчас же все – даже мистер Монтелли – вздрогнули: снизу раздался крик, низкий и тяжелый как стон. Потом свет из пролома замутился свежей пылью, наружу высунулась чья-то искаженная страхом физиономия, и сразу же перед взорами присутствующих предстал полуголый мужчина с грязной повязкой на бедрах. Вот тут-то Билли удивился и испугался по-настоящему. Потому что еще через секунду в проломе появилась почти совсем не похожая на себя, с паутиной в волосах и в измятой пыльной одежде, тетушка Эллен.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

Трудно было себе представить, что две такие разные женщины найдут общий язык и даже станут посматривать друг на друга с симпатией. Карлос, во всяком случае, точно не ожидал, что Маленькая женщина сможет так просто и доверчиво принять Другую женщину, да еще после всего, что та на ее глазах сотворила с Очкариком. О себе Карлос старался пока не думать: он еще не пришел в себя и не очень понимал, кто он на самом деле: нетраханый и оттого свихнувшийся грязный мекс или новое просветленное существо. Карлос уже знал, что труднее всего разобраться с самим собой. Да только он и не пытался. Или не хотел пытаться? – вдруг подумал он, шагая за женщинами по полутемному мрачному коридору. Впереди бодро и уверенно постукивала каблуками Другая женщина, и шляпка – пыльная и помятая даже в слабом свете фонарей, цепочкой протянувшихся по стенам запутанного подземного лабиринта, – победно покачивалась на ее беспутной гордо поднятой голове. Карлос смутно не доверял этой Другой женщине. Но Маленькая женщина с энергичным спокойствием, брезгливо морщась от несвежих запахов, не отходила от нее ни на шаг, и Карлос не видел другого выхода, кроме как хмуро плестись в хвосте и подозревать Другую женщину в нехорошем.

Если разобраться, то никаких серьезных причин впутываться в это новое дело у Карлоса не было. Но бросить Маленькую женщину он не смог. Ему было трудно признаться себе, что и оставаться одному в странном поезде метро ему тоже сильно не хотелось. Когда Другая женщина легко, почти без усилия, раздвинула руками вагонные двери и подтолкнула Маленькую женщину вперед, он сразу понял, что идет с ними. Хотя никто его, кажется, не приглашал. А Другая женщина лихо выпрыгнула из вагона в туннель и как-то странно улыбнулась Карлосу. После такого он уже не мог остаться в вагоне, даже если бы захотел. Эта женщина с сильными мужскими руками решила, что он боится!

Другая женщина приостановилась, подождала Маленькую и взяла ее под руку. Теперь они шли довольно быстро и, похоже, разговаривали. Карлос прислушался. Да, они действительно беседовали! Как будто находились не в жутковатом полутемном подземном лабиринте, а прогуливались по Пятой авеню. Другая женщина рассказывала что-то спокойным благожелательным тоном, а ее собеседница кивала и иногда вставляла несколько слов. Карлосу стало тошно от их беззаботности. На очередном повороте он увидел короткий и размытый бетонный полукруг, ржавую железную решетку на полу и канавки с тухлой блеклой водой по краям. С тех самых пор, как выбрались из поезда, они без конца поворачивали то влево, то вправо, тошнотный запах то усиливался, то слабел, а вода в канавках исчезала и появлялась снова. Но у Карлоса было ощущение, что они идут по сложному запутанному кругу, упорно возвращаясь к одной и той же точке. А Маленькая женщина становилась только беззаботней и, кажется, даже повеселела. Врала ей что-то Другая женщина, про Очкарика врала! А та и верила. Нашла кому верить! Заманивает она их!.. У Карлоса окончательно испортилось настроение. К тому же, он совсем не понимал, как Другая женщина разбирается во всех этих запутанных коридорах и переходах. На ватных непослушных ногах он шел все дальше и дальше, а за ним как крыса подло крался серый страх...

Внезапно женщины остановились, Карлос с размаху налетел на упругую спину Другой женщины и почувствовал неприятный сладковатый запах. Но тут же куда более резкий и тяжелый запах плотно забил ноздри. Они стояли на пороге большого круглого помещения-колодца, залитого черной и тяжелой водой. На поверхности плавно кружились коричневые комки, а узкий металлический мостик, дугой перекинутый через эту грязную жижу, казался хрупким и ненадежным. Другая женщина шумно вздохнула, хихикнула, и ее нервный смех, отразившись от стен, больно шелкнул Карлоса по ушам.

– А нам ведь туда нужно, – сказала Другая женщина и, повернув голову, пристально посмотрела на Карлоса. – Можно, наверное, этот дрянной коллектор

обойти, но как? Я ведь тут еще далеко не все знаю, хотя и работаю инженером коммунального хозяйства. Обычно в эти катакомбы кота с собой таскаю, Кузейро. Он крыс чует за милую. И ориентируется прекрасно. А теперь вот без него... Непонятно, как тут быть.

Она все пялилась на Карлоса, и Маленькая женщина, наконец, тоже подняла на него глаза. Теперь он видел, что Маленькая женщина совсем не так беспечна, как ему казалось раньше. Она смотрела строго и сосредоточенно, и только губы ее слегка улыбались.

– Это же ты хотел в церковь, слышишь? Вот мы туда и идем. Только этот мостик чертов... По нему, может, сто лет никто не ходил. Он, может, уже и сгнил совсем, понимаешь? Надо бы проверить, а?

Другая женщина обратилась к нему в первый раз, и Карлосу вдруг показалось, что она разговаривает с ним как говорят с совсем маленьким чужим ребенком, когда ему врут, или как с приبلудной собакой, которую подманивают, перед тем как пнуть ногой. И Карлос на миг почувствовал, как катится от плеч к кулакам быстрая ярость. Он представил себе, как он бьет эту наглую подозрительную бабу, как та падает в вонючую воду и скрывается под ней, и только шляпка плавает на поверхности вместе с дерьмом... Маленькая женщина ухватила за полу его куртки и снова посмотрела на него – на сей раз, удивленно округлив глаза, – а от улыбки на ее лице осталась только недовольная гримаска. Наверное, таким взглядом смотрят на собак, когда те ведут себя не совсем так, как хотелось бы хозяину. Карлос только одернул куртку, помотал головой и шагнул к мостику.

– Ты там, когда будешь на середине, попробуй раскатать его, чтобы точно знать, что он выдержит, слышишь? А то ты-то легкий, а вот я, хе-хе, и побольше, и потяжелее буду, понимаешь? Я и плавать-то не умею. Особенно в этом... А ведь нам потом еще в церковь идти!

Другая женщина рассмеялась, но в ее интонации послышалась откровенная угроза. Карлос даже не обернулся. Она сама напомнила ему про церковь. Правда, он рассчитывал попасть в ту единственную нужную ему церковь совсем другим путем, но вдруг сообразил, что, возможно, именно так туда и следует попадать. Он не знал точно, откуда к нему пришла такая мысль. Может быть, то были остатки недолгой мудрости, вынесенной из Великой пустоты. Откуда его, между прочим, выбросили пинком! Точно так же выкидывал его на улицу Бандит Хорхе... Но Карлос с удивлением обнаружил, что успел ухватить кое-что из этой пустоты – и гордо приподнял голову. Пусть и неуловимо, но он изменился. Он перелезет через эту вонючую лужу. И найдет церковь. И разберется... В чем именно ему нужно будет разобраться, Карлос уже не помнил, как не помнил почти ничего из открывшегося ему в Пустоте. Осталось только смутное ощущение, память о памяти, что ли. Ладно, решил Карлос, там видно будет...

Вблизи хилый мостик выглядел еще хуже: тонким и ненадежным. Вдобавок, с левой стороны ограждения не было вовсе, и когда Карлос ступил на узкий решетчатый настил, ухватившись за шершавые от ржавчины перила, тонкие прутья легко поддались под рукой. По всему мостику прошла короткая противная дрожь, которая передалась и Карлосу. Он сделал несколько быстрых шагов. Вонь усилилась. Карлос повертел головой, как будто это могло помочь, и двинулся дальше, на самую середину высокого мостика. Здесь было душно: воздух прокис от гадостных испарений и казался почти жидким. Остановившись, он повернулся и сплюнул в далекую мрачную жижу. Ну не баба же он! Он опять вспомнил Бандита Хорхе и усмехнулся – вот его бы сюда, козла!

– Эй! – услышал он. – Как оно там?

Голос был чудовищно искаженным, поплывшим, как в старом магнитофоне. Карлос оглянулся. Тусклая лампочка висела прямо над головой, поэтому оба конца мостика терялись в полутьме. Женщин Карлос не увидел, а голос долетел до него отраженным эхом. На секунду Карлос совершенно потерял ориентацию. Перила, когда

он только начал взбираться по ступенькам, были с правой стороны. Или, наоборот, с левой? Да какая разница, тут же подумал Карлос, если даже он и перепутал направление, то просто вернется к женщинам, вот и все. Главное, чтобы эта дрянь не обвалилась под ногами. Карлос чуть покачнулся от неожиданно яркого видения: мостик мягко, словно подтаявший шоколад, выгибается и оседает под ним, а сам он, как когда-то Бандит Хорхе, не удержавшись, летит вниз, в отвратительную и опасную бездну. И хотя Карлос понимал, что в этой неживой воде вряд ли водится что-либо еще, кроме дерьма и дохлых крыс, он содрогнулся.

– Ну, что молчишь? Держится мост-то?

Карлос снова не узнал голос. И только по интонациям угадал, что он принадлежит Другой женщине. Но теперь ему показалось, что кричала она с противоположной стороны.

– Ты там попрыгай, а? Да не бойся, разведчик, поймаем, если что! Ну, давай, давай! Нам нужно торопиться!

Наверное, Другая женщина хотела оскорбить Карлоса, но жидкий воздух принес ему только ухающие восклицания, как будто с ним говорила тупая бездушная машина. А что, если эта Другая женщина специально заманила их сюда, загнала Карлоса в эту ловушку, чтобы воспользоваться его отсутствием и увести куда-то Маленькую женщину? Резко закружилась голова. Карлос обеими руками ухватился за дрожащие перила и переступил с ноги на ногу, понимая, что ждать нельзя, а нужно срочно, пока не поздно, возвращаться обратно. И, уже совершенно не разбирая направления, он двинулся вниз. Дряхлое железо постанывало как человек, которому снятся кошмары.

– Эй, – закричал вдруг Карлос, не узнавая своего голоса, – я иду, подождите!

Он хотел услышать хоть что-нибудь – хотя бы наглый ответ Другой женщины. Просто чтобы убедиться, что они не оставили его здесь одного. Тяжелый воздух равнодушно проглотил его крик. Карлос сделал еще один шаг и прислушался. И тут же испуганно присел, потому что со всех сторон на него навалился жуткий, словно выгрызающий внутренности, рычащий звук. Мостик задрожал, содрогнулся и – как показалось Карлосу – стал клониться набок. А воздух устремился снизу вверх, прямо на Карлоса, гоня перед собой совсем уже невыносимую вонь. Хлипкие перильца заволновались под руками как живые, а звук все нарастал. Плохо соображая, Карлос упал грудью на дрожащие решетчатые ступени и невольно посмотрел вниз. Мутная лужа под ним ожила, вспучилась и закружилась грозным водоворотом. Карлосу показалось, что сейчас волны опадут, и на поверхность вынырнет что-то невообразимое – огромное и неживое. То самое страшное, без названия и очертаний, которое изредка проскальзывает в ночные кошмары даже самых храбрых людей... О, Иисус! Карлос почувствовал, что не может закричать, потому что весь его голос, весь крик, из горла переместился в пальцы, которые скребли по металлу, отчаянно пытаясь удержаться. Он бы с удовольствием нырнул сейчас в Великую пустоту, но не знал, как сделать это самому, а ужас уже стиснул его мозг как паралич, и только руки продолжали бессмысленно двигаться.

– Я не хочу, как Бандит Хорхе, – простонал Карлос, обращаясь к недостижимой пустоте, – не надо! Он же сам упал, а я только смотрел! Это не я толкнул его! Хотел, но не толкнул! Ну пожалуйста, не надо!

Казалось, еще немного и Карлос сам прыгнет вниз: охвативший его страх не позволял просто дожидаться продолжения и требовал немедленных действий, пусть даже самых нелепых. Но вдруг он почувствовал, что невероятный рык начинает затихать, напоминая усиленный во много раз звук спускаемой в унитаз воды. А сама вода уже образует в центре воронку и спиралью уходит куда-то вниз... Через секунду вода совсем исчезла, и сразу же стало тихо. Так тихо, что Карлос услышал тоскливый звон капель, падающих с моста на обнажившийся маслянистый бетон.

– Аллэ, ты живой там?

Карлос приподнялся на локтях и сразу почувствовал, что джинсы постыдно прилипли к телу. Он осторожно прикоснулся к ним. О, Иисус! Он мог бы, конечно, сказать себе, что его просто облило взбунтовавшейся водой, но правда состояла в том, что он постыдно, как мальчишка, испугался и испоганил себя! И, главное, что именно так его испугало?! Как он теперь покажется на глаза Маленькой женщине? Как сможет появиться в церкви? А Большая женщина со светящейся грудью – что скажет она, когда узнает?.. Карлос – мачо, суровый и неулыбчивый мужчина, станет мишенью для насмешек, совсем как дурачок Хозе!

Он поднялся на ноги, и стал медленно спускаться с мостика. Теплая ткань облепила ноги и жгла тяжелым убийственным стыдом. О том, что в слабом свете подземелья женщины могут просто не заметить его позора, он просто не подумал. Как не подумал и о том, по какую сторону потихоньку начинающего наполняться колодца они находятся. Ему показалось, что старая материнская статуэтка, все время странным образом вмешивающаяся в его нынешнюю жизнь, снова подло напоминает о себе – и мстит. Карлос чувствовал ее вмешательство всей своей влажной и горящей кожей.

Когда он добрался до монолитного бетонного бортика, обе женщины, к его радостному удивлению, оказались именно там. И сразу же Другая женщина заговорила с ним, слегка похлопывая по плечу уверенной рукой. Но Карлос не слушал ее. Он встретился взглядом с Маленькой женщиной и на секунду забыл о собственном несчастье и пережитом страхе. Ее лицо, еще недавно спокойное и даже жесткое, совершенно изменилось. Глаза казались совсем маленькими, а приподнятые округлые брови скорбно надломились посередине. И даже щеки как будто опали, побелели и тряслись от невидимой внутренней дрожи. Тонкие ленточки губ непрерывно двигались, как будто что-то шептали.

– Послушай, – сказала Карлосу Маленькая женщина, – ну что же ты так долго? Мы тут волновались.

Карлос смутился. Он не мог себе представить, чтобы эта надменная женщина могла так волноваться за него. И сразу же понял, что причина была другая. Пока он там, на мостике, как дурак писался от страха, здесь что-то произошло. Но что именно? Другая женщина казалась совершенно спокойной. Она все еще продолжала говорить, но Карлос, пораженный своим открытием, смотрел на Маленькую женщину и не слушал.

– Пойдем, – наконец сказала она и, подойдя ближе, взяла за руку, – нам нужно торопиться, очень торопиться.

– Рада, что вы это понимаете, милая моя! – рассмеялась Другая женщина, и Карлос, мельком взглянув на нее, понял, что она тоже изменилась. Только шляпка и напоминала о нелепой смешной бабе, которая неведомо зачем затащила их в это подземелье. Карлос видел теперь твердое, почти мужское лицо, на котором выделялись огромные глаза с темными и неподвижными зрачками. Он вспомнил ее руки, раздвигающие тугие вагонные двери, и ему стало холодно... Карлосу показалось, что перед ним – неведомый монстр, который все-таки выбрался из своего ужасного логова... Другая женщина рассмеялась еще громче и стала карабкаться на мостик. Сухая ладонь, лежащая в руке Карлоса, стала влажной, Маленькая женщина вдруг вырвала ее и прильнула к нему всем телом. Карлос сообразил, что сейчас она обнаружит его мокрые джинсы и попытался было отстраниться. Но Маленькая женщина цепко обхватила руками его шею.

– Ты сможешь мне, правда? Они хотят сделать с ним такое... А он не просто гений, понимаешь, он больше! Я давно об этом догадывалась, только сама себе не верила. И вот они хотят... Хотят сделать с ним что-то ужасное! Я знаю, ты добрый, иначе никогда бы не пошел с Матильдой. Ты должен мне помочь! Не мне одной, а вообще всем. Правда! Я все для тебя сделаю! Все, что захочешь! Только нужно торопиться, понимаешь? Она мне все объяснила...

Карлос ничего не понимал. Но видел глаза, несчастные и тающие, и ощущал какое-то необычно мягкое податливое тело, прижавшееся к нему почти как тогда, в туннеле, когда Карлос прикрывал ее от надвигающегося поезда. Только сейчас это уже немолодое тело вдруг потеряло и возраст и даже форму...

– Эй, вы там! Хватит шептаться! Идите скорее сюда! А то можем и не успеть...

Голос Другой женщины, низкий и искаженный, показался Карлосу наглым и опасным. Такой голос мог принадлежать и Бандиту Хорхе. Маленькая женщина вздрогнула, отодвинулась от Карлоса и, снова ухватив его за руку, торопливо потащила к мостику. Дотронувшись до хлипких перил, Маленькая женщина приостановилась и посмотрела вниз.

– Она говорит, что именно здесь они и выбрасывают тела. Говорит, очень удобно... А если ты согласишься, то они его отпустят, потому что и сами побаиваются. Ведь никто же не знает, что может случиться, если его вдруг разозлить, понимаешь? Она ужасная... Ты же сам видел, как она поступила с Билли в вагоне. А сейчас она мне объяснила, что они собираются с ним сделать. Вот мне и пришлось сказать ей, что и ты тоже можешь как он. Ну, не совсем как он, но похоже. Поэтому со мной и ходишь. У меня не было выбора, честное слово. Только она так просто не верит, просит доказательств. Понимаешь? Говорит, что о Билли-то она точно выяснила, а вот ты...

Карлос тоже посмотрел вниз, в черную, снова наполняющуюся вонючей водой бездну, и кивнул. Из сбивчивого перепуганного шепота Маленькой женщины он понял только одно: что они попали в очень плохую историю, что Другая женщина заманила их в ловушку. И что Очкарику, похоже, грозит большая опасность. Но расспрашивать бедную Маленькую женщину он не мог: едва ли она и сама сейчас понимала, о чем говорит. Карлос твердо знал только две вещи: то, что никогда не бросит Маленькую женщину, и – как это не постыдно – то, что ему совсем не хочется перебираться через проклятый мостик туда, к отвратительной Другой женщине. Она стояла там совершенно невидимая, но ее злое нетерпение Карлос чувствовал так же отчетливо, как вонь из уже почти полного колодца. Какое-то предчувствие, поселившееся в нем и все время что-то бормотавшее невнятно, вдруг заговорило громко и отчетливо. Им с Маленькой женщиной ни в коем случае нельзя присоединиться сейчас к этой Другой женщине!

Маленькая женщина, похоже, решила, что Карлос опасается снова оказаться на мостике. Она через силу улыбнулась ему и сказала, что представление со спуском воды устроила эта самая Пегги, что вон там в стене есть какая-то специальная кнопка, которая воду и спускает. Это она нарочно сделала, просто для того, чтобы поугагать Карлоса. Но бояться нечего и нужно идти. Очень нужно. Потому что они обязаны спасти Билли! Карлос раздраженно помотал головой – он-то понимал, что если они и дальше будут послушно идти за Другой женщиной, то и дураку-Очкарику не помогут, и сами...

– Ну что там? За руку вас тащить, что ли? Так я могу и за руку! А еще мачо называется!

Карлосу показалось, что Другая женщина уже и не скрывает от них своих намерений, зная, что никуда им от нее не деться. Похоже, даже Маленькая женщина поняла это. Ее губы снова задрожали; она взглянула на Карлоса жалобно и растерянно. Загудели железные ступеньки мостика, и оба они вздрогнули – к ним возвращалась Другая женщина. Она остановилась на середине моста и смотрела на них с улыбкой сожаления. Маленькая женщина выпустила руку Карлоса и шагнула вперед. Но Карлос не мог позволить Другой женщине так легко себя обмануть!

– Ну что, ребяташки, мост держит, пошли дальше! Давайте, давайте!

Другая женщина хмыкнула, почесала себя под колыхнувшейся грудью и уперлась руками в бедра. Она ждала, явно наслаждаясь их растерянностью и своей властью над ними. Совсем как Бандит Хорхе. Ну, сука, подумал Карлос, ну я тебя... И

вдруг в его пустую голову пришла на удивление смешная идея. Он даже подпрыгнул на месте и метнулся к стене, на которую ему только что указала Маленькая женщина. Перепутать было невозможно: кнопка была всего одна. Под нервным пальцем Карлоса она легко и пружинисто ушла внутрь, раздался щелчок и сразу вслед за ним – знакомый оглушительный рев. Пол под ногами завибрировал. Понимая, что это уже ни к чему, Карлос с наслаждением все нажимал и нажимал на кнопку. Пол дрожал все сильнее, а к реву добавились еще какие-то скрежещущие звуки. Карлос опустил руку, резко обернулся – как раз вовремя, чтобы подхватить налетевшую на него Маленькую женщину – и невольно уперся затылком в жесткую и холодную стену.

Подхваченная сквозняком лампочка раскачивалась, скользящими размытыми пятнами выхватывая из полутьмы клочки происходящего. Карлос успел заметить, что Другая женщина скорчилась, словно получив неожиданный удар в живот и упала на колени. Но самое ужасное было не в этом. Мост мягко изгибался как развешанное на веревке белье под порывами ветра и кренился все больше и больше, издавая натужные кричающие звуки. А потом, ломая бетон берегов, разогнулся и медленно опрокинулся в бурлящую жижу. И как-то очень быстро и буднично все закончилось. Вода ушла, скрученные железные обломки повисли над самым дном, как будто были там всегда. Только желтый мутный свет все еще метался под потолком, выписывая в серой мгле мягкие плавающие восьмерки. Карлос вдруг понял, что все это время не дышал. И со всхлипом, напоминая икоту, глубоко вдохнул. А рядом тихо, как потерявшийся щенок, заскулила Маленькая женщина. Ну вот, подумал Карлос, стараясь проглотить подступавший к горлу комок, ну вот и все. На этот раз я сделал это сам. Потому что хотел этого.

Сейчас ему не нужна была никакая потусторонняя мудрость, чтобы трезво сообразить, что это именно он, Карлос, убил Другую женщину. Как бы он к ней не относился, но она была человеческим существом. Преодолевая слабость – или жалость, этого он не знал – Карлос подумал, что жестокость рождается именно из преодоления жалости и слабости. Когда Бандит Хорхе тонул, он тоже стоял совсем рядом; достаточно было протянуть руку, чтобы спасти несчастного Бандита. Но упрямый голос внутри Карлоса приказывал не двигаться с места... А потом, когда вонючая жижа совсем поглотила Бандита, тот же внутренний голос с облегчением заметил, что теперь уж все равно поздно, делать нечего и пачкаться незачем. И притворно пожалел, что все так быстро закончилось. И еще напомнил о том, что Карлоса могло и не оказаться рядом, он и не должен был оказываться рядом! О, Иисус, разве же должен был он подглядывать, как клиент его матери оправляется на выгребной яме? Разве он должен был предупреждать Хорхе о том, что третья по счету доска совсем сгнила и наступать на нее нельзя? Всем соседям это было известно! Да и сам Бандит Хорхе много раз ямой пользовался. Но про доску, видимо, не знал! Да еще головой ударился о край другой доски, шасть вниз – и как не было Бандита Хорхе. А подлый внутренний голос продолжал нашептывать Карлосу, что вот теперь-то он – настоящий мужчина. Человека убил! Да не какого-нибудь забулдыгу, а самого Бандита Хорхе! Что теперь он уж точно – мачо...

Карлоса тогда охватило просто какое-то невыносимое возбуждение и восторг, он плюнул в яму и помчался разыскивать ту самую соседскую девку, чувствуя, что еще немного – и не донесет. Ох и драл же он ее тогда! О, Иисус!

Маленькая женщина вдруг перестала скулить и уперлась острым локтем ему в живот. Оказывается, Карлос слишком сильно сжал ее руку. Он посмотрел на нее – все еще несчастную и перепуганную – и понял, что вот-вот потеряет контроль над собой, зарычит, и никакая сила не заставит его почувствовать различие между давней соседской поблядушкой и этой белой Маленькой женщиной. Но тут из колодца послышался стон – тоскливый и тонкий. Карлос отскочил от Маленькой женщины и замер. В колодце застонали громче. О, Иисус! Ну зачем это? Другая женщина, злобная

и опасная, должна была утонуть, исчезнуть вместе со схлынувшей водой как Бандит Хорхе – и оставить после себя только неуёмное желание, переплавляющее собственный страх и слабость в силу и злой восторг. Потому что дело уже сделано... Карлос содрогнулся, у него словно вынули стержень из позвоночника... Чтобы справиться с собой, он опустил на четвереньки и невольно заглянул в колодец. Там, изо всех сил вцепившись в обломки моста, лежала наполовину скрытая прибывающей водой Другая женщина – глуповатая и нестрашная, ничем не напоминающая сейчас Бандита Хорхе. Просто женщина – та самая, которая так беспечно подставляла свой мягкий зад сумасшедшему Очкарику. Только шляпки на ней уже не было. Ее, по-видимому, смыло, эту дурацкую шляпку – смыло и унесло куда-то в глубину. А сама Другая женщина осталась: успела ухватиться за прогнутую железку и уцелела. И теперь вот стонет там, может, вся переломанная, но живая! То, что женщина, которую он мысленно уже похоронил, жива и нуждается в помощи, что-то сдвинуло в душе у Карлоса. Его как будто ударило током: он вдруг стал судорожно карабкаться по искореженным остаткам моста, стараясь добраться до дна раньше, чем вода накроет Другую женщину с головой... Наверное, если бы Бандит Хорхе вынырнул тогда еще раз, Карлос тоже кинулся бы его спасать. Только тот не вынырнул...

Потом, когда он и чудом ничего себе не сломавшая Другая женщина – перемазанные и тяжело дышащие – вылезли, наконец, из проклятого колодца, Карлоса вдруг охватило глухое безразличие. Он только дрожал после холодной вонючей воды и не пошевелился даже тогда, когда Другая женщина сняла с себя грязную и мокрую одежду и осталась в одних полупрозрачных трусах. Даже когда она с помощью Маленькой женщины раздела его – совсем раздела, догола. Он стоял как замороженный, а они все водили руками по его телу, пытаясь оттереть налипшее дерьмо его же, Карлоса, одеждой, сейчас превратившейся в тряпки. И даже когда Другая женщина выбросила эти тряпки обратно в наполнившийся колодец, Карлос не сдвинулся с места. Куском неведомо откуда взявшейся ткани ему обмотали бедра, слегка подтолкнули в спину, и только тогда он шагнул вперед. Потом они еще долго шли куда-то, непонятно как обойдя страшный колодец. Босые ноги онемевшего Карлоса уже не ощущали шершавого грязного настила. Он не спал, но как бы грезил наяву. Но не было в этом полусне ни голосов, ни Великой пустоты, ни ясного понимания всей жизни, а только лишь бесконечный коридор, взволнованное лицо Маленькой женщины, постоянно оборачивающейся и смотревшей на него с надеждой, и широкая спина Другой женщины, одетой теперь в жесткую брезентовую робу и снова шагающей впереди уверенно и беззаботно...

Только когда Другая женщина, остановившись у какого-то завала, сообщила, что они пришли в церковь, Карлос вздрогнул, как будто очнулся, и сообразил, что вернулся на то самое место, куда провалился, пытаясь разглядеть разбойника в большой церкви... Сейчас он увидел перед собой этого самого разбойника – опрокинутого, в одной набедренной повязке, и оттого еще больше похожего на него, Карлоса... Карлос мгновенно вспомнил, зачем ему так необходимо было попасть в церковь – и громко закричал, сам не очень понимая, от страха или восторга. И полез по пыльным доскам наверх.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Билли как будто завис между небом и землей, почти не ощущая привычного надежного притяжения. И вдруг, как-то не ко времени, понял, что представление о том,

где верх и где низ – действительно самое важное для его самоощущения в этом мире. Вот как все, оказывается, просто! Где-то он читал, что за прямохождение, а, следовательно, и за определение понятия «верх-низ» у человека отвечает сложный вестибулярный аппарат. И даже не сам аппарат, а маленький серый сгусток у основания мозга – мозжечок. У животных, кажется, этого мозжечка нет. Прямоходящие ходят себе, соответственно, прямо, нацеливаясь головой в «верх» и попирая ногами «низ». Внизу остается дьявол с его преисподней, а сверху, понятно, Бог. Отсюда вытекает еще одно условное понятие – «лево-право». Левое плечо тянет вниз, правое – наверх, категорически перекраивая изначальное человеческое стремление к прямоте и равновесию. О чем там говорит мистер Монтелли? О том, что гениталии не могут и не должны быть приравнены к голове, вот как! Они у нас, оказывается, находятся в разных областях бытия, как будто в разных атмосферных потоках. А у животных – подумать только! – голова находится практически на одной линии с задницей. Хорошо быть кискою, хорошо собакою... Прямоходящего человека холодит сверху, припекает снизу, а зона умеренного климата приходится на район пупка. А-а, вот теперь все ясно: именно перепад температур, разница потенциалов и вызывает грозы, бури и прочий идиотизм человеческой жизни. Говорит ли это нам о чем-то? Безусловно, о многом. Перед человеком встает выбор – либо вернуться в покойное животное состояние и встать на четвереньки, либо добровольно лишиться себя одной из полярных точек. Ну не головы, понятно...

Венчание, или как там это у них называется, между тем продолжалось довольно занятым образом. Появление полуголого мексиканца прервало церемонию всего лишь на несколько мгновений. Дон Монтелли только кивнул головой, и двое из сопровождающих тут же, не давая мексиканцу подняться, прижали его животом к холодному полу. Один сел ошеломленному мексу на голову, второй на ноги. Билли заметил только, что тот не дергался, лежал тихо и только сопел. Но появление тетушки Эллен потрясло всех. По крайней мере, именно так показалось оторопевшему Билли. Пыльная и какая-то помятая тетушка выбралась из ниши, оглядела собравшихся, громко ойкнула и скорбно замерла, глядя на Билли и раскрывшую от изумления рот Изабеллу.

– Мадам, – произнес мистер Монтелли довольно сухо, – в любое другое время ваше присутствие здесь чрезвычайно бы нам польстило. Но, увы, в настоящий момент вы совершенно неподобающим образом нарушаете традиции нашего клана. К сожалению, эти традиции предполагают участие в церемонии только одной женщины – невесты.

– Билли, – жалобно произнесла тетушка Эллен и оглянулась на нишу, где еще не до конца осела поднятая ею пыль, – мальчик мой, пойдем отсюда!

– Мадам, – теперь голос дон Монтелли прозвучал гораздо мягче и приветливой, – мне очень жаль, но мистер МоцЦарт – мой гость и потому в настоящий момент покинуть это торжество никак не может... Впрочем, я готов пойти на некоторое нарушение традиций и позволить вам поприсутствовать на церемонии. Мы – джентльмены, и с нашей стороны было бы просто невежливо выпроваживать за дверь столь близкую родственницу почетного гостя. Ну что ж, продолжим.

Дон Монтелли снова кивнул и, как будто повинувшись этому движению, замершие было гости с облегчением зашевелились. И вот тогда дон Монтелли вышел вперед, отодвинул онемевшего священника, встал рядом с Изабеллой и заговорил о прямохождении. Нимало не смущаясь, он, говоря о верхе и низе, указывал пальцем на соответствующие места на теле невесты. А Билли неожиданно почувствовал острую жалость к тетушке. Такие приключения были ей явно не по плечу. Она стояла как провинившаяся школьница и что-то шептала серыми от пыли губами. Билли хотелось подойти к ней, обнять, но почему-то не двинулся с места: вероятно, к жалости

примешивалась изрядная доля неловкости. Вдобавок от нее пахло какой-то дрянью... Билли все время чувствовал на себе ее испуганный взгляд.

– Я рассказываю это вам, мой дорогой Билли, не только потому, что к этому меня обязывает традиция, но также и для того, чтобы прояснить для вас вашу собственную роль.

Мистер Монтелли оставил невесту, подошел к Билли и опустил руку ему на плечо. Легкий вскрик тетушки Эллен заставил мистера Монтелли поморщиться. Но еще через секунду, справившись с собой, он перекроил недовольную гримасу в любезнейшую из улыбок. Потом подтолкнул Билли к Изабелле и кивнул священнику. Тот с опаской покосился на недоумевающую тетушку и что-то быстро-быстро забормотал. Его испуг и растерянность явно бросались в глаза.

– Но где же жених? – рассеянно спросил Билли.

– Вот именно, дорогой мой, – мистер Монтелли плотоядно хихикнул. – В этом-то все и дело. Вы и только вы замещаете жениха. Это большая честь! Собственно, и посещение церкви, и присутствие священника – это все так, просто дань моде. Вы же видите, мы даже к алтарю не подошли. Говоря по-простому, между своими, главное – это то, что вам предстоит провести с невестой брачную ночь. Вернее, не совсем ночь, а... Ну да сами увидите. Потому что мой сын – вполне в традициях нашего клана – сам этого сделать не может. Не удивляйтесь, Билли, не надо. Чужие истины всегда кажутся невероятно странными. Впрочем, я вижу, что вы не особенно и удивлены. Ну да, это, конечно же, Клавдий... Он у нас большой шутник: почему-то он полагает, что вас следует держать в постоянном напряжении и рассказывать всякие ужасы. Или вместо официального приглашения, например, разыграть похищение. Это совершенно в его стиле! Я же видел, как он садился в вашу машину. Догадываюсь даже, что он вам наплел с три короба про смертельную опасность, которой он якобы подвергается. И наверняка всучил вам пистолет. Что ж, каждый развлекается как может... Вынужден извиниться перед вами за сына. А сейчас нам необходимо завершить церемонию венчания.

Мистер Монтелли ткнул священника пальцем в грудь так, что тот закашлялся и отступил на шаг. Тетушка Эллен снова вскрикнула, но на этот раз как-то очень тихо и безнадежно. Шестеро безликих мужчин, появившихся откуда-то сбоку, поднесли к окну с витражом огромный прямоугольный ящик, аккуратно придерживая его за блестящие скобы. Ящик был похож на гроб, только значительно выше и шире. На крышке можно было разглядеть рельефное изображение какого-то насекомого. Тетушка Эллен подошла к ящику, потрогала его рукой, а потом шагнула к мистеру Монтелли.

– Послушайте, может быть, можно сделать по-другому? – голос тетушки казался отчаянным и просительным одновременно. – Я привела вам вот этого парня. Он согласен помочь. То есть, я хочу сказать, он вполне заменит вам Билли. Пегги мне все объяснила. Я все знаю. Вам ни в коем случае нельзя трогать Билли, поверьте мне! Вы даже не представляете себе, что может случиться, если... Вы не поняли: если вы сейчас это сделаете, он больше никогда ничего не сможет... Он просто перестанет быть... ну, тем, кто он есть. Хотите, я могу заплатить? Мы готовы на выкуп. И потом, вот этот... он не хуже Билли со всем справится, честное слово!

Лицо мистера Монтелли не выразило ни удивления, ни возмущения. Он как будто раздумывал над тетушкиным предложением. А Билли, у которого при виде этого большого черного ящика почему-то пересохло в горле, инстинктивно притронулся к тяжелому жесткому пистолету за поясом. Но его тут же ухватили за руки и вывернули их так, что закололо в напряженно выгнутом позвоночнике. Ящик, похожий на гроб, заполнив собой весь мрачный придел, казался теперь огромным, а игра ярких витражных бликов на черной деревянной поверхности – такой легкомысленной, такой ненужной... Билли вспомнил рассуждения мистера Монтелли и вдруг почувствовал, что словно бы висит на бесконечно огромном обнаженном теле, цепляясь руками за

углубление пупка. Кожа этого, казалось бы, бесполого тела волнуется и дрожит как при землетрясении, а внутри, в животе, что-то грозно бурчит и ухает. Холодные далекие глаза наблюдают за ним сверху по-живодерски спокойно и бесстрастно. А внизу... Туда лучше было не смотреть. Наваждение было столь сильным, что голоса окружающих зазвучали сдвоенно и высоко, как у близнецов-лилипотов, искажая смысл обращенных к Билли слов. К Билли, одновременно стоящему в церкви и висящему над бездной. Эти бездушные лилипутские голоса толкали его вниз, а спасительный пупок лоснился и мелел, мелел на глазах, уходя из-под пальцев... Нет, дон Монтелли не соглашался поменять Билли на кого-то другого. Он требовал, чтобы Билли отпустил руки и... то ли упал вниз, в пропасть, то ли залез в ящик. Только на одну ночь, Билли, всего на одну ночь!..

Показалось ли это Билли, или же действительно полуголого мексиканца поставили на четвереньки и, накинув ему на шею, как поводок, брючный ремень, поволокли в сторону? А мексиканец не то рычал от злости, не то хрипел от удущья. Тетушка Эллен расплылась облачком и проплыла вслед за несчастным мексом.

– Вот так, – продолжали лилипуты, – а теперь твоя очередь, Изабелла. Вперед, девочка, сделай это! Твоя награда у тебя в руках!

Билли держался только на упрямстве, а сил уже не было совсем. Это оно, упрямство, заставляло его впиваться в кожу огромного существа изо всех сил. Билли чувствовал, что делает этому колышущемуся телу больно, может быть даже очень больно, хотя глаза наверху по-прежнему были бесстрастны. Он смутно видел, как приподняли тяжелую крышку, как Изабелла торопливо, с готовностью перебросила ногу через высокую стенку ящика-гроба и скрылась внутри. Теперь Билли видел где-то внизу ее глаза – такие же далекие, как и те, наверху. Только не бесстрастные, а, наоборот, горячие, зовущие и глубокие. Странно – наверху глаза, внизу глаза... Смысла держаться больше не было никакого. Билли облегченно разжал занемевшие пальцы и плавно заскользил по гладкой бархатной коже вниз...

Карлос сразу понял, что попался, что ловушка, которой он так опасался, действительно существует, что они с Маленькой женщиной попали в настоящую беду. А потом, когда увидел здоровенный черный гроб, куда сначала запрыгнула красивая девушка в белом платье, а за нею и Очкарик, то подумал, что вот и Очкарик попался, а он, Карлос, ничем не может ему помочь. Ну да, обреченно сказал себе Карлос, не зря мы с ним тут рядышком на крестах висели... Знак это был, вот что! И Карлос приготовился к самому худшему. Тем более, что успел разглядеть на крышке этого гроба, вместо положенного креста, какую-то дрянь – то ли паука, то ли скорпиона. А Маленькая женщина все старалась что-то объяснить столпившимся вокруг гроба мрачным мужикам. Она даже попыталась приподнять крышку, но ей, конечно же, этого сделать не позволили. Тогда она опустилась на колени перед невысоким сухощавым стариком с гордым лицом. Но тот вскинул руку, как будто заслоняясь от ее голоса, и что-то коротко сказал, словно выругался. Тогда Маленькая женщина затравленно огляделась по сторонам, всхлипнула и подскочила к Карлосу. Он вздрогнул. Даже там, в подземелье, она не казалась такой затравленной и несчастной. Она посмотрела на него внимательно, скрипнула зубами и вдруг стала поднимать Карлоса с колен и срывать с его бедер грязную вонючую тряпку.

– Ну же, – кричала она в лицо Карлосу, – ну давай, покажи им! Ты же можешь! Ну, ну, попробуй, вот я тебе... видишь, как...

Вокруг стояли хмурые и выжидающие мужчины в черном: полумрак делал их лица еще мрачней, а в глазах полыхала скопившаяся ярость. Их взгляды были как беззастенчивые руки, которые словно ощупывали Карлоса и Маленькую женщину. Но сейчас ему было все равно, он был где-то далеко...

Он чувствовал, что Маленькая женщина делает это не для него – не так, как тогда, когда прижималась к нему в туннеле. Она делала это для той страшной и

безжалостной силы, которая их окружала. И это должно было оттолкнуть Карлоса – ведь они оба были теперь лишь жалкими игрушками в этих жестких и опасных руках-взглядах. Как старая деревянная Богоматерь в судорожных материнских ладонях ...

Маленькая женщина вдруг обернулась к старику — единственному, кто безмятежно улыбался, – и указала рукой на Карлоса.

– Вот видите, он тоже это может. И даже лучше, чем Билли, поверьте! Ну, где он должен это сделать? Он готов! Ну, видите?

Карлос вяло кивнул, непонятно с чем соглашаясь, но догадываясь, что сейчас Маленькая женщина подло его предаст. Он вспомнил ее родство с Большой и светлой женщиной и подумал, что это несправедливо, что он попал сюда из-за нее – той, которую сам он ни за что бы не предал ... Маленькая женщина дрожала всем телом и смотрела на старика. Ну что за суки, – вдруг подумал Карлос, – они-то между собой разберутся, а мне вечно достается самое худшее! К счастью или несчастью, но старик презрительно скривил рот и отрицательно помотал головой. Тогда Маленькая женщина, оставив Карлоса, кинулась к гробу. Карлос думал, что ее сейчас снова остановят, грубо заламают руки, но никто не сдвинулся с места, и только старик громко рассмеялся. И в ту же минуту дрогнул огромный собор – дрогнул так, что задребезжали разноцветные стекла в окнах, а пол под ногами дернулся и поплыл. Послышался странный звук, словно кто-то разворачивал гигантскую целлофановую обертку – разворачивал, разрывая ее на части нетерпеливой рукой...

Удавка на шее у Карлоса ослабла: держащему ремень было явно не до него. Карлос вдохнул поглубже и вдруг увидел, что все вокруг рухнуло на колени. На ногах остался только старик, сам Карлос, да еще Маленькая женщина, так и застывшая перед закрытым гробом.

– Поздно, милая, – сказал старик, как будто улыбаясь, но Карлос видел, что на самом деле ему тоже страшно. – Вы ничего не поняли. Только лишившись этих отвратительных гениталий, он обретет то, над чем вы так долго бились... Теперь он может все! Абсолютно все! Понимаете? Ведь только этого шага и недоставало! Вы еще благодарить меня будете, право. Да что же это я? Нет больше никакого Билли... То есть, он, конечно, есть, но... Этот ящик – ему больше трехсот лет – называется у нас «Клетка богомола». Видите, вот тут, на крышке, изображение этого насекомого. Знаете, почему? Мудрая самка богомола поедает своего похотливого партнера сразу же после сокоупления. Но мы – люди. Мы поступаем иначе. Там, внутри, есть такое устройство... хитрое устройство! Невеста в нужный момент нажимает кнопку, ну и... Вот так легко и безболезненно устраняется последняя преграда, столь долго мешавшая нашему дорогому Билли стать тем, кем он стать должен!

На Маленькую женщину было больно смотреть. А Карлос, сообразив, что они там, в ящике, сотворили с Очкариком, задохнулся от ужаса. Острое холодное отчаяние стиснуло голову: ведь если они, суки позорные, даже Очкарика не пожалели, так его, Карлоса, и вовсе в пыль сотрут! Лучше бы убили, сволочи! Карлос попытался вздохнуть, но петля на шее снова натянулась, и вместо вдоха у него получился всхлип. Карлос стал сползать на колени, стараясь съежиться, показаться еще меньше и незаметнее, чем он был на самом деле. И соседская поблядушка, и материнская статуэтка, и прохладная легкая женщина в Техасе, и тяжелая Большая женщина в Центральном парке, и этот Голос из Пустоты – все перепуталось, завязалось в один большой узел. Если сейчас хоть кто-нибудь вспомнит о нем, то все закончится очень быстро и очень болезненно. Эх, жаль, что он не остался дома и, войдя в возраст, не женился... да хотя бы на той же поблядушке! Плодил бы детей, пил бы текилу, ходил бы к грязным потным блядам в соседнем городке. Пусть бы лучше его обоссали там, пьяного, сведенного сладкой последней судорогой... Карлос заплакал. Какой он, к черту, мачо! Через пару минут не станет больше мачо Карлоса! И даже дурачок Хозе будет по сравнению с ним мужчиной. Просто потому, что сам Карлос им быть

перестанет! И пришедшая в Пустоте мудрость окажется уже недоступна ему. Да и зачем она нужна жалкому выродку с отрезанными яйцами?! О, Иисус!..

В это время пол под ногами дрогнул еще сильнее, стекла в высоком окне треснули и полетели вниз, осыпая гроб и стоящих вокруг него людей прохладными секущими брызгами. Улегшаяся было пыль из ниши снова взметнулась вверх и превратилась в большое серое облако, накрывшее охваченную ужасом толпу. Мужчины вскочили на ноги и беспорядочно заметались. Только старик не сдвинулся с места.

– Идиоты! – закричал он и закашлялся. – Суеверные идиоты! Вам-то чего бояться?!

Карлосу так хотелось, чтобы все эти люди, забыв о нем, убежали из церкви, что он даже не испугался. И Маленькая женщина тоже не испугалась. Она стояла перед гробом, раскинув руки и чуть наклонясь, и не замечала ни растерянной толпы, ни падающих осколков. Только когда крышка гроба неожиданно откинулась, Маленькая женщина отскочила в сторону. В этот момент – именно так, Карлос не мог ошибиться! – из перечеркнутого острыми зигзагами окна в душноватый придел вместе с привычными городскими звуками проник прохладный воздух. А из гроба поднялся Очкарик. Карлос увидел его лицо и плечи (все остальное скрывали высокие стенки) и сразу вспомнил глупый трюк, который когда-то показывали в бродячем цирке: в ящик засовывают одного клоуна, а вытаскивают совсем другого. Потому что Очкарик был совершенно не похож на самого себя. Очки куда-то запропастились, губы дрожали, а глаза смотрели твердо и мертво. Карлос заметил, как вздрогнул старик, как попятилась Маленькая женщина. А вот его, Карлоса, страх совсем пропал. До такой степени, что он не спеша поднялся на ноги, сбросил с шеи унижительный ремень-удавку и подошел к гробу.

– А, – сказал ему, прищурившись, новый незнакомый Очкарик, – это ты... Хорошо. Помоги мне выбраться отсюда. А то ноги совсем свело...

Билли огляделся по сторонам, привыкая к неожиданно яркому свету. Тело стало легким, только чуть кружилась голова. Билли потер рукой глаза и вдруг заметил на пальцах кровь. Он вытер их о фартук и понял, что кровь не его. Билли сморгнул, покачал головой, вспомнил о валяющихся на дне ящика очках, и тут только заметил белую вытянутую физиономию мистера Монтелли.

– Дорогой мой Билли, – с некоторым усилием произнес старик, наблюдая, как маленький мексиканец помогает Билли выбраться из ящика, – поздравляю, вы теперь...

Но его перебила Изабелла. Билли странным образом успел забыть про нее, и сейчас с удивлением смотрел в ее беззаботные сияющие глазки. Она казалась такой живой, гибкой, легкой и словно светящейся изнутри каким-то теплым невидимым светом. Ну вот... теперь он, наконец, может свободно смотреть в глаза женщине!

– Не сработала ваша машинка, дон Монтелли! – звонко сказала Изабелла. – Вот и славно, что не сработала! Заржавела, наверное. А вы, дон Монтелли... ничего-то вы не поняли! На самом деле все наоборот: Билли нужна была настоящая баба. Такая как я. Вот и все!

Тут Билли отвлекся от изучения глаз Изабеллы и взглянул на мистера Монтелли. Но предполагаемого взрыва не последовало. Повисла пауза. Потом Мистер Монтелли, бросил косой взгляд на Изабеллу, скривил губы и, обращаясь к Билли, сказал:

– А вот это мы сейчас и проверим. Ну-ка, чего бы вам хотелось, дорогой мой? Подумайте внимательно и ответьте.

Странный вопрос! Сейчас Билли совсем ничего не хотелось. Он посмотрел на тетюшку Элен, казавшуюся жалкой и смешной одновременно. Бедная, она ведь так переживала из-за него...

– Тетя, – сказал Билли, – а пойдемте-ка отсюда. Все закончилось, не волнуйтесь. Правда, все закончилось. Только вот «железка» мне теперь ни к чему... Мы и Изабеллу с собой возьмем. Пойдемте, а то надоело мне тут...

– Да что же это я? – пробормотала тетушка Эллен. – Это все была шутка, что ли? Вы меня разыграли, да?

Она взглянула на мексиканца, рассеянно потерла пальцем висок и покачала головой. Изабелла выскочила из ящика и подхватила Билли под руку, отодвинув стоявшего столбом мексиканца. На ее просветленном лице читалась нежность и веселая решимость. Билли уже шагнул было вперед, но натолкнулся на мистера Монтелли. Лицо старика съежилось, обмякло и могло бы показаться совсем бесформенным, если бы не жесткие полоски побелевших сжатых губ.

– Да погодите же вы! – прошипел мистер Монтелли. – Билли, не валяйте дурака! Ну зачем вам эта глупая девчонка? Даже если она сейчас права... Вы только попробуйте пожелать хоть что-нибудь, и если это сбудется... Тогда любая женщина в мире будет у ваших ног! Зачем вам Изабелла?! Ну же!.. Попробуйте! Ну хоть что-нибудь, хотя бы самое простое пожелание!

Билли медленно покачал головой. Тогда старик напряжился, оглядел опустевший придел и быстрым движением выхватил из-за пояса маленький черный пистолет. Тетушка Эллен покачнулась и выбросила в стороны руки как тонкие белые флаги. Изабелла не двинулась с места, только с интересом перевела взгляд с Билли на мистера Монтелли. А мексиканец улыбнулся, почесал голую грудь и шагнул вперед, загораживая Билли.

Ладно, – примирительно сказал Билли, почему-то совсем не испугавшись, – давайте, я вам пожелаю. Или, знаете, не вам, а вот этому человеку. Он пришел сюда, чтобы помочь мне. И он, кажется, влюблен в мою кузину Матильду. Если и он ей нравится, то пусть все будет так, как хочет она! Я желаю этого!

Билли говорил уверенно и властно – так, как никогда раньше, – но совсем этому не удивился. Да, в ящике с ним определенно что-то произошло – что-то непонятное и необъяснимое. Что-то, чего не следовало бояться. Если этот старый дурак, мистер Монтелли, считает, что теперь Билли обрел какое-то подобие могущества, то что ж...

– Нет, – проскрипел мистер Монтелли, – так не годится. Пожелайте что-то такое, исполнение чего можно увидеть прямо здесь и сейчас. Пожелайте... Ну, прикажите, например, чтобы разбитые стекла вернулись на свое место, в окна.

Несмотря на охватившее его безразличие, Билли слегка растерялся. Неужели этот старый человек, бандит, не верящий по-настоящему ни в Бога, ни в черта, всерьез думает, что Билли способен творить настоящие чудеса? Но если у него ничего не получится, то... этот мафиози их всех перестреляет!

– Пожелай ему убираться в задницу, ко всем чертям! – Изабелла, похуже, развеселилась. – Он что, болван, не понимает, что его жалкий пистолет против твоей силы ничего не значит? Он не может приказывать тебе, что делать, пойми же это! В задницу его, жалкого кастрированного шута, в задницу! Вот прямо сейчас! Прикажи, Билли! Ну прикажи! Я хочу на это взглянуть! Умираю, как хочу!

Голос Изабеллы дрожал, крепко сжатые кулаки прижимались к груди. Она смотрела на Билли с надеждой, с яростной требовательной верой, и от ее голоса – Билли видел это – менялись выражения лиц окружающих его людей. Тетушка Эллен, в точности повторив жест Изабеллы, прижала руки к груди и смотрела так, как будто собиралась то ли чихнуть, то ли счастливо расплакаться. Мексиканец обернулся к нему и кивал головой, как будто подталкивал.

– А что, неплохая идея, дорогой Билли! – мистер Монтелли шагнул в сторону и повыше поднял руку с пистолетом. – Что ж, попробуйте избавиться от меня. Только должен предупредить: если это у вас почему-либо не получится, то... Ваше рабство, вероятно, будет не очень тяжелым. Но зато долгим. У меня нет никаких проблем с желаниями: я всегда точно знаю, чего хочу. А вы не джин, и исполнением трех желаний вам не отделаться. Правда, обещаю, что не буду держать вас в старой лампе. Я устрою вас более комфортабельно. Вот только с Изабеллой придется, увы, расстаться. Не

люблю дур и предательниц... Ну а тетушку вашу, вместе с мексом, придется отдать моим ребятам. Ну так что, мой милый? Рискнете?

– Билли, – подала голос тетушка Эллен, – если ты и вправду можешь... Сделай так, чтобы ничего этого не было! Только верни себе тот самый фамильный гений – и все. Если ты только можешь... Ну и еще: не забудь про Матильду. Она ведь дурочка... Ну да ты знаешь... Пусть все переменится, Билли! Убери от себя этих страшных людей. А больше ничего не нужно! Ну, может, какие-то мелочи. Но это потом, потом...

Говоря это, она как-то незаметно оказалась рядом с ним, и теперь на обеих руках его висели две требовательные женщины, каждая из которых тянула его к себе...

А что, подумал Билли, глядя в бездонную черноту направленного на него дула, если все мы одновременно сошли с ума, и мои желания действительно могут исполняться? Нет, конечно же, никакого Дара он не получил... А что, если он просто не почувствовал, как это произошло?

– О, – закричал вдруг мексиканец, и мышцы на руке, которой он прикрывал низ живота, вздулись – только верните мне мои яйца, сэр! Вы ведь пожелали мне быть с вашей кухней... Но мои яйца, сэр! Зачем они вам?! О-о, Иисус!

И мексиканец нечленораздельно завопил. Скорчившись, он упал и стал кататься по холодному полу, держа себя обеими руками между ног. Мистер Монтелли опустил руку с пистолетом и не сводил с него глаз. Смотреть на мексиканца было страшно. Словно кто-то невидимый безжалостными щипцами разрывал полуголое тело. Мексиканец взвыл в последний раз и затих, лежа на боку, почти уткнувшись побелевшим лицом в грязные колени.

– Но ты же знаешь, Билли, – вдруг влажно зашептала тетушка Эллен, – как Матильда относится... ну, к мужчинам. Они ей как... как детишки нужны. А ты не подумал об этом и пожелал, чтобы все получилось так, как хочет Матильда... Понимаешь теперь?

Мексиканец снова зашевелился, медленно встал сначала на четвереньки, а потом и на ноги. Глаза его, подернутые матовой пленкой, смотрели сейчас на Билли с тоской и мукой умирающей птицы и, казалось, печально вопрошали, зачем это с ним сотворили такое... А необычно вытянутая пустая мошонка покачивалась жалким ремешком неровной коричневатой кожи. Горло Билли сдавило от стыда, от боли, от вопроса, который он никак не мог проглотить...

– Ну что ты? – нетерпеливо зашептала в другое ухо Изабелла. – Черт с ним, с этим мексом... В конце-то концов, если жалко, так возьми, да и верни ему его яйца. Делов-то! Ты же можешь, сам убедился! Но потом, потом... Ты посмотри на старика. Он же... Скорее, Билли, скорее!

Мистер Монтелли снова поднял пистолет, и Билли почувствовал, что сейчас он выстрелит. Тетушка Эллен, как безумная, продолжала шептать что-то о доме, о Матильде, о самом Моцарте и его незаконченном «Реквиеме». Мистер Монтелли держал оружие в вытянутой руке и криво усмехался, не отрывая от Билли желтоватых старческих глаз. А между этими двумя неожиданно выразительными и живыми глазами качался еще один – глубокий и мертвый глаз пистолета... Билли отчетливо понимал, что говорят ему эти три глаза. Либо мы приручим тебя, сявку, либо убьем прямо сейчас. И ничего ты нам сделать не сможешь!.. Потому что умения творить чудеса еще недостаточно, настоящая власть – это другое...

– О-о, Вилли! – разнесся под сводами собора новый голос. – Я был искать вас везде, ебена мать! О-о! Что это с вас здесь имеют делать?!

Сначала герр Вольф лишь слегка приподнял брови, неуловимо напомнив Билли тетушку Эллен, но еще через секунду в нем как будто что-то перещелкнуло, и добродушно-нахальная физиономия стала другой, гораздо более молодой, жесткой и уверенной. Герр Вольф как-то весь собрался, подтянулся – показалось даже, что поправил козырек несуществующей форменной фуражки – и по-балетному плавно

скользнул мистеру Монтелли под руку. Что-то чавкнуло, хрустнуло, и все три страшных глаза мгновенно исчезли. А на их месте уже расплывалось в довольной улыбке лицо дальнего немецкого родственничка, который, смачно шевеля губами, привычно произнес длинное матерное ругательство.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

Билли шел впереди, покачиваясь и рыдая в голос. Слезы неестественно, как в мультиках, брызгали из глаз во все стороны... Мягкий, прогретый на сковороде Манхэттена, ветер сдувал их далеко назад. Прямо за ним, на расстоянии, достаточном для того, чтобы не попасть под слезный дождь, торопился, отдуваясь, довольный и ничего толком не понимающий герр Вольф. Следом маленькая тетушка Эллен бережно вела одетого в черный смокинг на голое тело мексиканца Карлоса. А за ними, то и дело наступая на подол свадебного платья, плелась растерянная Изабелла... Наверное, постороннему наблюдателю они могли показаться странными и смешными персонажами неведомого комикса, материализовавшимися среди бела дня на Пятой авеню.

Билли расплакался еще в соборе. После того как, оглушенный герром Вольфом, мистер Монтелли схватился за ушибленную руку, согнулся пополам и, тонко заскулив, сел на пол. И сразу перестал быть похожим на жестокого и властного Монтелли-мафиози. Билли неожиданно остро пожалел старика. Казалось, герр Вольф одним ударом, как фокусник, подменил человека. Стальные глазки исчезли, а узкие губы выпятились, как будто лоя покотившиеся из припухшего носа мутные жалкие капли.

– Вы не понимаете, – сопливо и невнятно подвывал мистер Монтелли, – вы так ничего и не поняли! Вы думаете, я – то зло, которое следует уничтожить! Ах, как вы ошибаетесь! Я хотел только одного... Если бы вы знали, как долго я вас искал! И все без толку! А сейчас... Сейчас я нашел вас, который может все, только не знает, чего ему хочется. И я – только я и никто другой – могу помочь вам, потому что... Потому что мне самому уже ничего не надо! Я – только ключ, понимаете, ключ! И еще я – несчастный кастрат, посвятивший всю свою жизнь поискам замка, который должен отпереть... Вот и все! Вот и все!

Но никто, кроме Билли, не вслушивался в бормотание старика. Тетушка Эллен, двигаясь как сомнамбула, помогала маленькому мексиканцу надеть на себя смокинг, который бесцеремонная Изабелла сняла с одного из остолбеневших гостей; сама Изабелла бездумно поглаживала рукав Билли, а герр Вольф презрительно рассматривал отобранный в бою пистолет. И вот тогда, глядя на никому уже не нужного хныкающего мистера Монтелли, Билли почувствовал, что больше не может сдерживаться, что вот-вот разрыдается. Он перевел взгляд на мрачный ящик, в котором он таким невероятным образом стал мужчиной, потом на выбитые оконные стекла...

– Билли, – громким театральным шепотом сказала тетушка Эллен, – ты должен немедленно помочь этому человеку!

Взглянув на маленького мексиканца, Билли заплакал. Сначала он плакал тихо, как сильно обиженный ребенок, и наконец зарыдал во весь голос, громко и недоуменно. Его плач взлетел под невидимый высокий потолок собора и вернулся отраженным звуком – таким страшным, что Билли не выдержал и, махнув рукой, побежал к выходу.

– Ну почему я такой? – мысли казались ему отстраненно чужими. – Пусть они отвяжутся от меня! Пусть они все получают то, чего им хочется больше всего на свете, но только пусть отвяжутся от меня! Я-то здесь при чем?!

Перед глазами почему-то стоял старик Монтелли. Его сопливое лепетание было наполнено каким-то грозным смыслом. Билли по-прежнему чувствовал к мистери Монтелли что-то вроде гадливой жалости. Он с усилием стряхнул с себя это наваждение, потянул за холодный медный поручень и оказался на ничего не подозревающей улице.

И вот теперь он шел по Пятой авеню и безудержно рыдал. И удивлялся тому, что столь недавно обретенные, неведомые ему прежде сила и легкость никуда не исчезли. При этом сам Билли не ощущал себя другим человеком, хотя наверняка должен был измениться! В какой-то момент Билли оглянулся и увидел тянущуюся за ним цепочку. Он глубоко вздохнул, пожал плечами и двинулся дальше. Сейчас ему хотелось только домой, в свою спальню. Но вскоре он почувствовал, что до дому ему не дойти, и не потому, что устал, а по значительно более мелкой и бытовой причине: мочевой пузырь раздулся так, что, казалось, вот-вот разорвет Билли изнутри. Слезы моментально высохли. Билли остановился, и сразу же на него налетел потный, но довольный собой герр Вольф.

– Эй, Вилли, – закричал герр Вольф и поднес толстый палец к носу, – какого черта! Я немного голодный, ебёна мать! Идем кушать, да? Это неправильно, если я будучи спасать всех вас жизнь, сам будучи умирать голодным!

Сам того не ведая, дядюшка подбросил Билли спасительную мысль: в ресторанах – скажем, вон в том, что напротив, при отеле – всегда есть туалеты. Не обращая внимание ни на испуганное бибиканье шарахающихся от него машин, ни на упрямое сопение не отстающего от него ни на шаг герра Вольфа, Билли бросился наискосок через Пятую авеню. Попутно он удивился самому себе и той мелочной власти, которую имеет организм над его рассудком.

– Весьма сожалею, сэр, – преградила ему дорогу женщина в униформе с блестящей табличкой на лацкане, – ресторан закрыт. Еще рано.

Непонятно что отразилось на лице Билли, но женщина отступила и тут же добавила, что при желании они могут подняться наверх, на сорок восьмой этаж, где работает бар... За спиной у Билли герр Вольф добродушно зарычал и разразился матерной тирадой. Но Билли не слушал и не слышал его. Он спешил наверх, искренне надеясь, что лифты здесь скоростные. Герр Вольф отстал, поперхнувшись незатейливым, как ход его мысли, глаголом. Двери лифта неслышно сомкнулись за Билли. Звучала тихая музыка. Билли возносился. На сорок восьмой этаж. Он выбежал в тихий коридор и сразу же увидел спасительную табличку. Музыка, как старая знакомая, мягко последовала за ним, и в туалете – большом, светлом и безжизненно чистом – зазвучала еще настойчивей и проникновенней. Билли сбросил на сверкающий пол ненужный ему теперь фартук и отдался освобождению и – неожиданно для себя – музыке. Теперь он узнал ее. Это же незаконченная... Ну конечно, его великий предок! По невнятной ассоциации Билли подумал, что, похоже, гений Моцарта, бурлящий в крови его рода, может проявлять себя свободно только тогда, когда ему есть в чем проявляться. Когда же перед ним воздвигается плотина из неумения или нежелания, этот поток, достигнув критического уровня, становится во много раз мощней, перехлестывает через край и неудержимо и неуправляемо несется куда-то, сметая все на своем пути... Билли нервно рассмеялся. А знакомая музыка звучала все громче и настойчивей, обволакивая его, обещая поддержку и прощение.

Билли тщательно и с удовольствием застегнулся, вспомнил бедного мекса и покачал головой. Теперь его было совсем не жаль. Если Билли действительно сотворил с ним такое, то и исправить положение ничего не стоит. Но уверенности все равно не было. Билли пока не очень верил в свои способности. Черт его, мексиканца, знает! Может это была дурацкая шутка или... Сколько можно оставаться таким наивным и играть в навязанные кем-то игры! Сначала тетушкой, потом мистером Монтелли... Ведь ему только что исполнилось тридцать три года! Нет, больше он не может себя

обманывать! Следовало попробовать что-то еще, вот прямо сейчас – какое-то совсем безобидное и простенькое чудо. Билли произнес слово «чудо» вслух и смутился. Но, тем не менее... Он огляделся. На матовой кафельной стене висела незатейливая, неизвестно для чего нужная в мужском туалете картинка – два умильных пушистых котенка доверчиво смотрели друг на друга игольчатыми глазками. Ну конечно же! Как он мог забыть! Пусть появится оставшийся в том душном ресторанчике огромный серый Кузейро! Билли, глядя на свое отражение в ослепительно чистом зеркале, неловко взмахнул рукой. И так, пусть! Это мое желание! И тут же рассмеялся: выглядело все это довольно нелепо, словно в цирке. Ну же! Ну?.. Кот не появлялся. Только зеркало, словно болотце, стало покрываться едва заметным зеленоватым налетом. Так что же это, все?.. Закончились чудеса?! Вдруг отражение стало глубже, и Билли почувствовал за спиной какое-то движение. Он резко обернулся. Сзади никого не было, картинка висела неподвижно. Только глаза милых котят показались Билли настороженными и тоскливыми. А знакомая мелодия звучала все громче. Билли отчаянно вглядывался в зеркало, казавшееся сейчас совсем бездонным. Вот оно, движение! Билли вздрогнул.

В туалет с шумом ввалился герр Вольф. Он что-то пробормотал о уже сделанном заказе и говенном американском пиве и деловито направился к писсуару. Из зеркала, моментально потерявшего свою глубину и зеленоватый оттенок, на Билли смотрела его собственная растерянная физиономия. А дверь, широко распахнутая немецким родственником, очень медленно закрывалась, и в ту секунду, когда она почти совсем закрылась, в бушующую музыку ворвался отчаянный мяв. В помещение, изогнувшись как змея, протиснулся сильно недовольный едва не прижавшей его дверью огромный серый кот с распушенным хвостом. Он нервно подергал ушами, опустил тигриную голову к самому полу и посмотрел на Билли большими зелеными глазами вопросительно и настороженно.

– Кузейро, – ломким нервным голосом позвал Билли, – иди-ка сюда! Ведь ты же Кузейро, правда?

Кот, поставив уши торчком, внимательно слушал. Ну надо же! Билли совершенно не помнил, как выглядел ТОТ Кузейро. Ну серый, ну здоровый котище. Тяжелый. А что еще? Могло ли случиться так, что этот кот – просто двойник? Но что ему делать здесь, в ресторане, на сорок восьмом этаже? Конечно, это Кузейро! Скорее всего так... Ладно, пусть Билли, не в состоянии узнать его, но сам кот вряд ли изменил свои привычки. Билли нагнулся к нему, надеясь, что тот вспрыгнет ему на плечо.

– Ах ты, блядская морда! – вдруг заорал герр Вольф, бросаясь к коту. – Этого еще здесь не хватало! Вонючий забегаловка, с вонючей животный! Курить нельзя, а кошки можно?!

Герр Вольф рывком распахнул дверь и короткой толстой ногой в начищенном ботинке сильно пнул кота в бок. Прежде чем вылететь в коридор, обиженный до глубины души кот успел разорвать герру Вольфу брючину от колена и до самого низа, хорошенько пройдясь острыми когтями и по коже обидчика.

– А-а! – заорал герр Вольф и неуклюже запрыгал на одной ноге. Лоб и щеки его мгновенно сделались бордовыми. Он быстро запыхался и, опустившись наконец, на обе ноги, заявил, что должен немедленно уничтожить проклятое животное. Прямо сейчас! Он, офицер, военный егерь, черт возьми, не может позволить ублюдочному американскому коту нанести ему такое трижды блядское оскорбление, ебена мать! Хватит с него оскорблений! Билли увидел в руке у рассвирепевшего дядюшки маленький пистолет – тот самый, отобранный у мистера Монтелли. Герр Вольф шумно выдохнул, покосился на себя в зеркало, остался доволен своим бравым видом и прихрамывая, но на удивление ловко выскользнул за дверь. Музыка резко оборвалась. Что же он, этот идиот, собирается бегать за котом с пистолетом? Билли, даже не задумываясь над тем, кого именно он собирается спасти, бросился вслед за прытким

родственничком. Краем глаза он успел заметить, что совсем обмелевшее равнодушное зеркало преувеличенно аккуратно отражает безмятежную картинку с котятками.

В круглом, медленно вращающемся баре с огромными окнами, из которых открывался вид на весь Манхэттен, было тихо и почти безлюдно. Бармен, занявший оборону в неподвижном, огороженном стойкой центре зала, с профессиональной ленцой поглядывал на экран подвешенного к самому потолку телевизора. Казалось, он совершенно не обращает внимание на расположившуюся за круглым низким столиком странную компанию. Тетушка Эллен, не отрывая длинного узкого стакана от дрожащих губ, мелкими глоточками пила коктейль. Изабелла, развалившись в кресле и приподняв для удобства подол длинного платья выше колен, устало жевала миндаль, роняла зеленые очистки на свои венчальные кружева и разглядывала проплывающие мимо виды. Мексиканец, прикрывая полами смокинга голую безволосую грудь, уперся взглядом в стоящую перед ним стопку с желтоватой текилой. Герра Вольфа нигде не было видно.

Билли направился к медленно удалявшемуся от него столику, но не успел еще ступить на движущуюся ленту, как тетушка вскочила с места. Мельком взглянув на Билли, она уставилась куда-то поверх его головы. Ее брови привычно поползли вверх, и только выражение глаз было не сердитым и не испуганным, а недоверчиво изумленным. Билли обернулся, ожидая увидеть охотника с его несчастным трофеем, но за спиной не было никого, кроме прилегшего грудью на стойку бармена. Не понимая, в чем дело, Билли недоуменно завертел головой, и тогда тетушка нетерпеливо вытянула руку, указывая ему на экран телевизора. Билли невольно повторил ее жест, бармен мгновенно понял и послушно прибавил громкость. На экране покачивалось знакомое растерянное лицо, то и дело заслоняемое деловитыми физиономиями полицейских. Билли глупо хихикнул.

– Только что, – говорил невидимый диктор, – полиция задержала давно находящегося на подозрении у ФБР Винсенто Монтелли. По непроверенным данным, это один из самых могущественных донов нью-йоркского гангстерского клана, деятельность которого окружена тайной, необычной даже для мафиозных семей. Арест оказался возможным благодаря... – тут диктор сбился со своего размеренного тона, сделал неподготовленную паузу и, изумленно хмыкнув, торопливо продолжил. – Полиция задержала семидесятипятилетнего Монтелли при попытке... при попытке изнасилования на ступенях собора неизвестной бездомной женщины пятидесяти четырех лет!.. По словам очевидцев, пострадавшую спасло только вмешательство двух офицеров полиции. Никаких объяснений происшедшему представители властей пока не дали...

Губы мистера Монтелли беззвучно шевелились. Билли, вроде бы, разобрал слово «ключ»... а, может быть, «сука». Но тут старика повернули спиной, блеснули наручники, потом камера ушла в сторону, мелькнул кусок знакомой лестницы, и репортаж прервался. Билли показалось, что в толпе он заметил окаменевшее лицо Харона... На экране уже прицеливался собранный бейсбольный питчер, бодрый спортивный голос комментировал готовящийся бросок, а Билли все не отводил от телевизора смягчившегося непонимающего взгляда. Потом на его плечо опустилась рука, и он сообразил, что рядом, легко прижимаясь грудью к его локтю, стоит Изабелла.

– Слышишь, Билли, – интимно прошептала она, – а ты еще лучше сделал, чем я предлагала. Так ему, козлу, и надо! Это гениально придумано – вернуть ему его прибор! Только вот...

Билли смотрел на ее близкие губы с прилипшими миндальными чешуйками, и ему вдруг сделалось не по себе. Эта женщина – его единственная женщина! – груди, ноги, все тело которой он когда-то ощущал на расстоянии, как запах из открытого флакона... «Железка», если ее отыскать, наверняка сохранила ночные следы его ногтей. Из ящика с изображением насекомого на крышке вынырнула какая-то другая Изабелла... И тут же мысль вернулась к арестованному старику. Что, если он, Билли,

перепутал и вернул ему то, что отнял у мексиканца?.. Эта новая мысль как акулий плавник вспорола мозг. Неужели он действительно сотворил такое?! Билли резко оторвал от себя льнущую Изабеллу и подошел к столику. Мексиканец неожиданно оживился и, взглянув на Билли, заговорщицки улыбнулся.

– Я от испуга и не такое мог бы изобразить, – он покосился на тетушку Эллен и улыбнулся еще шире. – Конечно, это не совсем по-мужски – прыгать голым и притворяться, что тебе оторвали это самое... Ну, сам понимаешь. Но она меня простила. И ты прости, если испугал. Просто выхода другого не было. А то бы этот тип нас всех там пришил, точно тебе говорю. А так, видишь...

Значит, мексиканец притворялся... Что же это?! Билли медленно опустился на низенький пуфик и вопросительно взглянул на тетушку Эллен. Может хотя бы она что-то понимает? Но в ее глазах застыл липкий алкогольный туман: тетушка улыбалась и покачивала головой, как бы говоря: «Ну и ладно, расслабься, все закончилось благополучно». Во всем привыкший доверять тетушке, Билли чуть было не улыбнулся ей в ответ. Но рядом были чужие – повеселевший мексиканец и смутно неприятная теперь Изабелла, – а где-то неподалеку герр Вольф гонялся за неведомо откуда взявшимся здесь котом... Нет, ничего еще не закончилось! Билли чувствовал, что непроницаемая стена, выстроенная из нелепостей, глупостей и неразрешимых загадок, вот-вот повалится от одного небольшого толчка. А сам он даже не увидит того настоящего, что спрятано за ней... не увидит просто потому, что будет засыпал, погребен тяжелыми обломками. Обиднее всего было то, что окружавшие его люди, казалось, воспринимали все происходящее совершенно спокойно и свободно проходили сквозь эту стену. Словно играли в невероятно сложной и запутанной пьесе, которую он смотрел то ли с середины, то ли вообще застал самый ее конец. А, может быть, все они и были кирпичиками, кусками этой твердой, неумолимой стены?..

– Ты, Билли, совсем ничего не знаешь обо мне! – вдруг заявила тетушка Эллен и, хотя выражение ее лица было теперь вполне осмысленным, она показалась Билли еще более пьяной. – Я всегда была для тебя только теткой, воспитательницей. А я ведь тоже из рода МоцЦартов! Черный человек, скажем так, приходил и ко мне тоже. И звал за собой... А я не пошла. Ну а потом появилась Матильда... но это уже совсем другой разговор. Я сомневалась в себе, понимаешь? Не просто сомневалась, а по-настоящему, глубоко. Но в конце концов поняла, что иначе и не бывает. Любой творец сомневается. Иисус сомневался. Даже... прости меня, но мне кажется, что и Господь иногда испытывал сомнения... Да-а! А ты, Билли, молодец! Я даже и не думала, что ты так сможешь... Сомневайся, Билли, обязательно сомневайся! Твори! А если что... Ну, в общем, ты же видишь: я с тобой... И все они тоже. Мы тебя не оставим. Я верно говорю?

Тетушка Эллен повернулась к Изабелле. Та важно, со значением кивнула ей и, прикинув к Билли, залепетала ему в ухо горячо и мокро:

– Ты знаешь, я вдруг поняла кое-что. Ты не поверишь, но вот когда смотрела, как этого скота арестовывают, я поняла, что... Только не смейся, ладно? В общем, у меня для тебя радостная новость, Билли. Я беременна! И это совершенно точно!

Чтобы не пропустить его реакцию, Изабелла сделала шаг назад. Билли вдруг показалось, что под тесными кружевами ее свадебного платья и действительно всерьез наметился тяжелеющий прямо на глазах животик. Это было ужасно! Нет! Билли вскочил на ноги, низкий столик покачнулся и стал опрокидываться. Билли невольно проследил глазами за его падением. Под столом мирно сидел пропавший кот. Он посмотрел на Билли, беззвучно мяукнул, приподнял шерсть на загривке и коротко и нервно забил хвостом. Никто не пошевелился. Поэтому, наверное, Билли сразу почувствовал за своей спиной какое-то движение и резко обернулся. У круглой стойки окаменел невозмутимый бармен. Рядом с ним стоял герр Вольф с перекошенным от гнева лицом, держа в руке пистолет.

– Кошка, ебена мать! – закричал он свирепо, совершенно не обращая внимания ни на бармена, ни на компанию, застывшую над опрокинутым столом. – Теперь все, попался! Один кот против один старый офицер... Б-блядь! Все!

Он, как в вестерне, ухватил пистолет обеими руками, сделал шаг вправо и, опершись о стойку, нажал на курок. Выстрел прозвучал очень коротко, лента со столиками двигалась очень медленно, а собравшиеся вокруг кота люди так и остались неподвижными. Тетушка продолжала улыбаться, глядя на Билли, Изабелла с довольным видом держалась рукой за живот, а мексиканец, повернувший голову на крик, смотрел на герра Вольфа с сонным любопытством. И только кот, почуяв опасность, высоко подпрыгнул и завис в воздухе, раздвинув лапы и распушив хвост. По крайней мере, Билли увидел всю эту картину именно так. С каким-то отстраненным удивлением он наблюдал, как пуля, вылетев из ствола и оставляя за собой вспененный зыбкий воздушный след, несется прямо к нему. Но нет, не совсем к нему! Билли легко вычислил точку, к которой упрямо стремилась маленькая горячая торпеда. Эта точка находилась как раз между чуть расставленными и утонувшими в кружевах пальцами Изабеллы. От ужаса Билли попытался было взмахнуть руками, чтобы отогнать пулю, как надоевшую муху, но понял, что не может пошевелиться. Кажется, только глаза его успели включиться в бешенный звенящий ритм выстрела. Короткий гулкий звук, похожий на хлопок режиссерских ладоней из пустого репетиционного зала, как будто остановил все действие, а вместе с ним и время. Билли как будто раздвоился. Это не было ни видением, ни обмороком. Просто тело Билли осталось стоять на месте, словно приколоченное слишком быстро летящей пулей. И только вырвавшийся на свободу взгляд, казалось, отделился от него и теперь наблюдал за всем происходящим со стороны.

Толстые надежные стекла окон сделались совсем прозрачными, как будто исчезли, и какой-то маленький, обдуваемый холодным ветром человечек – то ли сам Билли, то ли кто-то другой – стоял, опустив глаза, на карнизе, на самом краю пропасти в сорок восемь этажей и смотрел вниз. Вид был совершенно обычным: улицы, рекламы, автомобили, суетливая толпа... Человечек держал в руках грубый волосатый канат, свешивающийся откуда-то сверху. Аккуратно высунув голову наружу и борясь со страхом высоты и подступающей тошнотой, человечек посмотрел, к чему же прикреплен этот странный канат. Канат уходил далеко вверх и, постепенно превращаясь в тоненькую ниточку, терялся в голубовато-сером весеннем небе. Рефлекторно, как бы желая обрести еще одну точку опоры, человечек потянул канат на себя. Наверху послышался слабый гул, и человечек почувствовал, как по канату прошла легкая, удаляющаяся в небо волна. И ничего больше. Он потянул сильнее, как будто смутно надеясь, что канат не выдержит, почти повис на нем... Но канат держал. И тогда человечку не оставалось ничего другого, кроме как, тяжело вздохнув, ухватиться за него руками и ногами и, закрыв глаза, повиснуть на страшной высоте. И тогда канат неожиданно поддался, раздался негромкий шелчок, и человечек, чуть было не разжав мгновенно вспотевшие руки, рывком опустился чуть ниже. Через секунду он осторожно раздвинул плотно сжатые веки и увидел, что вокруг темно. Темнота опустилась сразу, как будто канат был прикреплен к неведомому выключателю, заведующему сменой дня и ночи...

– Надо же, чудо какое: а ведь только что было светло... – вяло подумал человечек. Внизу зажглись обычные городские огни, автомобили на поворотах невозмутимо тыкали в зазевавшихся пешеходов указательными пальцами фар. Звуки улицы были тихи и обыденны, как сладостный зевок.

– Не бывает на свете никаких чудес! – продолжал размышлять наивный человечек, покачиваясь над бездной. – Мир, как старая бутылка с вином, туго оплетен аккуратными косичками бытия. Чудеса вырывали бы из этого сплетения отдельные нити, и всего лишь одного невпопад выдернутого волокна было бы достаточно,

чтобы разрушить все мироздание. Даже Тот, Кто построил этот мир, уже не в состоянии ничего в нем изменить...

Билли опомнился и отвел глаза от окна в ту секунду, когда пуля почти настигла Изабеллу. За окном действительно было темно, а свет в баре, не поспевая за событиями, еще не зажгли. Но и в сумеречной полутьме Билли видел блестящее хищное тельце пули, которая неторопливо, как бы в раздумье, приближалась к выбранной цели.

– Погоди, погоди, погоди – думал Билли, – если ты летишь по моему велению, потому, что я испугался Изабеллы и этой ее беременности, то в моей воле сделать так, чтобы ты пролетела мимо. Мимо, слышишь?!

Пуля послушно развернулась тупым рыльцем вправо. Живыми, все понимающими, существующими как бы отдельно глазами Билли видел, что теперь она метит в глядящую на него улыбающуюся тетушку. Неужели он пожелал именно этого? Пуля, начавшая отсчет нового времени, что-то перепутала! Зависший с густом неподвижном воздухе тяжеленький предметик легко отклонился от тетушки Элен и направился прямо к мексиканцу. Билли растерялся. Ему стало понятно, что вылетевшая чтобы убивать пуля просто должна кого-то убить. За ним, Билли, оставался только выбор. А что, если?.. Пуля с готовностью развернулась и полетела к герру Вольфу. Старый болван с сомнительным прошлым успел лишь вытянуть неуклюжую шею, чтобы лучше было видно, и опустить пистолет. В конце концов, именно он затеял глупую охоту на ни в чем не повинного кота... Билли представил себе, как рушится на пол его тяжелое, мгновенно ставшее неживым тело, и прикрыл горячие веки. Когда он снова посмотрел на пулю, она упорно двигалась к нему самому. А если?.. Но что-то внутри воспротивилось такому решению. Он, Билли МоцЦарт, дальний, но абсолютно прямой потомок великого гения, только что получивший проклятый и удивительный Дар, не мог глупо умереть от шальной и подлой пули! Вернее, он был просто не в силах по-настоящему этого захотеть!

Человечек за окном смешно и беспомощно раскачивался на своем канате, и по лицу его было видно, что он хочет вернуться обратно на карниз, что у него устали руки, кружится голова, и только страх удерживает его над пропастью...

Пуля по-разбойничьи присвистнула на прощание, круто развернулась и помчалась к окну. Стекло дрогнуло и слегка прогнулось. Пуля деловито выела аккуратную круглую дырочку и выбралась наружу. В бар ворвался свежий залетный ветерок. И сразу же время вернулось в свое обычное русло. Изабелла взвизгнула и резво отскочила от опрокинутого столика, а у тетушки Элен от ужаса приоткрылся рот. Кот мягко опустился на все четыре лапы, потом снова подпрыгнул и приземлился на плече Билли, раздирая когтями кожу. Герр Вольф, с дымящимся пистолетом в руках, яростно ругался, почему-то яростно поглядывая на бармена.

– Всё! – прошептал Билли, стараясь поймать в кулак свою ставшую скользкой, как намыленный стеклянный шарик, волю. – Я больше не хочу! Я больше не желаю всего этого! Хватит! Я – мышь, с которой играют глупые злые дети! Уйдите все! Я хочу домой! В свою спальню! И ничего больше!

Он заметил, как странно загорелись зеленые кошачьи глаза при слове «мышь», как посыпалось на пол толстое оконное стекло, как послушно поднялись со своих мест тетушка и мексиканец. А потом мгла, до того скромно таившаяся за окном, влилась в бар и окутала все вокруг своей черной ватой. Билли почувствовал себя совсем беспомощным, оставшимся один на один с проклятой горькой силой, которой он распорядился, как трехлетний ребенок, забравшийся в работающий бульдозер...

Билли сделал несколько шагов в полной темноте и отрезвляюще ударился лбом в холодное стекло. Он на секунду зажмурился от боли, а когда открыл глаза, то увидел за окном, далеко внизу, знакомый черный провал Центрального Парка. Все закончилось так, как он и хотел: Билли был один, у себя в спальне.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

Билли подумал, что все оставили его. Или это он оставил всех? Было ли тому виной головокружение или, наоборот, это весь мир назойливо кружился вокруг него как муха вокруг недоеденного пирога, но даже обычный вид из окна сейчас казался ему наполненным скрытой тревогой и беспокойством. Словно некие торопливые и таинственные, почти невидимые глазу приготовления совершались там, в темноте над Центральным парком. Головокружение постепенно перешло в ноющую боль. Где-то в коридоре, за его спиной, зажгли свет. Темнота в окне неохотно подвинулась, уступив место тусклому изображению, и Билли тут же увидел самого себя, сгорбленного, с недоумевающим и страдальческим выражением лица, а сзади мягко светился глубокий дверной проем. Билли покачнулся. Ему показалось, что оконное стекло потеплело и отодвинулось, создавая обманчивую перспективу. Зеркальная дверь, зависшая над провалом парка, как будто открывала дорогу в неузнаваемо чужой коридор, ведущий неведомо куда. Но толстое безразличное стекло надежно отгораживало его от этого света и тепла... Билли вспомнил, как опало разбитое упрямой пулей окно в баре и зябко поежился. Он ведь уже уступил, согласился жить в неверном мире собственных чудес! Почему же тогда он никак не может понять, что именно творит? Почему его не пускают туда, где светло, спокойно и уютно?! Разбить, что ли, и это окно?..

Внезапно картинка изменилась: в дверном проеме появилась крупная женская фигура, легко прислонилась к косяку и помахала ему рукой. Билли пригляделся и по пышным формам узнал Матильду. Озаренная боковым светом, она улыбалась привычно и безмятежно. Конечно, Билли знал, что на самом деле Матильда стоит на пороге его спальни, но на секунду все же поразился жуткой несправедливости: ее, солнечную радостную пиранью, никогда ни о чем не задумывающуюся дуру, пустили туда, в теплый законный мир... Почему?! Не сдержавшись, Билли ударил кулаком по стеклу. Гладкая поверхность глухо заколебалась и совершенно преобразила лицо Матильды. Удивительно, но когда Билли обернулся к настоящей Матильде, то и она выглядела хмурой. Крупные черты как будто подтаяли, бесформенные мягкие губы собрались морщинами, как влажная тряпочка, которой только что стерли улыбку. Матильда смотрела на него серьезно и оценивающе, как не смотрела еще никогда. Но голос ее прозвучал по-прежнему насмешливо.

– Ну что, чудотворец, допрыгался? Я-то тебе чем мешала? Эх ты... Ладно, что уж теперь говорить! Тебя вон мать зовет. Там внизу, в столовой, собрались... За тобой пришли. Теперь, гений, не отвертисься.

Странная угроза, прозвучавшая в голосе всегда такой веселой и, в общем, безобидной Матильды заставила Билли вздрогнуть. Кто это пришел за ним? Что такое она несет? И еще: тетушка, похоже, дома. Означает ли это?.. А что это может означать? Он окончательно запутался; горячий шурупчик боли ввинчивался в череп все сильнее и сильнее. Скривившись, Билли потерял виски. А Матильда все стояла на том же месте, и у Билли появилось ощущение, что, если он откажется спуститься вниз, она потащит его силой. Ну надо же, как, оказывается, она его не любит! Он-то всегда считал, что их препирательства – не более, чем родственная пикировка. Виски сдавило еще сильнее. Билли горестно посмотрел на Матильду, но, встретив ее взгляд, понял, что не в состоянии сейчас хоть что-то сказать, пожал плечами и вышел в коридор. Проходя мимо чуть посторонившейся кухни, он заметил на ее платье, в том месте, где оно вздымалось под напором большой груди, два темных и как будто мокрых пятна. Как странно: совершенно сухие злые глаза и мокрые, плачущие соски... Что же он сотворил с Матильдой? Он ускорил шаг, хотя каждое движение толчком отдавалось в темени. Кто ожидает его в столовой, хотел бы он знать?..

Прямо под картиной с ненастоящим солнечным городом, развалившись на казавшемся хлипким под его массивным телом стуле, восседал невозмутимый герр Вольф. Сбоку, как будто оттесненная его массой к стене, нервно переминалась с ноги на ногу тетушка Эллен. А по другую сторону стола в элегантном сером костюме с галстуком-бабочкой сидел мистер Монтелли. Не похоже было, что Билли ждали, или, как сказала Матильда, «пришли за ним». Потому что никто из присутствующих, казалось, даже не заметил Билли. Головная боль внезапно прекратилась, как будто ее выключили. Менее всего Билли ожидал увидеть здесь мистера Монтелли. Но удивительнее всего было то, что в тот момент, когда Билли спускался по лестнице, он оживленно беседовал с герром Вольфом по-немецки. Непривычные гортанные звуки чужого языка резали слух несчастной тетушке, которая силилась привычно округлить глаза, но от этого выглядела еще более несчастной. А герр Вольф выпятил нижнюю губу и покачивал головой в знак согласия. На столе, накрытом белой скатертью, стояли тяжелые керамические вазы с фруктами: пышными гроздьями винограда и мохнатыми желтыми персиками. При мысли о еде чуть было не вернулась головная боль, Билли сглотнул жидкую слюну и закашлялся. Разговор оборвался, все присутствующие повернули головы в его сторону. Билли показалось, что и мистер Монтелли, и тетушка, и даже герр Вольф выглядят немного смущенными.

– А-а, – произнес герр Вольф, складывая толстые губы в улыбку и протягивая руку к стоящей в центре стола большой глиняной бутылки, – сюрприз! Сюрпризный... э-э... именинник пришел!

– Ох, – пролепетала тетушка Эллен, клонясь к стене, – Билли! Вчера мы не успели как следует отпраздновать твое тридцатитрехлетие, и вот сегодня...

– Милый Билли, как это славно, что я могу поздравить вас лично, – мистер Монтелли наклонил голову. – Пусть и днем позже, но мы, с позволения вашей очаровательной тетушки, решили сделать вам небольшой подарок.

Он повел головой в сторону герра Вольфа, который пытался с помощью столового ножа вытащить пробку из узкого горлышка сосуда. Что именно прочитал на его лице недовольный немец, Билли не знал, но его пухлые губы с блестками слюны в уголках обиженно дрогнули, он отложил нож в сторону и даже слегка отодвинул от себя бутылку. Билли показалось, что тетушка облегченно вздохнула. А безупречно вежливый сегодня мистер Монтелли вытянул вверх тонкий белый палец и медленно описал им полный круг, как будто взбалтывая напряжение, повисшее в перевернутом стакане комнаты. Этот жесткий палец был почему-то неприятен Билли, он отвернулся и привычно окинул взглядом темную анфиладу комнат, которая заканчивалась кабинетом с камином. Билли на минуту показалось, что в камине догорает неведомо как оказавшийся там вчера стул... Билли поднял глаза: в дверном проеме стояла Изабелла все в том же помятом и несвежем подвенечном платье. Придерживая рукой широкий разрез на юбке, она быстро вошла в комнату, сосредоточенно, как будто не узнавая, посмотрела на Билли и, покосившись на тетушку Эллен, уселась за стол. В это же время с другой стороны, из кухни, появилась толстая Леди. Билли вздрогнул, но Леди на сей раз была одета и держала в черных, без единой царапины руках поднос со сложным массивным приспособлением для открывания винных бутылок. Она кивнула Билли, поставила поднос на стол и, спрятав руки под фартук, замерла за спиной герра Вольфа

– Дорогой мистер МоцЦарт, милый Билли! – мистер Монтелли так и не опустил свой палец, но больше не шевелил им. – Теперь, когда все собрались, я хотел бы сказать несколько слов... если никто не возражает, конечно.

Герр Вольф, с опаской поглядывая на палец, кивнул и что-то пробурчал себе под нос; тетушка, казалось, только сейчас сообразила присесть на краешек стула, а Изабелла улыбнулась с предвкушением и взяла со стола сочный персик. К Билли вернулась головная боль: виски словно налились серой тяжестью, так что было больно двигать глазами. Поэтому Билли заметил спустившуюся вниз Матильду только тогда,

когда она, все с тем же незнакомым застывшим лицом, уже сидела за столом рядом с герром Вольфом. Мистер Монтелли отметил ее появление одобрительной полуулыбкой и продолжил.

– Так вот, дорогой наш Билли, сегодня мы все собрались, чтобы поздравить вас и, должен признаться, всех нас – да-да, именно так! – с вашим днем рождения. Потому что чудо рождения любого человека – это большое счастье для его родных. Впрочем, перебыю сам себя, чтобы сказать вам, Билли, о том, что мы приготовили для вас несколько сюрпризов, как это и положено в день рождения. Если позволите, я начну с менее значительных и закончу самым важным. Так будет правильной, верно? Итак, сюрприз первый. Вы, вероятно, помните очаровательную Пегги Сольерри? Да о чем я спрашиваю?! Конечно же, помните!

Мистера Монтелли решительно схватив стоящий на столе сосуд и перенес его поближе к себе. Билли показалось странным то, с какой легкостью он это сделал. Похоже, большая бутылка была пустой. С усилием провожая взглядом его руку, Билли чувствовал, что голову сдавило еще сильнее, словно его мозг заливало вязким цементом боли. Прозвучавшее имя – Пегги Сольерри – вызвало в дымке его памяти всего лишь изображение большого серого кота, и от этого ему стало еще больнее. Опершись на спинку стула, Билли недоумевал, почему он должен терпеть эту муку, почему его тетюшка сиротливо жмется в углу, вместо того, чтобы вежливо, но непреклонно выпроводить этих неприятных незваных гостей за дверь. Но повернуться к ней, но спросить было выше его сил. Ощущая необычную, никогда прежде не испытанную беспомощность, Билли вдруг подумал, что все сидящие за столом, включая новую неулыбчивую Матильду, притихшую тетюшку Эллен и даже такую привычную домашнюю Леди, напоминают ему сейчас грозных безжалостных судей, завидующих ждущему его палачу. Потому что и сами жадно ищут на его лице следы боли и страха – и наслаждаются ими...

Пауза затянулась: мистер Монтелли то ли ждал, что к ним вот-вот присоединится эта злополучная Пегги, то ли просто хотел услышать от Билли признание в том, что тот хорошо ее помнит. Так ничего и не дождавшись, мистер Монтелли аккуратно погладил шероховатую глиняную бутылку и, чуть прищурившись, посмотрел Билли прямо в глаза. Сквозь боль, плотной пеленой окутавшую несчастную тяжелую голову, пробился короткий, но яростный взгляд-удар.

– Чтобы не испытывать вашего терпения, наш замечательный новорожденный, сразу скажу вам, что – и отчасти благодаря стараниям присутствующего здесь герра Вольфа – нам удалось совершенно точно установить, что Сольерри и МоцЦарты – прямые родственники! А поскольку наша милая Пегги является дочерью моей, увы, рано умершей сестры, то есть родной племянницей... Не случайно я сразу почувствовал к вам такое расположение, нет, не случайно! И я обнял бы вас прямо сейчас, но боюсь скомкать всю церемонию и испортить остальные замечательные сюрпризы. А вот этого, дорогой родственничек, я допустить никак не могу!

Герр Вольф отчего-то беспокойно заерзал, подталкивая животом стол. Но мистер Монтелли фальшивым ораторским жестом широко развел руки, и его тонкий палец оказался под носом у толстяка.

– А почему вы не в полиции? – неожиданно для себя самого брякнул Билли, стараясь не двигать головой. – Вас же арестовали...

– Ну-у, дорогой мой, зачем же сейчас говорить о грустном? Полиция всегда найдет повод привязаться к главе большой итальянской Семьи. К счастью, у вашего покорного слуги есть способы быстро разрешать подобные недоразумения. Особенно, когда ему предъявляют такое глупое обвинение, как попытка изнасилования... Не говоря уже о том, – тут мистер Монтелли покосился на жующую персик Изабеллу, снова полоснул взглядом Билли, и в голосе его зазвенел металл, – что вы и сами увели невесту прямо из-под носа у моего сына. Да еще и... хм... поторопились с

продолжением рода. Пользуясь тем, что беззащитная доверчивая девушка работала в вашем уважаемом доме! А для итальянской Семьи это...

– Бляди, – вдруг громко прорычал герр Вольф, – вот бляди! Я все помню! Тьфу, макаронники! Вонючки – союзники! Если бы теперь не этот... вещь! – он зыркнул в сторону глиняного сосуда. – Сначала травить, как свинья, а потом – родственники! Я все помню!

Билли почувствовал, как беспокойно зашевелилась на своем месте тетушка Эллен, как Матильда что-то сказала ей вполголоса, но сосредоточиться все равно не мог. Голову сжимало как будто тисками. Непослушные веки почему-то отказывались закрываться; это было очень страшно, и Билли понял, что, наверное, сейчас не выдержит, упадет на пол, закричит...

– Наш дорогой Билли, кажется, неважно себя чувствует, – сказал мистер Монтелли, совершенно игнорируя выходку герра Вольфа. – Ай-ай-ай, молодой человек! Смею предположить, что вам просто стыдно. Но не беспокойтесь: ведь мы же родственники! Теперь вы можете спокойно жениться на нашей славной Изабелле. Какие счеты между своими!..

– Дядюшка, – капризно заметила Изабелла и некрасиво сплюнула в маленькую ладонь косточку от персика, – да не тяните вы! У него уже голова болит от ваших речей. Да и не только у него... Ну что за манера говорить так долго?!

– У девочки сейчас причуды, это нормально, не будем обращать на них внимание, – мистер Монтелли покосился в сторону герра Вольфа, ухмыльнулся и продолжил. – У очень старых мужчин и слегка беременных женщин это иногда случается...

– А вы не торопитесь его женить! – вдруг перебила мистера Монтелли молчавшая до сих пор Матильда, и Билли, несмотря на свое плачевное состояние, удивился: неужели Матильда его защищала? Значит, не все здесь были мучителями-судьями! Но и эта простенькая мысль далась ему нелегко.

– Беременная она, как же! – в голосе Матильды зазвучало неприкрытое презрение. – И вообще не понимаю, что вы тут...

Дальше Билли слышал только обрывки фраз. Что-то громко шептала тетушка Эллен, потом герр Вольф закричал, что все забыли про вещь, про бутылку, бляди! И опять резко, уже в полный голос, заговорила Матильда, требуя, чтобы все убирались и оставили их в покое. Подумаешь, беременная! Она, Матильда, вообще кормящая мать... Снова спокойно и неторопливо заговорил мистер Монтелли. Удивительно, но от звука его голоса в висках как будто что-то щелкнуло, и боль отошла. Но голова по-прежнему оставалась тяжелой, и Билли все еще боялся ею пошевелить.

– Похоже, – сказал мистер Монтелли, – я действительно заболтался и забыл о самом главном сюрпризе.

Он оглянулся на застывшую Леди и взял с подноса сложный тяжелый механизм. Несмотря на торжественный и уверенный вид, с которым мистер Монтелли пытался вытащить пробку, Билли ощущал его непонятное волнение.

– Содержимое этой бутылки... м-м-м... предназначено для вас, милый Билли! История, знаете ли, повторяется...

– Что там... в бутылке? – громко прошептала тетушка Эллен, незаметно оказавшаяся за спиной у Билли. Билли оглянулся и увидел, что смертельно бледная тетушка смотрит на мистера Монтелли с участливой робостью, почти покорностью.

– А в бутылке, милейшая родственница... – мистер Монтелли поднатужился, нажал на рычажки и стал осторожно вытягивать из горлышка длинную темную пробку, – в бутылке должен находиться джин...

– Джин! – захихикала Изабелла. – Настоящий джин? Так давайте его сюда! А желанья поделим, на всех хватит!

– Замолчи, идиотка, сучка! Вот я вас всех сейчас... – заорала Матильда и вскочила на ноги. Ее волнующиеся груди стали, казалось, еще больше, а темные влажные пятна на платье расплылись, сползли вниз тяжелыми струйками и, соединяясь на колышущемся животе, образовали неровную букву «V». Следом за Матильдой из-за стола проворно выбрался герр Вольф.

– Все бляди, не верь им, Вилли! – заорал он. – Опять отравить наш гений? Никогда! Мы сами... Я... я буду пробовать!

Изабелла тоже резко поднялась с места. Яростно заскрежетав зубами, она схватила с блюда персик и с силой неловко запустила им в Матильду. Сочный персик угодил прямо в лицо, лопнул и упал на скатерть, а его желтая мякоть медленно сползала по дрожащему подбородку.

– Вот видите, сколько шума из-за одной замечательной бутылки! А сейчас мы ее... – мистер Монтелли улыбнулся и осторожно отделил пробку от горлышка. Раздался легкий хлопок, и все присутствующие отшатнулись в сторону, как будто в руках мистера Монтелли взорвалась бомба. На секунду Билли показалось, что из бутылки действительно вылетел джин. Но это была только рука мистера Монтелли, небрежно бросившая тяжелую открывалку обратно на поднос. Этот короткий металлический звук оборвал все остальные звуки, даже движения. В наступившей тяжелой тишине громко засопел герр Вольф, но тут же испуганно замолк. Электрический свет сделался совсем тусклым. Зато неожиданно ярко вспыхнули угли в далеком камине, и слабый отсвет огня ложился на лица застывших в гостиной людей, смягчая и выпрямляя их жесткие черты. Билли медленно повернул голову к камину. Угли засветились еще ярче, и Билли показалось, что морщинистые камни вздрогнули и сдвинулись как губы, пытающиеся что-то сказать... Это было так неприятно, что Билли сразу же перевел взгляд на стол.

...Скатерть исчезла, на тусклой деревянной поверхности стояли только грубые керамические тарелки. На них горкой лежали съезжившиеся, как будто обожженные солнцем, скелетики виноградных кистей с пустыми мошонками ягод на концах, окруженные серыми каменными останками персиков. А над ними, упираясь ладонями и коленями в доски стола, изогнулась совершенно голая Матильда. Ее огромные груди были неестественно разведены в стороны, заполняя собой провалы подмышек, а к большим, почти черным в полутьме соскам прильнули герр Вольф и мистер Монтелли. Герр Вольф жадно сглатывал, временами икая и пуская пузыри. Мистер Монтелли сосал грудь аккуратно, придерживая пальцами чуть колышущуюся мякоть и осторожно косился на стоящую посередине стола бутылку. Ни тетушки, ни Изабеллы, ни Леди в комнате не было. Матильда протяжно, по-коровьи, вздохнула и, повернув к нему голову, снова безмятежно заулыбалась.

– Ты кого-то ищешь? Так нет никого! Шлюху эту, Изабеллу, я выгнала... Давно уже выгнала. Куда ей, с ее прыщами вместо сисек!.. А тетушка твоя... тоже изрядная шлюха, по правде сказать... под столом лежит: померла, кажется, с перепугу. А кто еще? А, да – Леди. Так она сбежала. Зачем ей с нами, с психами, дело иметь? И боязно, и вообще... Матильда пошевелилась, придерживая грудь так, чтобы урчащему герру Вольфу было удобнее, и чуть поморщилась.

– Всё, Билли, всё! Вот в такой дряни мы и живем... А я ведь тебя, дурака, спасаю, похоже... Ох и присосался, старый... Да, так вот... Они, эти Сольерри, тебе бутылку принесли, чтобы ты по своей воле отказался... Говорят, предок наш великий не выдержал. И ты не выдержишь. Потому, что дерьмо это... И Дар этот весь в дерьме. Вот Гений и не устоял: ему предложили, налили с готовностью, он и хлебнул. Ну что ты так на меня смотришь? А, Билли? Ну да, ты ж меня дурой недоделанной всегда считал. Из-за моих детишек, что ли? Пришел бы, спросил, я бы тебе и рассказала все про Дар. И про предка, кстати, тоже... Да, отравили нашего гения! Сольерри, родственничек, ему вот эту бутылку принес: не хочешь больше? Не можешь? Вот и славно! Выпей и станешь как все. Ну и что же? Баба – жена – беременная, грязь кругом, нищета, дрязги и

сплетни. И, главное, вроде бы такой Дар в руках, а все равно грязь... И сам Дар этот: то светлый, а то... Когда он светлый, так все вокруг еще страшнее. Когда же Дар темный как ночь... сам понимаешь, невыносимо... И никуда не денешься, не скроешься! Вот он и... И дед наш эту дрянь пил, и отец твой, между прочим, тоже... А все потому, что такой как я с ним не было! Чтобы Дар принять, настоящая женщина должна быть рядом, понимаешь? А настоящая женщина – это грудь... И чтобы ее было много... Понимаешь? Нет? Дар – это как приступ болезни, как эпилепсия, что ли... Больному нужен уход, ему грудь нужна! Опять не понимаешь? Ну ничего, и не надо. Я ведь о многом догадываюсь, но разве объяснишь... Эх, тяжело мне, тяжело... Не могу я больше!

Матильда взглянула на стариков, мягко подалась вперед и, обхватив губами горлышко, откинула голову. И снова Билли показалось, что мрачная бутылка пуста: слишком коротким было само движение, слишком быстро перелилась из сосуда в горло неведомая жидкость. Совсем недавно кто-то говорил ему про сосуд... Но кто? Матильда вздрогнула и уронила бутылку на пол. Глухо ударившись о паркет, она звякнула и распалась на мелкие выпуклые черепки. Разбитый сосуд... Что-то важное, что-то очень важное было связано с сосудом и светом... Ах, если бы голова Билли не была сейчас такой тяжелой, если бы он мог вспомнить...

В комнате стало еще темнее. Камин погас – или кто-то заслонил его от Билли? Матильда протяжно застонала и, выгнув спину, откинулась назад. Ее странные, вроде бы бессмысленные речи были ему смутно знакомы. Он узнавал их не сразу, постепенно, как слова давно забытого, но родного языка. Казавшаяся поначалу нелепой мозаика звуков медленно-медленно складывалась в некую картину и обретала смысл, такой очевидный и глубокий. Что там Матильда сказала про тетюшку Эллен? Она умерла? Да нет, конечно, не о том говорит большая и солнечная Матильда, совсем не о том!

В этот момент послышался дребезжащий звук, Билли оглянулся и увидел за окном белеющий в темноте толстый канат. С трепетом, боясь обнаружить на нем знакомого человечка, Билли подошел к окну. Канат вяло, совсем как тонкий палец мистера Монтелли, взбалтывал пустоту. Человечка не было.

– А-а, – озабочено произнесла Матильда за спиной у Билли, – они уже торопят. Вот еще и это тоже – время, время!.. – в ее голосе появились истерические нотки. – Приходит время, и грудь полна, а потом р-раз – и пусто, и сама себе противна. Не надевать же на себя эти железяки, как ты... Да знаю, знаю, это все она тебя заставляла. Заботилась она о тебе, как же! О себе она заботилась... Я же все знаю про твои выступления. Смех один, да и только! Боялась она, вот что я тебе скажу. И завидовала! Догадывалась, что себя-то без пользы засушила. Вот и надеялась, что через тебя и ей Дар достанется. А-а, ладно! Время-то уходит! Ухо-о-о-дит...

Стоя у окна и наблюдая за канатом, Билли старался нарисовать для себя точную и аккуратную картинку происходящего. Все то, что наполняло его воображение, все его видения и ощущения уже не плавали на поверхности сознания как капельки жира в стакане с чаем, а растворились, перемешались с реальностью, стали с ней одним целым. Билли вдруг понял, что этот грязноватый напиток и есть самая настоящая, легко узнаваемая на вкус и ощупь действительность. Он вспомнил огромное тело, по которому скользил, проваливаясь в странный ящик мистера Монтелли. Тело, так напоминающее роскошное тело Матильды.... Билли обернулся к столу и замер от неожиданности. Матильды и сосущих ее грудь стариков больше существовало. Он увидел как будто выжатую серую фигурку с короткими тонкими ручками-ножками и двумя узкими полосками, на которых, как сморщенные виноградины, висели два сухих, скорченных, съежившихся до размеров ребенка тельца. Их искусственные челюсти, казавшиеся сейчас непомерно большими, цепко держались за вытянутые, как сдутые воздушные шарики, соски.

Билли подошел поближе и заглянул под стол. Там никого не было, но от его неловкого движения стол покачнулся, раздался легкий хруст и тот, который был когда-

то герром Вольфом, вздрогнул и со стуком отвалился на пол, с намертво зажатым в зубах куском высохшей груди. Я знаю, сказал себе Билли, что происходит ровно то, что и должно происходить, я это принимаю, но... Вид мумифицированной Матильды с обрывком одной груди заставил Билли на секунду закрыть глаза...

Резкий запах свежего кофе и позвякивание посуды вывели его из оцепенения. Билли прислушался и сообразил, что это тот обычный шум, который всегда издавала Леди, когда возилась по хозяйству. А это значит... Билли – почему-то на цыпочках – вышел в коридор, и уже оттуда быстрой и уверенной походкой направился в кухню.

– А-а, мистер МоцЦарт! – Леди с переброшенным через плечо полотенцем стояла к нему вполоборота и уверенной рукой наливала из кофейника в свою большую кружку с сердечками свежий густой кофе. Тетушка Эллен подарила ей эту кружку в прошлом году на день рождения. Билли с трудом подавил в себе желание спросить, куда подевалась тетушка и только кивнул головой, пытаясь сделать вид, что зашел на кухню просто так, поболтать.

– А у меня новость, сэр. Даже не знаю, как и сказать. Помните, брат мой... Ну я вам рассказывала, который в тюрьме сидел... Так его выпустили вчера. Вот, хотела посоветоваться, как мне с ним быть. Он ведь опять за свое примется, я думаю. С девок деньги собирал, подлец, стыдно сказать! Да и наркотики... Может, пристроить его куда?

Мир снова начал расслаиваться. Все, что он только что испытал в темной комнате мучительно не совпадало с тем, что он видел сейчас в светлой безмятежной кухне. И это несоответствие разрывало его, растаскивало напополам. Внезапно, без всякого напряжения, он вспомнил гадкую физиономию бездомного и сообразил, кто так недавно говорил ему о сосуде и свете... И захотел оказаться там, в темноте и пустоте, чтобы потребовать... попросить... Кого? О чем? Но по-прежнему видел перед собой только доброе смущенное лицо Леди, зачем-то вытирающей руки белым кухонным полотенцем.

– Он ведь, мерзавец, зашел сегодня ко мне сюда. – Леди оставила полотенце в покое и теперь тщательно обводила толстым пальцем нарисованные на кружке сердечки. – Говорит, спроси хозяев про работу, ну, может, по дому чего делать. Я, говорит, буду внизу ждать, у подъезда. Все равно идти некуда. Только к друзьям. Ну я и сказала, что пусть ждет, спрошу, когда получится. А день сегодня сумасшедший, вот я и решила, что у мисс спрашивать не с руки... Да и не она теперь решает, правда? А он там ждет... Так может вы, мистер МоцЦарт, чего скажете? Вы же все можете, я ведь знаю. Зачем брату кого-то убивать, верно? Он вам может пригодиться, я думаю...

Билли неопределенно кивнул, чувствуя, что говорить с Леди о ее брате у него сейчас нет сил, и торопливо вышел из кухни. В коридоре он замешкался, почему-то скрипнул зубами и, неожиданно для самого себя, изо всех сил захлопнул тяжелую дверь в столовую.

– Что это вы там?! Ударились в потемках?! – Билли показалось, что заботливый голос Леди прозвучал прямо над ухом. Не раздумывая больше ни секунды, Билли бросился наверх, в спальню.

– Злой он, брат, после тюрьмы. Он и раньше-то был злой... Боюсь, все-таки убьет кого-нибудь, поганец! Я вам честно скажу, мистер МоцЦарт, только вы и можете с ним справиться. – Голос Леди как будто следовал за Билли по пятам. – А мне-то самой ничего и не нужно, не то что всем этим иностранцам... Я как узнала, что вы теперь есть, так сразу про брата и подумала. Ну так как же, мистер МоцЦарт?

Понимая, что от этого густого и просящего голоса ему так легко не убежать, Билли шагнул к окну, но сразу сообразил, что свет в коридоре погашен, что дверь в тот теплый законный мир ему больше уже не увидеть. Но зато он увидел другое – и содрогнулся: в темноте за стеклом качались сотни и сотни уходящих в небо канатов. На каждом из них – кто повыше, кто чуть ниже – висели человечки! Билли присмотрелся

повнимательнее, и ему показалось, что он узнал в одном из этих человечков Харона. Было похоже, что тот подавал другим какие-то знаки, как будто одной рукой дирижировал симфоническим оркестром. Через секунду человек, которого Билли назвал про себя Хароном, улыбнулся и резко взмахнул рукой. По его команде все остальные выпустили свои канаты и рухнули вниз. Сам Харон задержался еще на секунду – только для того, чтобы показать Билли язык – и тоже исчез...

Билли перевел дыхание. Сотни, может быть тысячи людей на его глазах упали и разбились. Была ли в этом его вина? Почему-то никакой жалости к этим людям он не испытывал. Чтобы сохранить рассудок, Билли все пытался уверить себя: все произошло так, как и должно было произойти... После того, как Билли увидел рассыпающееся в прах тело Матильды, он не ставил под сомнение только свое собственное существование. Он еще раз глубоко вздохнул и только тогда увидел, что единственный канат – тот, который был ближе всего к его окну – не опустел, что на нем все еще извивается человек, подавая умоляющие знаки. Билли сразу узнал этого человека. Это был тот самый мексиканец, который словно преследовал его весь этот долгий день. Так вот где он теперь! Билли понял, что совсем не утратил способность чувствовать! Все упали, да, но этот остался. И его нужно немедленно спасти! Потому что, если упали все, то, значит, так надо. Но если хоть один зачем-то остался... Билли заметался по комнате, просто не представляя себе, как открывается это тяжелое огромное окно и с ужасом догадываясь, что без посторонней помощи ему не обойтись. А силы у вцепившегося в покачивающийся канат мексиканца, похоже, были на исходе! Боль и страх, казалось, без труда проникали в спальню через толстое стекло, и Билли чувствовал, что сердце его сжимается от пронзительной жалости. Он выбежал из спальни, еще не понимая, куда и зачем направляется. Он ухватился за сочувствие к этому человеку почти так же судорожно, как тот цеплялся за свой канат.

Может быть и его великий предок, и другие, менее великие родственники пили этот страшный, иссушающий яд потому, что только так и можно остановить безумие этого мира – безумие, в котором они винили самих себя? Или, может быть, они сделали это для того, чтобы освободить таинственный сосуд для света? А теперь получается, что сам он каким-то образом избежал своей участи. Вмешалась Матильда, и сосуд разбился впустую... Эта мысль заставила его остановиться. Но уже через секунду он вспомнил о несчастном мексиканце и бросился вниз, на улицу, на поиски пожарных и полиции...

Оттолкнув удивленно шагнувшего ему навстречу швейцара, Билли выскочил из подъезда. И сразу же увидел две нечеткие, как будто размытые желтым электрическим светом, фигуры. Одна из них метнулась к нему, и он с удивлением узнал ту жалкую женщину, проститутку, от которой сегодня утром его спас Харон. – Ну вот, падла, ты и попался! Я тебе обещала, что найду – и нашла! Кранты тебе, козлу, пришли!

Ее визгливый нетрезвый голос ужасно мешал Билли, не давал ему сосредоточиться. Он хотел было оттолкнуть крикливую грязную бабу. Но тут рядом с ней возник кто-то черный, толстый и ухмыляющийся. А-а, подумал Билли, так это же брат нашей Леди! Ну конечно, они очень похожи... Как все-таки странно видеть мягкие черты знакомого доброго лица так страшно изменившимися, искаженными яростью и злобой... Билли поднял голову вверх, чтобы не смотреть больше на брата Леди, и чтобы убедиться: мексиканец все еще висит на своем канате, и, значит, непонятный, но уже привычный мир продолжает существовать, как и прежде. Но ничего увидеть не успел – огромное, жирное, дурно пахнущее тело заслонило от него весь этот мир.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

Если бы Карлос за весь этот долгий день не привык к тому, что происходит вокруг Очкарика, к тому, что его собственное прошлое все время вмешивается в настоящее... Он бы просто сошел с ума! А, может быть, он и есть сумасшедший, кто знает? Разве стал бы нормальный человек, серьезный мужчина так униженно пригибаться и юлить перед опасностью? С другой стороны, пусть кто-нибудь попробует выдержать все то, что выпало на его долю! Уж он-то всегда точно знал, как следует поступать настоящему мачо. Мачо наверняка не стал бы притворяться, что ему оторвали яйца, и плакать как пацан. Но долбаного чудотворца-Очкарика со всей его компанией надо было спасать. Это Карлос хорошо понимал. Вот Бандита Хорхе спасти было не нужно. И он утонул. А тут... Карлос чувствовал, что старик с пистолетом – и тоже бандит – вряд ли действительно выстрелит в Очкарика, но последствия могли быть самыми нехорошими. Очкарик мог подчиниться старику, а этого Карлос допустить почему-то не должен был. Откуда пришло к нему это понимание – трудно сказать. Но в тот момент он уже точно знал, что у каждого чудотворца должен быть свой разбойник. Уступить старику место рядом с Очкариком означало бы, что он и впрямь потерял яйца, что все его прошлое, накатывающее на него как волна, было пустым и ненужным, да и сам он недостоин всего того, что с ним произошло. Недостоин не только светящихся женщин, но и соседских поблядушек... Карлос даже рассмеялся над таким нелепым предположением.

В церкви все получилось хорошо. Появился другой старик, хитрый и толстый, и опасность сразу же исчезла. Карлос быстро надел на себя то, что подсунула ему Маленькая женщина, и двинулся следом за Очкариком. Все, как показалось Карлосу, шло правильно. И только когда Очкарик привел их в этот дурацкий вертящийся бар, а толстый старик достал пистолет, Карлос понял, что радоваться еще рано. И пожалел, что расслабился и выпил текилы. Он уже и забыл, когда в последний раз ел, и оттого, наверное, проклятая текила даже не успела добраться до желудка – она жадно рассосалась во рту и вонзилась прямо в мозг. Поэтому выстрел прозвучал глухо, и Карлос слишком поздно сообразил, что летит в него не пуля, а вся его прошлая жизнь. Чтобы ударить и ошеломить, чтобы во рту снова лопались проклятые пузыри, а Пустота кричала на него грубо и страшно. Карлос не сдвинулся с места, даже не пошевелился. Но где-то глубоко внутри себя он вдруг струсил, пригнулся, скорчился, спрятался в густом розовом тумане, обволакивающем сейчас его мозг. Потом случилось то, чего он никак не ожидал: прошлое, обдав знакомым жаром – так, что зашевелились волосы на голове, – промчалось мимо... Когда раздался звон стекла, и на Карлоса дохнуло резким холодом, он сообразил, что на этот раз прошлое миновало его и со всего маха натолкнулось на будущее...

Конечно, проще всего было сказать, что Карлос пьян. Да его и действительно повело. От водки и от сознания, что теперь-то и начинается это самое настоящее, которое все время подбиралось к нему и вот, наконец, настигло. Оно казалось страшным, потому что в нем не осталось места чудесам. Чудес больше не будет... Не будет ничего из того, что преследовало, что мучало его столько лет и не давало жить как все, – ничего-ничего больше не будет! Карлосу вдруг стало ужасно жаль себя. Он понял, что все эти необычайные события сделали из него – простого маленького мексиканца – человека особенного, с грехами и радостями не такими, как у остальных людей. Может быть, он и псих, но псих непростой, способный в любой ситуации оставаться мачо. Все равно оставаться мачо, пусть даже ему суждено падать в колодцы с дерьмом, сосать светящуюся грудь и быть распятым на кресте... А потом выясняется, что ничего другого он для себя в жизни и не хотел...

Карлос не помнил, как он очутился на улице. Все произошло слишком быстро. Розовый хмельной туман окутал его, подхватил и, казалось, вынес из бара. Маленькая женщина, толстый старик с пистолетом, невеста в белом и даже сам Очкарик куда-то

исчезли. Карлос не знал, где и когда они спрятались, чувствовал только, что все закончилось, что он их больше никогда не увидит. Прошлое, столкнувшись с будущим, разнесло его в клочья и оставило Карлоса наедине с настоящим, совсем без этого самого будущего... Пытаясь проглотить обиду, Карлос вдохнул горький и холодный весенний воздух, закашлялся и огляделся по сторонам. Да, он был один. На улице давно зажглись насмешливые городские фонари. Народ – не тот, дневной, деловой и стремительный, а вечерний, расслабленный и неспешный – слонялся по тротуару, мягко обтекая застывшую фигурку Карлоса. Постояв еще немного, он тоже пошел медленно и бесцельно, невольно следуя за шумной компанией энергичных молодых людей, чем-то привлекших его рассеянное внимание. Трое парней обступили двух девиц; один из них двигался спиной вперед, размахивая руками и натываясь на прохожих. В свете фонаря Карлос разглядел девиц и усмехнулся: одна была худой, белолицей и держалась отстраненно, а другая – высокая и полноватая, все время хохотала и так и льнула к своему ухажеру. Карлос не спрашивал себя, почему он идет за этими мальчишками и их бабами. Просто шел и шел, потому что нужно же было куда-то идти. Может быть, прогулявшись на свежем воздухе, он оправится и сообразит, что ему теперь делать с самим собой? Механическое бездумное движение успокаивало Карлоса, примиряло с еще до конца не осознанной потерей...

На углу компания приостановилась, натолкнувшись на верткого нетрезвого попрошайку с бумажным стаканчиком в руке, нагло и весело стреляющего мелочь у безразличной публики. Из стаканчика на асфальт выпало несколько монет, нищий ловко наступил на них подошвой грязной кроссовки и хищно оскалился:

– Бабки-то пропали теперь! Ищи их! Толкаются тут, а платить кто будет? А?! Последнюю копейку отбирают, падлы! Бабки гоните, быстро!

По тому, как дрогнули лица у парней, как суетливо полезли они в карманы, Карлос понял, что это – типичные нью-йоркские мальчишки, которым для храбрости нужно выдуть полдюжины банок пустого безвкусного пива... Пижоны! Сопляки! Зато девицы совершенно не заметили нищего: худая, кутаясь в длинный плащ, все так же отстраненно смотрела поверх голов, а толстая, ухмыляясь, шептала ей что-то на ухо выразительными нетерпеливыми губами. Бабы, они бабы и есть... Карлос напряг мышцы на груди, повел плечами и шагнул к нищему. Попрошайка встретился с ним глазами, криво и знакомо усмехнулся и покачал головой.

– Ну чё, не надоело тебе еще? Хочешь опять? Хочешь? Уйди лучше! Ничего тебе больше не будет! Нет и нет!

Он скомкал свой стаканчик, швырнул его на землю и вдруг запрыгал на месте, взвизгивая и наливаясь краской. Карлос отшатнулся. Нищий поглядывал на него злобно и радостно и кричал, брызгая белой слюной, что коли так, пусть так. Ура! Победа! Ничего не будет! Не хотите и не надо!..

Карлос попятился. Сначала он подумал, что сумасшедший попрошайка с кем-то его перепутал, принял за такого же, как он сам: Карлос только сейчас сообразил, что так и ходит в смокинге с чужого плеча, надетом на голое тело. Потом ему показалось, что нищий что-то знает и о нем, и об Очкарике, и обо всем, что ними случилось. Преодолевая отвращение, Карлос придвинулся ближе к беснующемуся попрошайке, но тот вдруг перестал кричать и упал спиной на асфальт. По его лицу прошла тяжелая медленная судорога, в уголках губ запузырилась пена, а ноги беспомощно засучили по несвежему тротуару. Карлос отступил на шаг, пожал плечами, как бы убеждая себя, что все это ерунда, и торопливо отвернулся.

Тем временем трусоватые пижоны успели увести своих девок с беспокойной авеню на почти безлюдную улочку и все так же шумно, но быстро двигались в сторону Ист-Ривер. Карлос постоял на месте, пытаясь сообразить, нужно ли ему догонять их, решил, что не стоит, и уже пошел было в противоположную сторону, как вдруг на него накатила непонятная злоба. Догадываясь, что почему-то так ему будет легче, он стал

теребить в себе эту злобу как задремавшую собаку. Он вернулся на прежнее место, жестоко пнул все еще валяющегося на земле нищего в бок и задумался, глядя вслед мальчишкам. Где-то внутри него затаился обиженный глуповатый малыш со звериными чертами, требующий, чтобы его взяли на руки, а иначе... Они еще пожалеют, подумал Карлос. Они все еще пожалеют... Не хрен было Очкарику заводиться с ним! Ведь и этот чудотворец, и материнская статуэтка, и та баба на шоссе – все одна банда. Ясное дело! А теперь – ну надо же, как он сразу не сообразил! – Карлосу следует наверстать многое, отнятое у него этими идиотами. Раз он теперь ни при чем, так и ладно! Карлос поехал и быстро пошел за удалявшейся компанией. У него даже бабы уже черт знает сколько времени не было! Из-за всяких дурацких выдумок! Но теперь он добудет себе баб. Вот прямо сейчас! Сначала ту, высокую, а потом уж и толстую. Или нет, наоборот... Да какая разница! И пусть кто-нибудь попробует его остановить!

Он ускорил шаг и уже готов был бежать за беззаботными сопляками, когда один из них неожиданно выскочил на дорогу, замахал длинными руками и, почти вспрыгнув на капот, остановил пустое пробегавшее мимо такси. Испугались ли они, заметив Карлоса, или просто решили, что опаздывают?... Карлос скрипнул зубами и побежал так быстро, как только мог. Он видел, что девицы неторопливо усаживаются на заднем сидении, а тот суетливый мальчишка все еще стоит, склонившись к открытому водительскому окну. Карлос начал задыхаться, но не от бега, а от мысли, что добыча вот-вот ускользнет, умчится от него – от распаленного и не могущего ждать зверя... Он был уже почти рядом, когда такси резво сорвалось с места, скользнуло под желтый шарик светофора и, вывернув влево, стало набирать скорость. Карлос снова почувствовал себя обманутым. Ну уж нет, из этой игры его не выбросит никто! Здесь он сам себе чудотворец!

Он бежал так быстро, как не бегал еще ни разу в жизни. Даже будучи мальчишкой, когда приходилось скрываться от страшной расправы мокрых опозоренных мужиков... Так быстро, как будто пытался догнать безнадежно проскочившее мимо будущее. Как будто кровожадный ребенок внутри него умрет, не получив желаемого вот прямо сейчас, и отравит самого Карлоса едким трупным ядом разочарования и тоски. А машина уже скрылась из виду, затерялась среди мигающих огней других близнецов-такси, растаяла в прохладной густеющей мгле вечернего города. Но Карлос бежал все равно, коротко вдыхая и выдыхая не успевающий добраться до легких воздух. Люди торопливо расступались перед ним, чувствуя в маленьком, несущемся, не разбирая дороги человеку неукротимую силудвигающегося локомотива.

Постепенно, под аккомпанемент судорожного дыхания, в его сознание стала пробираться Пустота. Ну и хорошо! Теперь он знает, что им ответить. Его больше не купят на дешевую ненужную мудрость. Он же мужик, в конце-то концов! Ну, где эти голоса?! Его рассеянный, уже безразличный к деталям взгляд вдруг сфокусировался на притормозившем далеко впереди автомобиле. Это было желтое такси с той самой компанией сопляков. Ну или так, по крайней мере, ему почудилось. Собрав последние силы, он понесся к ним, стараясь не выпустить из виду знакомые силуэты. Компания выгрузилась из такси, но никуда не уходила, а ждала одного из сопляков, который, снова склонившись к открытому окошку машины, не то расплачивался, не то о чем-то договаривался с водителем. Высокая девушка неподвижно стояла на тротуаре и в обманном сиреневом свете витрин казалась похожей на манекен. Звереныш внутри Карлоса снова зашевелился и хмыкнул...

Мальчишки окружили своих баб и повели их куда-то в черный разъем между домами. Карлос видел, как все тот же сопляк, который болтал с таксистом, приткнулся к почти невидимой в темноте решетке, перегораживающей вход в узкий, похожий на коридор дворик и что-то забормотал в домофон. Сделав над собой последнее отчаянное усилие, Карлос подбежал к отворившейся калитке как раз в тот момент, когда в нее

проскользнул последний из сопляков. Замок еще не успел щелкнуть, и Карлосу, ухватившемуся за холодную и подрагивающую металлическую решетку, сразу вспомнился другой металл – ржавые и дрожащие под его рукой перила мостика...

Вместе с пережитым где-то там, под землей, страхом к Карлосу вернулось и воспоминание о Другой женщине, отвратительной и лживой, которую он тогда спас... Не дал, как Бандиту Хорхе, утонуть в дерьме... Вот где оно, его прошлое... никуда, оказывается, не делось, проклятое! Темень в этом мрачноватом дворике стояла почти такая же, как и тогда, в детстве, в его родном переулке. Почему все происходит именно так? Все самые серьезные и значительные события его жизни обязательно были связаны либо с ненормальными бабами, либо с дерьмом! Жалкий вонючий мекс, вот кто он такой! Хуже, чем дурачок Хозе! Придурок, такой же придурок, как его беспутная неистово верующая мамаша! Все, что он может, это унижаться или – вот как сейчас – полыхать злобой, нянькая того гаденыша внутри... Даже из Пустоты его выбросили! И Очкарик – глупый трусливый Очкарик, которого он спас в церкви – тоже от него отказался... Чудотворец хренов! Если бы не большая святящаяся баба, увлекшая его за собой, так он бы этого Очкарика отделал... совсем как дурачка Хозе! Ладно, раз уж так все получилось и кино закончилось, то и нечего теперь мандражировать. Обоссать поддатого мужика на бабе было куда как опасней!

Карлос медленно прикрыл за собой калитку и, придерживая ее рукой, вгляделся в темноту. Компания была тут как тут: мальчишки переминались с ноги на ногу вокруг девиц, и только один из них, самый прыткий, куда-то исчез. По железным прутьям снова прошла дрожь. Только на сей раз, похоже, трясло самого Карлоса. Как тогда, на мостике над пропастью... А сопляки как будто ждали его: стояли неподалеку, в центре дворика, перешептывались и посмеивались над его нерешительностью. Вот и хорошо, сейчас он им покажет, что может сотворить разбойник, оставшийся без своего чудотворца! Карлос, наконец, оторвался от решетки и сделал несколько шагов вперед. И хотя он прикасался к железу только руками, во рту появился ржавый солоноватый привкус. Хорошо бы снова мазнуть дерьмом по лицу... Или достаточно того, что он в нем уже выкупался?..

– Тебе чего, мужик? – спросил один из сопляков, пытаясь придать голосу оттенок мужественности. – Ищешь кого-нибудь?

Карлос с самого начала намеревался сильно ударить этого мальчишку по лицу. Так сильно, чтобы второго бить уже не пришлось: убежал бы, дешевка, забыв и о бабах, и о приятеле. Это чтобы потом, когда он с этими самыми бабами возиться начнет, никто ему не мешал. А криков, даже если бы кто и закричал, Карлос не боялся. Это Нью-Йорк! Да и не успели бы они закричать, ну только если бабы, от удовольствия. Ах ты, надо же... в последний-то раз под ним соседская поблядушка кричала. Ласковая была, тварь! Это после того, как Бандит Хорхе... хм... утоп. Давно это было...

Ударить Карлос никого не успел, потому что второй сопляк наклонился к нему и заговорил с блудливыми нечеткими интонациями, нетерпеливо пошмыгивая носом.

– Слышишь, может ты бабу ищешь, а? У нас тут вот – девочки, и недорого. Хочешь? Seriously, можно и минетик по-быстрому, а, хочешь, так и... Вот она, – он бесцеремонно ткнул пальцем в тоненькую и отстраненную девицу, – она классная, бля буду! Обслужит как надо. Ну что, давай? Только бабки вперед, мужик, сам понимаешь. А то у нас не хватает... А можешь другую, только она еще... Да хоть двоих бери, за ту же цену. Нам не жалко. Только деньги вперед.

Карлос на секунду опешил. Потом остро, насколько это было возможно в полутьме, вгляделся в стоящих перед ним мальчишек. Э-э, да эти-то... Наркота, дрянь пропащая! Он посмотрел на девиц. Худая стояла неподвижно, с равнодушным видом засунув руки в карманы своего плаща. Толстая, поймав взгляд Карлоса, откровенно ухмыльнулась и снова стала что-то нашептывать на ухо худой. Дурной привкус во рту усилился. Одного Карлос утопил, другую спас... А сейчас вот опять неладно! Карлос

коротко и сильно толкнул сопляка, который от неожиданности нелепо шлепнулся на задницу, и шагнул к равнодушной девице. Ну! Девица пожала плечами и, все так же глядя куда-то в сторону, как бы сквозь него, медленно вытащила одну руку из кармана и щелкнула какой-то застежкой. Свободные, похожие на балахон, штаны тут же упали вниз, закрыв ступни, и она легко переступила через них, высвободив одну ногу и из брючины, и из туфли одновременно. Плащ распахнулся, и Карлос заметил сверкнувшее под ним голое худое тело. Девица вынула из кармана другую руку, зачем-то понюхала кончики пальцев и легко усмехнулась. Карлос дрожащей рукой дотронулся до ее маленькой груди с крохотным мальчишеским соском. Тело было гладким и холодным. Карлос повел ладонью вниз и тут же одернул ее, хотя девица послушно отставила ногу пошире. Лобок у нее был гладкий, как и вся остальная, совершенно пластиковая на ощупь, кожа! О, Иисус!

– Слышишь, мужик... Ладно, я вижу, ты крутой. Не надо денег, нам же не жалко. Пользуйся, пожалуйста. Только я сразу понял – тебе не такое нужно. Ну, в смысле, не так, чтобы просто перепихнуться под забором. Идем, покажу тебе кое-что! Мы все равно сами собирались...

Сопляк тянул его за рукав, и Карлос пошел за ним. Пошел, потому что так поразившая его девица послушно направилась в глубь двора, волоча по земле свои штаны, по-прежнему не глядя ни на кого и не запахивая плащ. А толстуха все старалась достать губами до уха подруги, дошептать ей свои тяжелые масляные секреты... Прямо под глухой стеной с единственным низким и темным окном, рядом с покривившейся дверью подъезда, стоял большой картонный ящик. Сопляк остановился, хихикнул и легонько ударил по нему ногой.

– Ну вот, здесь мы и расположимся. А когда придет Чарли с товаром, так будет еще веселее. Правильно я говорю? Ну что, кто будет первым? У нас, – сопляк таинственно понизил голос и приблизил лицо к уху Карлоса, – игра такая, понимаешь? А то так-то уже не интересно – ну трахаешь их и трахаешь, радости-то... А теперь смотри, мужик, что мы сделаем. Вот ты, например, отходишь в сторону, а мы все в парадняке прячемся. А одна из девок лезет в ящик. Понимаешь? Нет? Ну а ты возвращаешься и через дырку в ящике... Понял? А потом угадываешь, кого это ты только что оттрахал! Классная игра, бля буду! Через ящик, да еще и в темноте... Ну, теперь понял? Давай, ты первый. Теперь отвернись, пока мы кого-нибудь в ящик упрячем. Ну, не ломай кайф, мужик! За бесплатно же!

Карлос покорно отошел в сторону, сам не понимая, что с ним происходит. Какие-то неведомые чудовищные силы, казалось, долго жевали его в своем темном бездонном рту, а потом выплюнули остаток в виде вонючего грязного человечка, и теперь ему придется снова стать тем, кем он родился и кем, по-видимому, уже и умрет – тупым и жестоким мексом. Как тогда, как сейчас, как всегда... Эти силы в виде придурка-нищего, обдолбанной в конец гладкой девицы или сопливых нанюхавшихся пижонов с их блядскими играми продолжали добивать его, и он уже не сопротивлялся, ненавидя и проклиная себя за это. Ну и ладно, трахнет он эту гладкую, и другую трахнет. И наркоту шмыгливую отделает как надо. Чтоб кровью, суки, харкали. Сколько ж можно дурака валять? Кончились загадки, началась обычная жизнь – правильная, суровая. В общем, такая, какая она есть на самом деле...

– Ну пошли, мужик. Все готово, – навязчивые липкие пальцы тянули Карлоса за рукав. – Сейчас самый смак и получится, бля буду. Чарли товар достал, все в кондиции, так что начинай давай!

И снова – вместо того, чтобы вмазать сопляку и добавить потом ногами, коротко и беспощадно, – Карлос почему-то покорно подошел к стене, к ящику. Ему послышалось, что внутри, в картонной утробе, кто-то пошевелился и вздохнул. Не обращая внимания на насморочный нетерпеливый шепоток, он вдруг представил себе, как там, внутри, голая гладкая девица, рабски прогнув свое тело манекена, вся

скрючилась, сложилась пополам и прижимается маленькими острыми ягодицами к лохматой неровной дыре, выставя на холодящий воздух самое свое нутро... И покорно ждет, чтобы легко – как тогда, на шоссе – погрузить его в себя и самой погрузиться в него и, может быть, снова от чего-то спасти... О, Иисус! Нервный он стал, прямо как Очкарик! Опять хватается за idiotские выдумки! Нет, больше никаких глупостей: сейчас он покажет этой бабе, что к чему. Да и всем остальным тоже...

Карлос рванул скользкую пуговку на брюках, потом – молнию и, зарывчав, прильнул к ящику. Картонные стенки заколыхались и слегка поддались под его напором. Его встретило гладкое холодное тело. Ну же! В ответ на его остервенелый толчок где-то там, внутри, сухо щелкнуло. Ну же! Раньше, с той ласковой поблядушкой, ему никогда не требовалось помогать себе руками... А-а, вот оно! Пронзительно и знакомо запахло разогретым на солнце пластиком...

...Карлос летел и, как ночная бабочка о стекло, бился о мягкий ящик. Бился и летел. Летел и бился. И жадный звериный ребенок захлебнулся в этом полете, съежился и юркнул, сучонок, в раскаленный низ живота, щекотно заворочался там, готовясь выпрыгнуть наружу, хлестануть, не разбираясь, куда попало и выдохнуть потом удовлетворенно и жалко...

Был ли это смех, или, может быть, это подземная вода с ревом уходила из колодца, а гнилой мостик, поймав его, Карлоса, своей ржавой железной лапой, тянул вниз, в страшную вонючую глубину... Но нет, это хохотали окружившие его сопляки. И обе бабы были с ними. Даже та, высокая, стояла, запахнув плащ, и улыбалась хотя и отстраненно, но едко. А толстуха приседала от смеха, визгливо хрюкала, трясла щеками и сиськами.

– Молодец, мужик! Вот так и надо! Лихо ты клиентку уделал! Сейчас посмотрим, как она там! – шустрый сопляк отбросил легкую крышку ящика и с преувеличенно озабоченным видом заглянул внутрь. – Ну ты даешь, бля буду! Всю подружку изломал, не поймешь, где руки, где ноги.

Покряхтывая, он запустил в ящик худую руку и вытащил за волосы пластиковую голову с обрезком шеи. Несмотря на темень, Карлос почему-то сразу узнал ее. Это был его манекен! Тот самый, который лежал в багажнике оставленной в парке машины. За спиной грубо и беспечно заливались сопляки. Карлос почувствовал, что так и не выплеснувшийся звереныш снова подскочил вверх, тяжело ударяя ногами по желудку, и устремился к горлу. Шутники, идиоты, они не понимают, что сейчас Карлос голыми руками оторвет их обдолбанные головы и сложит в этот же самый ящик, к манекену! Вот это будет шутка! Но для начала он разберется с этими двумя сучками... В темном окне загорелся слабый, как будто идущий из глубины комнаты, свет. Когда он упал на лицо Карлоса, хрюкающая девица вдруг поперхнулась и выпучила глаза. Следом за ней и вся компания судорожно сглотнула жесткий жеребьячий гогот. Карлос чуть оскалился и задыхал чаще: пусть увидят, суки, пусть почувствуют, что именно сейчас произойдет. Это будет и страшно, и сладко... Он больше не станет спасать Других женщин. Он ударит тяжелой подошвой по цепляющимся за жизнь пальцам, и грузное трепещущее тело унесется вниз вместе с дерьмом...

– Ну, бля, – растерянно сказал бойкий сопляк, – ты, мужик, испугался, что ли? Обалдеть можно!

Только тут Карлос заметил, что стоит с опущенными до трясущихся колен штанами и прилюдно писает. Он попытался остановиться, но тело не слушалось его, и струя лилась на ящик, на штаны, на грязную серую землю вокруг. О, Иисус! Что же это?! Что же это с ним? Это не честно! Если его выбросили, выплюнули, оставили, если все закончилось, тогда... Тогда пусть ему не мешают быть тем, кем он рожден! Насиловать, избивать... И сдохнуть, наконец, где-нибудь под забором, на грязном пустыре! Сколько же можно?! В тоске и недоумении Карлос поднял голову, и взгляд его остановился на светящемся окне. Внутри кто-то двигался и даже, как слышалось

Карлосу, постанывал. Прошлое снова настигло его, и он снова, замерев, ждал, когда глухо повалятся кирпичи под тяжелыми горячими телами... А что, если он действительно вернулся домой? Тогда можно встать на этот ящик, заглянуть в окно и опять увидеть мать, услужливо распластанную под никогда не тонувшим Бандитом Хорхе?..

Карлос неловко подтянул брюки и, не обращая никакого внимания на недоумевающих шутников, вскарабкался на хлипкий картон. Стоило ему дотянуться до подоконника и вцепиться в него пальцами, как проклятый ящик прогнулся и стал оседать. Карлос повис на руках, забарахтался, нащупал ногами узкий карниз и, опираясь на него, заглянул, наконец, в комнату. Но ни матери, ни Бандита Хорхе он не увидел. Комната была другая. Хотя у стены – почти на том же самом месте! – тоже стояла большая и низкая кровать, освещенная слабеньким, идущим откуда-то из коридора, светом. В полутьме Карлос не сразу разглядел человека, который неподвижно стоял у окна, прислонившись лбом к стеклу. А когда разглядел, то невольно вскрикнул и сразу почувствовал сильный, бьющий в спину ветер. Скосив глаза, он увидел, что и двор, и ящик исчезли, что под ним – далеко внизу! – распласталась ночная улица... Карлос вздрогнул и теснее прижался к стене. И почему-то даже обрадовался, хотя от покалывающей дрожи задержались икры на ногах. Он совершенно не понимал, что все это означает, но радостное тепло уже разлилось по напряженному телу: еще ничего не закончилось, его никто не бросил, он опять рядом с Очкариком! Но ведь он сейчас сорвется! Неужели Очкарик не понимает этого? Карлос в отчаянии завертел головой в поисках более надежной опоры и увидел, что совсем рядом с ним покачивается толстый мохнатый канат. Канат! Карлос изловчился и поймал его зубами. Рот сразу заполнился колючими промасленными волосками, но думать у Карлоса уже не было времени: руки сами оторвались от подоконника и вцепились в зыбкое веревочное плетение. Карлос повис в воздухе, потом обхватил канат обеими ногами и почувствовал себя чуть лучше.

Наверное, Очкарик тоже заметил его, потому что вздрогнул и удивленно поморщился. Карлос видел, как он застыл, глядя вдаль, как зашевелились его губы, а лицо исказила странная страдальческая гримаска. Потом он взглянул прямо в глаза Карлосу и вдруг засуетился, пытаясь торопливо и неумело открыть окно. Но даже по эту сторону стекла Карлос понимал, что окно не открывается и не откроется, потому что закрыто наглухо... Наконец и сам Очкарик понял это и в ужасе заметался по комнате. Испуг Очкарика мгновенно передался Карлосу. Руки и ноги совсем затекли: казалось, еще немного, и они не удержат его. И тогда Карлос заплакал. Наверное, можно было не поверить в то, что он снова видит Очкарика, что и в самом деле висит у него под окном... Но не поверить – означало не чувствовать высоты и ветра, расслабиться и отпустить руки... Слезы залили глаза, слиплись и превратились в одну огромную слезу. Опустевшая комната под взглядом Карлоса фантастически исказилась и стала теперь совсем недостижимой...

Уже плохо соображая, Карлос взглянул вниз и с удивлением обнаружил, что застывшая слеза, словно увеличительное стекло, позволяет ему видеть далекую улицу четко, как в бинокль. И сразу же различил фигуру Очкарика, который выскочил из подъезда и заметался по тротуару, беспомощно размахивая руками.

– Он же Чудотворец, – прошептал Карлос, – он должен меня спасти... Иначе...

Карлос видел, как к Очкарику подскочила нелепо одетая худая женщина, схватила его за руки и что-то визгливо закричала. Очкарик пытался отстраниться, но женщина не отставала. Карлос пригляделся и вдруг сообразил, что это – та самая проститутка, которая так напугала его, забравшись сегодня утром в багажник! Он еще ударил ее, когда они с Очкариком... О, Иисус, как давно это было! Если бы не эта дешевка, он почти наверняка уехал бы в Техас, и ему не пришлось бы пережить все невероятные и пугающие события этого долгого-долгого дня...

...Далеко внизу, на улице, происходили странные вещи. Проститутка толкнула Очкарика и, широко раскрыв рот, стала тыкать в него пальцем. Еще через секунду рядом с ней появился большой и толстый черный мужик, который мелко кивнул ей, шагнул к Очкарику и сделал короткое, почти неуловимое движение. От небольшого предмета, зажатого в его пухлом черном кулаке, отлетел короткий колючий блик и больно ударил по застланным слезами глазам Карлоса. И сразу же вслед за этим и проститутка, и черный, уходя из фокуса, расплылись, стали таять и вот уже исчезли совсем... Карлос и не следил за ними. Он видел, как Очкарик остановился, глуповато и удивленно посмотрел на свой живот, пожал плечами и, так и не успев поднять руку, повалился лицом в асфальт, кроша о его серо-желтую поверхность съехавшие с носа очки... Карлосу как-то сразу стало понятно, что он больше уже не встанет, потому что умер. Это было странно и страшно. Карлос хотел закричать, но горло перестало слушаться его и издавало только глухой беспомощный хрип. Чудотворца больше не было. Карлос остался один. И некому было ему помочь. Теперь уже не узнать, мог ли существовать Чудотворец без разбойника, но вот разбойник без Чудотворца сейчас сорвется и полетит вниз...

Словно в ответ на его отчаянный беззвучный вопль раздался громкий короткий щелчок, канат вместе с Карлосом резко пошел вниз, но сразу же замер. Ночь как будто выключили одним движением. Над городом разгорался яркий весенний день, гася ночные фонари, стирая кошмары, унося все призраки... Карлос, стесняясь самого себя, заплакал в голос и, уже совсем ничего не видя от слез, пополз по канату вниз. Потому что понял: вверх лезть опасно. Карабкаясь туда, он может ненароком снова включить вечер, и тогда все закончится плохо. Пусть лучше все закончится хорошо...

На земле Карлос аккуратно подтянул штаны, сплюнул канатную труху и, засунув руки в карманы, пошел искать ту самую проститутку – сейчас он с ней, с сукой, разберется за все. Разбойник он или нет, блин!

КОНЕЦ

Май 2003, Нью-Йорк